

Литературный Азербайджан

ИЗДАЁТСЯ
с 1931 года

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЛИТЕРАТУРНО-
ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ
УЧРЕДИТЕЛЬ - СОЮЗ ПИСАТЕЛЕЙ
АЗЕРБАЙДЖАНА

№ 4

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОЗА

АНАР. Амулет от сглаза. <i>Повесть</i>	3
Азер ЭФЕНДИ. Сакит (<i>Прощание с улицей Советской</i>)	88
Нонна МУЗАФАРОВА. <i>Рассказы</i>	112

ПОЭЗИЯ

Хикмет МАХМУД. <i>Стихи</i>	72
Марат ШАФИЕВ. Громкое молчание. <i>Стихи</i>	84
Вера ВЕЛИХАНОВА. <i>Стихи</i>	97
Нонна МУЗАФАРОВА. <i>Стихи</i>	110
Даяндур СЕВГИН. <i>Стихи</i>	126

ПУБЛИЦИСТИКА

ПЯРВИН. «Гез мунджугу» Анара	66
Марина МУРСАЛОВА. «Ты одна мне ростом вровень»	76
Эмиль АГАЕВ. Свобода обмена или свобода обмана?	102
Гусейн АДЫГЕЗАЛОВ. Из истории расселения армян на Кавказе	120
Елизавета КАСУМОВА. Дон Кихот? А кто это?	129

2015

Главный редактор	– Солмаз ИБРАГИМОВА
Зам.главного редактора	– Елизавета КАСУМОВА
Литсотрудники	– Диляра БАБАЗАДЕ, Егана МУСТАФАЕВА
Отдел прозы	– Надир АГАСИЕВ
Отдел поэзии	– Алина ТАЛЫБОВА
Отдел публицистики	– Ровшэн КАФАРОВ
Отдел подписки и рекламы	– Джамия ШАРИФОВА тел: (055) 846-98-49
Компьютерная верстка	– Натаван ХАЛИЛОВА
Корректор	– Анна КУЗЁМКИНА
Редакционная коллегия:	Эмиль АГАЕВ, Кямаля АГАЕВА, Гюльрух АЛИБЕЙЛИ, Эльмира АХУНДОВА, Агиль ГАДЖИЕВ, Асиф ГАДЖИЕВ, Шелала ГАСАНЛИ, Александр ГРИЧ (Лос-Анджелес, США), Максуд ИБРАГИМБЕКОВ, Динара КАРАКМАЗЛИ, Сиявуш МАМЕДЗАДЕ, Азер МУСТАФАЗАДЕ, Эльчин ШЫХЛЫ
Литконсультант	– Натиг РАСУЛЗАДЕ
Ответственный секретарь	– Эльдар ШАРИФОВ-СЕЙШЕЛЬСКИЙ

Журнал зарегистрирован 19.04.96 г в Министерстве
печати и информации Азербайджанской Республики
Регистр. № 352

Адрес редакции:
AZ 1000, Баку, ул.Хагани, 53
Электронный адрес: litaz@box.az
Тел: 493-75-81

Подписано в печать 19.03.2015 г.
Бумага офсетная. Формат 70x100 1/16
Печать офсетная, 8.25 печ. л.
Тираж 400

Отпечатано в типографии «OL»НКРТ ММС
Тел.: 497-36-23
Адрес: ул. Мирзы Ибрагимова, 43

ПРИ ПЕРЕПЕЧАТКАХ ССЫЛКА НА ЖУРНАЛ ОБЯЗАТЕЛЬНА

***Рукописи не рецензируются и не возвращаются.
Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов.
Ранее опубликованные произведения редакцией
не рассматриваются***

Во всех случаях полиграфического брака в экземплярах журнала
обращаться в типографию «OL»НКРТ ММС

А Н А Р

АМУЛЕТ ОТ СГЛАЗА

(Повесть)

«Если Бог отнимет у вас уши и глаза,
и запечатает вам сердце,
то никто, кроме Бога,
не сможет вернуть
вам их обратно».

Священный Коран, сура Аль-Анам, 46

Гораций, много в мире есть того,
Что вашей философии не снилось.

*У.Шекспир, «Гамлет»
(Перевод Б.Пастернака)*

«Бог создал нас для того,
чтобы через нас
постигалась Истина».

Джалаладдин Руми

«Человек, отвергающий чудо,
тем самым отрекается от Бога,
так как в чуде он нуждается
больше, чем в Боге.
Не умея жить без чуда,
он сам выдумывает чудеса,
и тянется к чуду, тайне,
предсказаниям».

*Ф.М.Достоевский,
русский писатель*

«Искусство дано нам для того,
чтобы Истина не уничтожила нас».

*Фридрих Ницше,
немецкий философ*

ГЛАВА 1

Третий день после моих похорон

Земля вмиг обледенела,
Инеем звонким звеня...
Омыв моё брненное тело,
Опустили в могилу меня.

В пять пядей моё одеянье,
Лежу в окруженье камней...
Достался червям в поеданье
Безжизненной плотью своей.

Юнус Имре

Человек – всего лишь тростник,
слабейшее из творений природы, но он –
тростник мыслящий. Чтобы его уничтожить,
вовсе не надо всей Вселенной: достаточно
дуновения ветра, капли воды. Но пусть даже
его уничтожит Вселенная, человек всё равно
возвышеннее, чем она, ибо он сознаёт, что рас-
стаётся с жизнью и что слабее Вселенной, а
она ничего не знает о своем превосходстве».

Блез Паскаль, французский философ

«Смерть – общее счастье всего человечества.
Ждёт ли нас на том свете вечное счастье?
Ответ на данный вопрос приводит нас к
бездне, преодолеть которую наше сознание не
способно».

Сёрен Кьеркегор, датский философ

Боль... ужасная, нестерпимая боль... словно прижигают каждую частицу моего
тела, моего лица. Так и хочется кричать от боли... но у меня пропал голос.

Боль... тьма... Кромешная тьма. Не видно ни зги. Мои глаза ничего не видят.
Глаза закрыты...

Боль... ужасная, нестерпимая боль... Память постепенно проясняется... Вер-
шина. Высоченная вершина. Пик горы? Нет, не то... Передо мной бездонная про-
пасть... Я лечу...

С крыши высокого здания... Передо мной пропасть... Лечу...

Кто-то подкрадывается сзади... Кладёт одну руку мне на плечо, другую – на
пояс... Сильный толчок. Лечу...

Дно пропасти – улица. Здания стоят вверх тормашками... Одна тысячная часть

доля секунды... Удар! Внутри меня что-то рассыпается... Лицо размазано по горячему асфальту, сплющено как блин. Нос проваливается внутрь промеж щёк.

Боль... ужасная, нестерпимая боль... В голове гремит гром.

Затем... пустота...

... ни боли, ни света, ни тьмы... тишина, безмолвие...

Теперь ощущалась не боль, а её осознание. Некогда испытанная, осознанная боль, запечатлевшаяся в памяти.

Он открыл глаза, с трудом, словно тяжёлый груз, подняв веки... Не видно ни зги... Это не тьма, царящая в зажмуренных глазах с разбегающимися розовыми, жёлтыми, зелёными кругами, – это тьма открытых глаз. Тьма, поглотившая весь мир... Нигде не видно ни лучика света. Кромешная тьма, сквозь которую глазам не суждено разглядеть что-либо, когда-либо...

Сколько ни смотри, даже контуры предметов вокруг невозможно разглядеть. Хотя вокруг нет никаких предметов. Вокруг нет даже пространства. Он словно находился в тесном, тёмном мешке.

Тьма материнского чрева... тьма времени, без единого понятия о разноцветье внешнего мира. Или же тьма врождённой слепоты, несмотря на появление на свет.

Эта тьма внезапно рухнула на него, обволокла его тело вместе с нестерпимой болью, и хотя боль уже утихла, его мучило осознание того короткого мгновения...

Боль возвращала ему сознание – оно восстанавливалось постепенно, миг за мигом, капля за каплей...

Так кто же столкнул его с этой высоты? После молниеносного полёта внутри него произошёл мгновенный взрыв, словно рассыпались все внутренности. А что за вода, которая текла ему на голову, будто из душа? «Душ» по-турецки – сон... У нас некоторые называют душ «чилек», то есть разбрызгиватель. Но эта вода не разбрызгивалась, хоть и не лила как из ведра, не хлестала, подобно ливню, про который в народе говорят: «Схватись за струю – поднимешься на небо». На него словно вылили полный таз воды, он обмок до ниточки; тело дрожало от холода, покрывшись гусиной кожей. Тело... О нём сочинены многочисленные «вуджуднаме» – стихосложения, описывающие человека с момента появления на свет вплоть до последнего мгновения жизни, включая даже посмертное состояние в могиле... Кто-то из философов утверждал, что в момент смерти – пусть даже мгновенной – каждый человек вспоминает всю свою прожитую жизнь, вплоть до самых мелких подробностей...

Неожиданно в его памяти всплыл человек со шрамом... Шум игры в нарды, стук шашек по доске, зернистый звук брошенных костей, шестёрка с четвёркой, пара троек, пара пятёрок; пара пятёрок запомнилась ему лучше остальных. Пожилой учёный... пылает огнём... дабы потушить огонь, заворачивается в ковёр; полыхает и ковёр... Округлившиеся глаза Закира, надевшего мой халат в красную полоску, круги от банок на голой женской спине... Женские колени, белевшие в тёмном салоне... Кто эта женщина? Ангел смерти?

Смерть такова... А как же та вершина, полёт, осознание боли?.. Знакомые лица... Как же он помнит всё это, если уже мёртв? Может, это и есть потусторонний мир?.. Что такое смерть – вечный Конец, или начало другой жизни?

Больше всего его тяготила теснота... Он пытался двигать конечностями, но все тело было сковано... В сознании всплыло одно воспоминание. В Египте он ползал по тесному тоннелю, ведущему к храмам и пирамидам... Внезапно сжалось сердце, он попытался встать, но подняться в тесном трубчатом тоннеле было невоз-

можно: и впереди, и сзади ползали такие же, как он, туристы... не было возможности протиснуться ни вперёд, ни назад; он не мог даже поднять голову – чувствовал, что вот-вот задохнётся, сердце не выдержит, разорвется...

Но сердце не разорвалось. Теперь он испытывал те же ощущения. Но был он крохотным, мог бы поместиться в ладони... тело, руки, ноги касались влажных, рыхлых стен. Он лежал в жиже из крови и какой-то жидкой субстанции. Сквозь тьму и тишину издали слышался ритмичный звук, напоминающий перестук колёс поезда... В его душе тоже что-то застучало, синхронно вторя этим звукам...

Что-то текло ему внутрь из брюшной полости... Истошный крик... Кричала женщина... Она тонула... Какая-то невидимая сила тянула её под воду.

Много лет спустя его так же потянуло с вершины к смерти – а теперь его тянуло к жизни... Под воздействием чьей-то – не своей – боли, стонов, воплей и неразборчивых слов, он был прикован к тесному тоннелю и, задыхаясь в нём, пытался освободиться...

Каждая такая попытка, каждый его стон приближал к свету... очередная попытка, очередной стон... Внезапно он почувствовал свободу, его охватил озноб, и в тот же миг он громко закричал.

Он где-то читал, что Заратустра был единственным человеком в этом мире, который при появлении на свет не плакал, а смеялся.

А зачем ему плакать? Сквозь боли, страдания и потуги той, что была с ним одной плоти и крови, он покинул её тёмное чрево и появился на этот прекрасный свет.

Появился на свет... Кто-то из философов говорил, что человек появляется на свет в тишине. Как он появился на свет, так и должен был его покинуть – мгновенно улетев. Распластавшись на земле и запечатлев свою жизнь на ней, ему предстояло теперь уйти в неё, смешаться с ней. Но этого он не осознавал. Его сознание погасло в том ужасном полёте, вместе с жуткой, нестерпимой болью... И естественно, теперь он должен был лежать под землёй.

Теперь он должен был находиться в царстве мёртвых. Но почему тогда в его память проникали различные мысли, заполонив его сознание разнообразными явлениями, звуками, ощущениями?

Всю свою сознательную жизнь он был материалистом, и никогда не верил в существование жизни после смерти. Возможно, он ошибался. Может быть, жизнь колеблется между реальностью и смертью, туда-сюда, туда-сюда, качается, как маятник часов? Туда – понятно. А сюда? А что если маятник возвращается от смерти к жизни? Что тогда?

Вот он – потусторонний мир: тесное, влажное, холодное помещение, покрытое плесенью, где царит абсолютная тишина...

Лежу неподвижно, конечности скованы. Вот-вот явятся инкир с минкиром¹, и давай допрашивать меня с пристрастием... Оказывается, мертвецы тоже способны шутить. Я ведь точно осознаю, что я умер – значит, я действительно мёртв?

От мысли, внезапно возникшей, вспыхнувшей, ударившей, словно электрический ток, я вздрогнул: нет, я не умер.

Я жив... Меня заживо замуровали, закопали в землю, и теперь каким-то чудом я очнулся от смертельного сна... Руки и ноги скованы, всё моё тело завёрнуто в тесный саван... Значит, меня похоронили как покойника, засыпали землёй, а могилу об-

¹ Инкир и минкир – по религиозному преданию, два ангела, допрашивающие мертвеца в могиле. .

ставили тяжёлыми каменными глыбами...

От одной этой мысли могло остановиться сердце. Хотя... Пришла мысль, что это было бы единственным выходом из безысходности. Делать нечего – даже освободившись из савана, было невозможно сбросить землю, а с неё – тяжёлые камни, и разрыв собственную могилу, восстать из неё, «воскреснуть»...

Единственный выход (ничего себе, выход!) – лежать, стиснув зубы, ожидая истинную смерть... Знать бы, насколько хватит воздуха в могиле...

Интересно, как давно меня похоронили? Судя по тому, что я всё ещё дышу, совсем недавно. Значит, я буду мучиться и задыхаться от нехватки воздуха, пока не наступит настоящая смерть. Могильные черви продырявят саван и сожрут моё тело... Господи, в чём же я провинился? В том, что не верил в Тебя? Ей-богу, в глубине души я всегда верил в Тебя, однако, условия были таковы, что я был вынужден скрывать эту веру.

Ну вот, теперь ты уповаешь на Бога, от которого отрекался всю свою жизнь... Бог велик! И уповать надо только на Бога – и больше ни на кого.

Отныне меня может спасти только Чудо, имя которому – Бог. Нет, глупости – вполне возможно, что именно Бог и наказал меня. Разумеется, если Он действительно существует. Значит, ты всё ещё сомневаешься в Его существовании? Именно поэтому ты и наказан. Нет, да простит меня Бог, ведь Он не меркантилен, Он же знает, что верил я в Него, или нет, всю свою жизнь я прожил праведно, никому ничего плохого не делал, старался жить по совести.

Это тебе так кажется. Это твоя личная оценка своих поступков – возможно, то, что я считал Добротой, для кого-то было Злом.

Если Бог существует, значит, существует и потусторонний мир. Значит, тебе остаётся только ждать – вытерпеть всяческие мучения и ожидать Смерти как своё Спасение. Ждать истинную Смерть, после которой начнётся совершенно другая жизнь, и именно в ней ты найдёшь ответ на все безответные вопросы. Именно в ней наступит месть за все несправедливости, допущенные в нынешнем мире.

Внезапно в памяти всплыло слово *КАРМА*... Что такое карма, из какого языка это слово? Он никак не мог вспомнить источник, значение этого слова, которое казалось ему столь родным. Пытался вспомнить книги, прочитанные им на эту тему. Во всяком случае, сейчас это было не самым худшим занятием, чтобы убить время, да и в его нынешнем состоянии служило бы некоторым утешением.

Жизнь после смерти... Жить заново... Другой жизнью... В другом мире...

Я вспомнил некогда поразившие меня слова из книги Даниила Андреева¹... Он пишет, что в последний раз он умер триста лет тому назад – в стране с древней и богатой культурой. В нынешней жизни Даниил чуть ли не с пелёнок тосковал по своей бывшей родине, так как по его словам, он жил в той стране не единожды, а по нескольку раз. Умирал там, рождался заново...

Возможно, это действительно так. Ведь я помню – ещё Мовлана² говорил, что самое глупое и гнусное выражение невежества – это отрицание потустороннего мира.

Он вспомнил известную легенду суфиев. Горящая свеча привлекает мотылька. Мотылёк бросается в огонь и сгорает. Все ждут, когда мотылёк воскреснет и расскажет всё, что видел. Однако он бесследно исчезает в огне и не возвращается, так как

¹ Даниил Андреев – автор книги «Роза мира», сын известного русского писателя Леонида Андреева. Даниил Андреев стал жертвой сталинских репрессий.

² Мовлана Джалаладдин Руми (1207-1273) – известный восточный поэт и мыслитель, представитель пантеизма.

навечно воссоединяется со своей Любовью.

Он испытывал любовь к Богу; по философии суфиев, смерть – это воссоединение с Богом.

Ты действительно не знаешь, в чём твоя основная вина? Нет, не в твоём неверии и даже не в отрицании Бога. А в том, что ты возомнил себя Богом. Ты, обуянный гордыней, стремился совершать деяния, присущие лишь Богу, а никак не потомук Адама. И неважно, для чего ты это делал – во имя Добра, или Зла... Приятный летний день. Одна из старых, узких, ухабистых улиц Баку... Тротуар возле одноэтажного дома. Мужчина с лысой макушкой и проседью на висках, в сетчатой майке, сквозь которую виднеется его мохнатая грудь, поливает тротуар (с нагретого солнцем асфальта исходит пар)... На табуретке, накрытой газетой, стоит грушевидный стакан с чаем... Аромат имбиря, гвоздики, лимона... Макнув в чай кусок сахара, он положил его в рот и глотнул чаю...

Отчего же я вспомнил об этом? Кто был этот мужчина, кем он мне приходился? Никем... Рано утром, вернувшись на электричке из Бузовны¹ в город, я шёл домой и во дворе увидел его, этого мужчину. Он не был мне знаком, я видел его впервые. Но ни с того, ни с сего, эта сцена навечно запечатлелась в моей памяти.

Может, я жалел об этом? О том, что не я поливал тротуар возле своего дома, не я пил чай с лимоном, имбирём и гвоздикой из грушевидного стакана, стоящего на покрытой газетой табуретке?

Такой ароматный чай он пил не раз, но жить этой простой жизнью он не стал, попросту не мог; спокойная и беспечная жизнь, полная мелких радостей, его не удовлетворяла. Он превратил свою жизнь в заложницу бесконечных амбиций.

Говорят, перед смертью... Кто говорит? Разве кому-то удалось, умерев, воскреснуть и рассказать про увиденное? Он вспомнил сгоревшего мотылька... Да, говорят, перед смертью у человека случается прозрение, меняется обычное представление о времени, и в одно мгновение перед глазами человека, подобно киноленте на частых оборотах, прокручивается вся прожитая жизнь.

Понятие «*третьего глаза*» имеется и в древних индийских преданиях – он когда-то читал об этом в книге. Индийский бог Шива, открыв третий глаз, одним лишь взглядом испепелил своего врага.

Спина ныла от ударов хлыста. Болело всё тело. Хотелось поскорее избавиться от этих воспоминаний. Мокрое тело дрожало от холода. Хотелось бежать... быстрее убежать и избавиться от этих ощущений.

... Под вечер я ехал к морю в машине с откидным верхом. Облака баклажанового цвета... Утомительная тоска чуждого абшеронского вечера. Ветер хлестал моё лицо русыми волосами девушки с грустными глазами, сидящей рядом со мной – я чувствовал на губах прикосновение её волос... Моё самое большое желание... лишь бы эта дорога никогда не кончалась, лишь бы море отдалялось всё дальше и дальше, лишь бы вечер наступил как можно позже...

Внезапно я вспомнил чьи-то строки: *Под занавес долгой жизни, в момент безнадёжности... Это чувство радости возникло столь внезапно...*

Моросило... Капли дождя кололи мне лоб и щёки, словно иголки, но эти тёплые капли дарили приятные ощущения... Тёплый дождь? Разве бывает тёплый дождь?

Ночь наступила внезапно. Появилась Луна – полная, яркая, отраженная морем, и даже хромой ветер – разве бывает хромой ветер? – был скован и беспомощен от

¹ Бузовна – пригород Баку, посёлок на Абшеронском полуострове.

её притягательной силы ... Затем Луна скрылась за облаками... С исчезновением лунного света исчезла и девушка с русыми волосами...

Девушка Луны, Лунная Девушка... Сомнамбула. Кажется, так называется итальянская опера... Кто же автор – Россини, Беллини, Доницетти? Лунный человек – сомнамбула – по-русски называется лунатиком.

Господи, что за мучения? Убиваешь – так убей же, в конце концов! Даже узник, приговорённый к смерти, ожидая день казни, не задыхается в камере от нехватки воздуха. «Живой труп». Толстой. Воскрешение мертвецов. Шейх Насруллах¹. Мирза Джалил... Смесь и чехарда мыслей в моём сознании... Что делать? Что делать! Ленин... Чернышевский... «Нашёл время вспоминать про хну!»² Узеир-бек... Мешади Ибад. Как хочется хоть чем-то занять мысли, чтобы окончательно не сойти с ума!

А может, сойти с ума – это и есть Спасение?!

Одурманенное сознание, отсутствие ощущений... Может ли человек сойти с ума добровольно? Может, лучше затаить дыхание, не дышать, чтобы приблизить смерть (ничего умнее в голову не приходит)?

На некоторое время он затаил дыхание, но немного спустя, волей-неволей вздохнул, отдышался.

Интересно, почему в этой тесной могиле он то и дело вспоминает про прочитанные книги индийских философов? Брахма, создавший мир, был рождён в яичной скорлупе, но силой мысли ему удалось разбить скорлупу на две части; одна её половина превратилась в небо, а другая – в землю. Привлекательность этой легенды заключалась в её намерении доказать, что что-то можно изменить, преодолеть силой мысли. Может, действительно он мог бы спастись силой мысли, силой ума? Но как? Нет, человек не в силах сделать это. Вся надежда на Бога.

Господи, прости и помилуй... или спаси, или убей окончательно! Надежды на спасение никакой – если всё же случится чудо, и мне удастся выбраться отсюда, обещаю покорно служить тебе всю жизнь!

Ему вновь вспомнились некогда прочитанные книги. Он вспомнил учение Будды, словно кто-то диктовал ему слово в слово. Будда говорит: «Не умоляйте Бога. Не уповайте на тишину – она не способна ни говорить, ни слушать.»

Постой-ка... Кажется, Бог услышал мою мольбу... Дышать становится всё труднее, задыхаюсь. Скоро Конец. Конец? Кстати, как звали ту Лунную девушку? Вряд ли сейчас вспомню...

Потерпи немного. Это единственное, что ты можешь сделать. Сколько ни копошись в саване, пытаясь освободиться, – всё тщетно. Может, Бог помилует тебя, ускорит твою смерть...

А может... Может, это сон? Страшный, кошмарный сон... Галлюцинация. Как говорил Деде Горгуд, сон – это маленькая смерть...

Так сон, или смерть? Закрываю глаза. Перед глазами разбегаются розовые, жёлтые, зелёные круги – в больших кругах появляются мелкие круги, кружки, кружочки и медленно тают, исчезают. Может, это дальние планеты? Может, я лечу туда? Лечу. Может... Мож...

¹ Шейх Насруллах – имя отрицательного героя, мошенника, обещавшего воскресить мёртвых в пьесе известного азербайджанского драматурга Джалила Мамедгулузаде «Мертвецы».

² «Нашёл время вспоминать про хну!» – известный афоризм, цитата из речи Мешади Ибада – главного героя оперетты известного азербайджанского композитора и литератора Узеира Гаджибекова «Не та, так эта». Употребляется, когда человек совершенно некстати вспоминает о чём-то, не имеющем никакого отношения к сложившейся ситуации.

ГЛАВА 2

Сглаз

«Нередко сглаз оказывает на людей отрицательное влияние».

Авиценна «О природе»

«Сила воображения отражается, в основном, в глазах, благодаря их особой чувствительности. Дурной глаз впитывается также в окружающий воздух, и вредит здоровым людям, на которых он глядит. Когда дурной глаз смотрит в зеркало, оно тускнеет».

Я.Шпренгер, Г. Инститорис, христианские монахи XV века

Холодный ветер пронизывал до мозга костей, буквально срывая с него латаный, изношенный пиджак с оторванными пуговицами. От ворот до дверей их дома было двадцать шагов – это расстояние он измерял не раз. Ветер дул ему в спину, и от этого он мог преодолеть этот путь в двадцать шагов гораздо быстрее, чем обычно... И он преодолевал этот путь, дрожа от холода...

От ворот до дверей дома он не шагнул, а бежал – причину этого не знал никто, кроме него самого, его матери и Насиба. Об этом не знал даже его отец – от него скрыли это во избежание скандалов. Возможно, это видел из окна также кто-то из соседей сверху, но не придавал этому значения, не вмешивался – а возможно, никто и не видел.

Нужно было как можно скорее дойти до дома: услышав стук в дверь, мать тут же откроет – он был уверен... Возможно, она уже открыла дверь и ждала его на пороге.

Не успев дойти до дверей всего лишь на шаг, он почувствовал, как ему на голову полилась холодная вода и намочила всю одежду, всё тело. Он вздрогнул – хотя и был привыкшим к холодной воде, ежедневно выливаемой ему на голову. Стужа, словно острая игла, колола каждую точку его шеи, спины, рук... От холодной воды в ветреную погоду по его телу побежали мурашки, как от электрического тока. Не успел он дотронуться до ручки двери, как она открылась, и мать, ожидавшая за дверью, засуетилась на пороге, впуская его домой, обняла.

– Солнышко моё, – воскликнула она, прижав к груди восьмилетнего сына, обмокшего до ниточки. – Будь прокляты все, кто так мучает моего ребёнка!

Каждый божий день, по возвращении сына домой, Манзар проклинала своих соседей сверху. Они оба – и Ахлиман, и Манзар – знали, что воду с третьего этажа выливал Насиб, сын Гасыма – руководителя какого-то учреждения.

Манзар поспешно раздела сына. Ахлиман оделся в сухую одежду, которую мать ежедневно, в одно и то же время, гладила и готовила для него, поменял нижнее бельё. До возвращения Ахада с работы оставалось ещё несколько часов, но Манзар на всякий случай спрятала мокрую одежду сына от греха подальше, чтобы ночью, после того, как все заснут, высушить и прогладить её, проклиная своих горе-соседей.

А проклятия звучали всё изощрённее: «Да оплешивеют все, кто издеваются над моим ребёнком, да лишатся они всех своих ногтей!»

Ахлиман всё ещё дрожал от холода.

– Иди, сыночек, садись, сейчас согрею тебе еду!

Несколько месяцев тому назад служанка Гасыма, поливая на балконе цветы, случайно уронила лейку, и вся вода вылилась на Ахлимана, который как раз в это время проходил под балконом. Его крик услышал и Насиб, что доставило ему огромное удовольствие. Ахлиман и Насиб были одноклассниками в школе. Насиб приезжал домой на машине отца раньше Ахлимана и подстерегал возвращение Ахлимана из школы, чтобы вылить ему на голову таз воды. Вся изюминка этой затеи заключалась в том, чтобы вода вылилась не в сторону, а аккуратно на голову Ахлимана.

Вначале Ахлиман думал, что это происходит случайно, а затем стал воспринимать как неудачную, глупую шутку. Позднее он догадался, что это делается нарочно – но делать было нечего. Насиб был сильнее, крепче его, слыл забиякой, да и из-за его отца-начальника никто не смел перечить сыну. Жаловаться было некому. Никто из учителей не поверил бы Ахлиману – и даже поверив, не стал бы связываться с Насибом, во избежание неприятностей на свою голову. Насиб был общим баловнем всей школы – нередко он даже учителей отвозил на машине отца.

Единственное, чего остерегалась Манзар – лишь бы Ахад об этом не узнал. Муж был буйным – не ровен час, выпьет, избьёт этого пацана Насиба до полусмерти, плюнув на его «неприкасаемого» отца, и окажется за решёткой за хулиганство.

Насиб в школе даже придумал прозвище для Ахлимана. Он называл его Ахриманом. Мальчик где-то прочёл, что Ахриман – это Бог Зла. Даже некоторые учителя в угоду Насибу называли Ахлимана Ахриманом.

В то время их улица называлась в честь какого-то армянского революционера по имени Ара Гардашян. Но со временем таблички с указанием названий улиц устаревали, становились нечитабельными, и все называли это место улицей Арагарышдырана¹.

Узнав из единственной, видимо, прочитанной им книги о том, что кроме Бога Зла – Ахримана существовал и Бог Добра – Ормузд, Насиб говорил Ахлиману: «Вот ты – Ахриман, а я – Ормузд».

Однажды он пригласил Ахлимана в свою машину. Ахлиман отказался – хотя этих попыток с обливанием водой тогда ещё не было.

– Так мы же домой едем... Поедем вместе на машине, – настаивал Насиб.

После долгих уговоров Ахлиман сел в машину. Насиб обратился к водителю:

– Поехали в Кешля!²

– А зачем нам в Кешля? – с удивлением спросил Ахлиман.

– Увидишь!

Кешля находилась далеко от дома Ахлимана, от улицы Арагарышдырана – в другом конце города.

Едва доехав до Кешля, Насиб велел водителю остановиться. Выходя из машины, он обратился к Ахлиману:

– Вылезай, дело есть!

Ахлиман вышел.

– Иди за мной!

Они отошли от машины на приличное расстояние, и вдруг Насиб неожиданно

¹ Арагарышдыран – (азерб.) провокатор.

² Кешля – посёлок в Баку.

побежал к машине, сел и захлопнул дверцу.

У Ахлимана в кармане не было ни гроша, и Насиб знал об этом.

Машина тронулась с места, и Ахлиман увидел в окне глупую улыбку, белеющие зубы Насиба.

Было холодно – возможно, Насиб выбрал именно такой день, для того, чтобы так жестоко поиздеваться над Ахлиманом.

Ахлиман пешком прошел через весь город. Когда же мальчик дошёл до дома, уже вечерело. Ночью у него поднялась температура. Он простудился, схватил воспаление легких. Пролежал больным целых десять дней...

Со стуком открылась входная дверь, и вошёл Ахад – на нём лица не было. И сразу же начал орать:

– Есть что пожрать?

– Я сейчас яичницу приготовлю – не знала, что ты вернёшься так рано.

– Отнеси яичницу, положи на могилу своего издохшего отца! Какое твоё собачье дело, когда я возвращаюсь – рано, или поздно... – Ахад открыл шкаф. – А где водка?

– Ты же вчера всё выпил, дорогой...

– Думаешь, я не помню, сколько я вчера выпил? Меня за идиота держишь?! – заорал он и влепил жене пощёчину. – Дрянь ты этакая! Стоило мне выйти из дома, так ты сразу вылила водку в уборную, а бутылку выбросила, чтобы я не догадался!

Разумеется, он прекрасно помнил, что вчера выпил всю водку до последней капли. Вытащил из кармана мятые деньги и протянул Ахлиману:

– Ступай, купи у Садыга водку, - он сел и стал уплетать яичницу Ахлимана. – Чего ты уставился? Не беспокойся, сейчас твоя мамаша приготовит такую же гадость и для тебя! Тьфу ты, даже не посолила...

Протягивая руку к солонке, он задел тарелку, она опрокинулась, яичница шмякнулась на пол.

Ахад на этот раз дал пощёчину сыну:

– Что за дурной глаз у тебя, сукин сын! Пошёл вон отсюда!

Монтёра Ахада в тот день уволили с очередной работы из-за аварийной ситуации, допущенной им в нетрезвом состоянии. Вне себя от ярости, он искал, на ком бы отыграться, и нашёл козлов отпущения в лице членов семьи.

– В магазине в это время перерыв, - сказала Манзар, - пускай идёт через полчаса. Я сейчас вам обоим приготовлю яичницу.

– Хватит трепаться, пошла вон!

И Ахад со злостью обратился к сыну:

– Ты ещё здесь? Я кому сказал? Ступай сейчас же!

Накинув пиджак на плечи, Ахлиман вышел на улицу и невольно взглянул на балкон третьего этажа. Окна были закрыты. Знай Насиб, что Ахлиман во дворе, был бы тут как тут.

Он по привычке пробежал по двору. С обеих сторон улицы стояли мусорные баки, внутри которых кишели мыши и крысы, а посреди улицы текли сточные воды. Когда-то дети на небольшом чистом пятчке во дворе играли в футбол. Но теперь из-за Насиба они были лишены и этой возможности.

Магазин был закрыт; на дверях висела табличка «Перерыв». Делать было нечего – надо было ждать полчаса: вернись он домой с пустыми руками, отец отдубасил бы его. В последний раз он избил Ахлимана три дня назад. Бил сына руками, а

когда руки уставали, хлестал его кожаным ремнём. На спине Ахлимана всё ещё краснели следы от ремня.

Ветер усилился; от холода у мальчика стучали зубы. Возле ворот стояла машина, на которой Насиб приезжал в школу.

Немного спустя, появился Насиб – в тёплом пальто с меховым воротником, держась за руку водителя. Ахлиман отступил, спрятался, чтобы Насиб его не увидел. Ничего хорошего от такой встречи нельзя было ожидать, зная мерзкий характер Насиба. Он в любой ситуации мог найти повод поиздеваться над Ахлиманом.

Ахлиман смотрел на блестящую чёрную машину. Глядя на меховое пальто и шапку-ушанку Насиба, он чувствовал, как мёрзнет в своей изношенной одежке. Представив, как должно быть тепло тому в меховом пальто, в ушанке, кожаных перчатках и шерстяных брюках, Ахлиман ещё сильнее ощутил холод, задрожал.

Водитель открыл для Насиба дверь, и тот, надменно оглядываясь (дескать, видите, какой я важный), сел в машину.

Машина тронулась с места. Ахлиман смотрел на свет задних фар, тянувшийся за машиной, словно красная лента.

Внезапно выскочивший из-за угла на большой скорости грузовик, лоб в лоб столкнулся с чёрной машиной, протацил её на несколько метров и, ударив об стену, смял в гармошку. Послышался жуткий скрип покореженного металла.

Прибежали прохожие, и с большим трудом открыв изрядно помятую заднюю дверь машины, вытащили безжизненный, окровавленный труп Насиба, изуродованного до неузнаваемости.

ГЛАВА 3

Шейх Насруллах был прав

«Что вы знаете о жизни,
чтобы рассуждать о смерти?»

Конфуций

«В святой Мешхед¹ прибыл богомолец, по имени Шейх Насруллах. Он пришёл на кладбище посетить могилы усопших. Прочитав молитву, он громко возопил: «Вставайте, о набожные рабы Аллаха!» Услышав эти слова, покойники зашевелились, повинувшись воле Аллаха».

Дж.Мамедгулузаде, «Мертвецы»

Насруллах и Фазиль сбросили с могилы лопатами последние комья земли; теперь засыпанная могила была ниже поверхности земли всего лишь на два каменных кубика. Насруллах был могильщиком, лет ему было около пятидесяти пяти. Густую

¹ Мешхед – город в Иране, место паломничества, где находится гробница Имама Рзы, чтимого мусульманами-шиитами.

растительность на его лице можно было бы принять за бороду, но он никогда не отпускал бороды. Просто оттого, что он не брился уже несколько дней, всё его лицо и подбородок обросли седой колючей щетиной. Брови под стать щетине на лице были тоже густыми, но чёрными.

Фазиль – двадцатипятилетний водитель стоящего неподалёку грузовика, был хилым, лопухим, курносым, худощавым парнем.

Бросив лопату на землю, Насруллах вздохнул:

– Ох, умаялся, – сказал он, – отдохнём чуток!

Вытащив из истрёпанной сумки газету, он расстелил её на земле, положив на газету два гранёных стакана и колбасу. Затем могильщик вытащил перочинный нож и начал нарезать колбасу.

– Браток, – позвал он Фазиля, – неси-ка сюда это львиное молоко!

Фазиль принёс из машины зеленоватую поллитровую бутылку водки.

– Наливай, – сказал Насруллах.

– Может, сначала закончим работу, потом выпьем, а? – спросил Фазиль.

– Нет, – ответил Насруллах. – Ты ещё молод, многого не знаешь. На своём веку я выкопал бесчисленное количество могил, – он одобрительно погладил свою лысину, будто поощряя себя. – Перед тем, как выкопать из могилы мертвеца, нужно как следует выпить.

– И много ты выкопал мертвецов, дядя? – спросил Фазиль.

– Много, очень много... Ладно, бери стакан. Да упокоит Аллах умерших, а живых одарит здоровьем. Будем здоровы!

Смеркалось.

Вытащив из кармана самокрутку, Насруллах прикурил. Затянувшись, он протянул её Фазилю.

– Возьми, затянись.

– А зачем?

– Так надо.

Фазиль затянулся:

– Анаша, что ли? – спросил он.

– А как же? Водка с анашой – это самый кайф. Ты что, не знал?

После очередной затяжки Фазиль поперхнулся.

– Дай сюда, – сказал Насруллах. – Хватит тебе...

– Успеем, дядя? – спросил Фазиль.

– Ещё как успеем. *Шрам* явится к девяти, у нас ещё два часа... Конечно, успеем.

– Дядя, Аллах свидетель, я всё-таки не понимаю, для чего этому...

– *Шраму*, – подсказал Насруллах.

– Этому *Шраму* понадобился труп? – закончил Фазиль.

– Ты что, из Гёйчая?¹

– А как ты догадался?

– Только гёйчайцы, когда клянутся, говорят «Аллах – свидетель». Мой сосед тоже из Гёйчая.

– У меня мама из Гёйчая, – сказал Фазиль. – А отец – бакинец.

– Живые?

– Да, слава Богу!

– Да сохранит их Аллах!

¹ Гёйчай – район Азербайджана.

– Дядя, ты мне не ответил – зачем *Шраму этот труп?*

– Да Бог его знает... Да простит меня Аллах, никто, кроме самого *Шрама*, этого не знает. Наливай. Ты слышал про альбиносов?

– Это кто, англичане?

– Эх ты, грамотей... Альбиносы – это те, кого мы называем белёсыми. У них всё белое – волосы, усы, борода, брови.

– И что?

– Оказывается, японские учёные доказали, что волосы и кости альбиносов обладают лечебными свойствами. Поэтому, когда альбиносы умирают, люди договариваются с их родственниками. Те сначала хоронят усопшего как положено, а затем тайком э...экс... эксгумируют тело... вот... и продают за рубеж.

Фазиль не верил своим ушам:

– Ничего себе, чего только не происходит в мире... поди разберись! Черт ногу сломит! Ты имеешь в виду, что *Шрам* как-то связан с японцами?

– Этого я не знаю, – Насруллах покачал головой. – Он мне не отчитывался. Просто сказал – выкопай такого-то мертвеца из могилы, и получи свои деньги. Вот и всё! А что он будет делать с ним дальше, меня не волнует.

Он поднял стакан:

– Покоиться в могиле после смерти – не так уж и легко! Давай выпьем за то, чтобы после смерти никто не вздумал раскапывать наши могилы.

– Но мы же не альбиносы.

– Не имеет значения.

Выпили.

Сумерки укутывали кладбище в грустные цвета, и на этом фоне отчётливо виднелись тёмные силуэты надгробных камней.

– Ты знаешь, что там? – спросил Насруллах, указывая в сторону, чуть ниже кладбища.

– Озеро.

– Это не просто озеро. Это кровавое озеро. А знаешь, почему это озеро назвали кровавым?

– Нет, откуда мне знать?

– В тридцатые годы ГПУ расстреливало людей, и бросало их тела в это озеро.

– А что такое ГПУ? Тоже что-то японское?

– Вот ты дубина, чушка деревенская!.. Не знаешь, что такое ГПУ? НКВД слышал?

Фазиль сидел, хлопая глазами.

– Не обижайся, браток, но ты действительно безмозглый тупица. Управление безопасности, слышал про такое? В то время оно называлось ГПУ. Чего только они не творили, ей-Богу... Когда у них заканчивались патроны, они связывали людям руки и ноги, и привязав к шее камень, заживо топили в озере.

– Да ты что?! Вай, мать вашу!..

Насруллах затаился из самокрутки.

– Вот так, молодой человек, такие были времена... Мы должны радоваться, что живём в такое спокойное время...

– А ты откуда знаешь про всё это?

– Мне отец рассказывал...

– Он тоже был могильщиком?

– И отец, и дед... Все мои предки с незапамятных времён работали на этом кладбище. Мой дед даже был муллоу, но в советское время с этим было небезопасно, поэтому он стал могильщиком. Хотя, иногда он тайком читал «Йа-Син»¹. У него был прекрасный голос. Наливай!

– Может, хватит? Мне ещё машину водить, труп отвозить...

– Не беспокойся, выкопаем, отвезёшь – туда, куда скажет *Шрам*.

– А другие трупы ты тоже выкапывал по заказу этого *Шрама*?

– Нет, у каждого из них был свой заказчик. Эх, браток, если я расскажу обо всём, что я видел и знаю, у тебя волосы дыбом встанут.

Опустошив стакан, он затаился.

– Скажу, не поверишь – каждую пятницу вурдалаки устраивают у этого кровавого озера настоящий пир.

Фазиль был в недоумении:

– А что они делают? – спросил он.

– Пируют, танцуют, я же сказал... Причём, их музыка ничуть не похожа на нашу. Пару раз они и меня приглашали, но я не пошёл. Как-то раз я стоял в сторонке и смотрел, что они вытворяют... Это какой-то ужас, кому рассказать – не поверит! Но я не пошёл; делать, что ли, нечего? Не ровен час, ещё донесут начальству, меня вышвырнут вон...

Округлившись глаза Фазиль едва не вышли из орбит, голова постепенно одурманивалась.

Одновременно, он думал о том, что время идёт, скоро явится заказчик, увидит, что работа не выполнена – и всё, не видать ему заработка, как собственных ушей. Тогда Фазиль решил проявить инициативу:

– Дядя, может, всё же вскроем могилу? – робко спросил он.

– Да куда ты торопишься? Думаешь, труп сбежит оттуда?

– Нет, нам просто нужно закончить работу до прибытия *Шрама* – он же сказал, чтобы мы не вскрывали могилу при нём.

– Ну ладно, будь по-твоему. Ещё по стакану, и за работу. Выпьем за мертвецов! Как-никак, это они нас кормят.

Выпили. Фазиль был уже совершенно пьян, у него косили глаза...

А Насруллах был трезв как стёклышко – словно ничего не пил, не курил. Он встал и схватился за край каменной плиты.

– Давай, хватай, – сказал он Фазилю. – Смелее, не бойся!

Подняв камень с первой же попытки, они отложили его в сторону. Вытащив грязный, измятый платок, Насруллах вытер пот со лба и шеи.

– Ну, браток, раз-два, взяли!

Они подняли и второй камень, тоже отложив его в сторонку, рядом с первым.

– Выпьем ещё по пятьдесят, и выкопаем труп, – предложил Насруллах.

Усевшись спиной к вскрытой могиле, Насруллах налил оставшуюся водку в стаканы.

– Ты мне нравишься – дружелюбный, общительный, – сказал он. – Пью за твоё здоровье!

Поднеся стакан к губам, он заметил на лице Фазилья выражение ужаса. Фазиль уронил стакан, водка разлилась по расстеленной газете, промочив её насквозь.

– Что такое? – спросил Насруллах, взглянув на Фазилья.

¹«Йа-Син» – тридцать шестая сура Корана, часть похоронного обряда у мусульман.

– Оглянись...

Насруллах обернулся и взглянул на могилу.

Тело, завернутое в белый саван, дёргалось, пытаюсь выбраться из могилы.

Вскочив, словно ошпаренный, Фазиль помчался к машине; споткнулся, упал в панике, но тут же встал, и кое-как добежав до машины, завёл двигатель. Грузовик тронулся с места и был таков.

Залпом допив остаток водки, Насруллах грустно улыбнулся и промолвил про себя:

– Эх, молодёжь, молодёжь... Можно подумать, парень никогда не видел воскресшего мертвеца.

ОТ АВТОРА

Выкапывание из могилы заживо погребённого, или, скажем, свежезахороненного трупа может быть связано с различными причинами. Например, участок земли, на котором вырыта могила, продан другому человеку, а этот «бесхозный» труп отвезут на катафалке и сожгут в печи.

Эта затея может быть также связана с желанием осквернителей могил извлечь здоровые органы усопшего для дальнейшей продажи, или выдернуть его золотые зубы. Или же кто-то, не справившись со своим врагом при жизни, таким образом пытается отомстить его безжизненному телу... Однако, не исключается также рассказ могильщика про альбиносов – возможно, он где-то слышал нечто подобное, но не вник в суть.

Также эта неприятная процедура может быть связана с проведением научных исследований для обнаружения в человеческом мозге «третьего глаза» – органа прозорливости.

Автор мог бы вспомнить или выдумать и прочие подобные причины, однако ни одна из этих версий не представляет особой важности для дальнейшего развития сюжета. Для автора важно проанализировать состояние заживо погребённого человека при пробуждении, ход его мыслей и умозаключений после «воскрешения», цель которых – выявить своих недоброжелателей, заживо похоронивших его.

ГЛАВА 4 Исчезнувший гараж

«...Или я не знаю, с кем говорю? То, что имею сказать тебе, всё тебе уже известно, я читаю это в глазах твоих. И я ли скрою от тебя тайну нашу? Может быть, ты именно её хочешь услышать из уст моих, слушай же: мы не с тобой, а с Ним, вот наша тайна!»

Ф.М.Достоевский. «Братья Карамазовы»

«Если бы не нарушалась зрительная память, то не возникала бы и психологическая слепота, то есть недуг неузнаваемости увиденных объ-

ектов. Нарушение зрительной памяти приводит к психологической слепоте. Некоторые люди видят вещи внутренним зрением, но узнавать их открытым зрением они не могут».

*Анри Бергсон, французский философ,
«Память и мозг»*

Дворник Дадаш поспешно вошёл в дом и прямо с порога крикнул:

– Жена, быстро завари чай! Такое тебе расскажу, что волосы дыбом встанут.

Пока Кичикханым копошилась у плиты, Дадаш, не выдержав, вошёл в кухню:

– Помнишь гараж во дворе рядом с туалетом?

– А разве там есть гараж? – удивлённо спросила жена.

– Есть, рядом с туалетом, с другой стороны. Я тоже увидел его впервые – со двора его не видно.

– Ну, есть, так есть, что дальше?

– Да послушай ты... Наш сосед сверху...

– Да, и что?

– Сегодня приехал на своей машине и остановился возле гаража.

– А разве у него есть машина?

– Оказывается, есть.

– И что?

– В общем, он вышел из машины, отворил гараж. А я в это время как раз подметал тот участок. Краем глаза взглянул внутрь гаража – и что я увидел, как ты думаешь?

– А что ты увидел?...

Дадаш глотнул чаю:

– Я увидел...

– Ну что, что? Говори уже, не томи!

– Я увидел, что внутри гаража, в углу стоят различные аппараты. Таких аппаратов я нигде не видел – даже в фильмах. То ли бинокли, то ли прожекторы – увеличительные стёкла, как их там...

– Какие стёкла?

– Ну, которыми учёные пользуются...

– Микроскопы, что ли?

– Что? Ну, которыми звёзды изучают...

– Телескопы, что ли?.. Ну, и что?

– И везде висели странные зеркала – мелкие, крупные...

– Скажешь тоже!.. Зеркало – оно и в Африке зеркало.

– Да погоди ты, не перебивай, – Дадаш глотнул чаю. – Зеркала обвешаны различными амулетами от сглаза. Помнишь, когда мы купили телевизор, повесили над ним такой же амулет?

– Наверное он повесил их, чтобы уберечь от сглаза свою машину. А машина заграничная?

– Да чёрт её знает, машина как машина... очень уж я в них разбираюсь... Но это всё цветочки, а ягодки впереди.

– Ну говори уже, довольно тянуть канитель! Пока слово скажешь, всю душу вытянешь...

– Ты лучше сядь, а то упадёшь...

– ...

– Короче говоря, он вытащил из машины мешок и развязал его – из мешка высыпали штук пятьдесят мышей и вбежали в гараж.

– Да ты что? – Кичикханым действительно чуть не упала от изумления. – Что ты такое говоришь? Он что, сумасшедший?

Дадаш получал удовольствие от реакции жены.

– Представь себе... Маленькие мышки...

– И что дальше?

– Дальше я уже не видел, он быстро запер гараж.

– Послушай, – сказала Кичикханым, – можешь, сообщишь органам? А вдруг он шпион? Вздумал уничтожить нас руками этих мышей?

– Что ты такое говоришь? Где ты у мышей видела руки?

– Ну, пусть будет лапами мышей... Может, этот негодяй собирается заразить здесь всех соседей какими-то болезнями?

– И что ты предлагаешь? Что нам теперь делать? Может, ты права, и он действительно хочет отравить нас посредством этих грызунов? Иначе зачем ему столько мышей?

– К тому же, откуда он их собрал в таком количестве? Нет, ты должен обязательно сообщить об этом вышестоящим органам.

– Сегодня уже поздно, завтра я пойду, куда следует, и доложу...

Всю ночь супругам снились мыши – они ворвались через окно, заполонили весь дом и обнюхивали Дадаша с женой.

Почувствовав на щеке когти мышей (разумеется, во сне), Кичикханым с криком вскочила с постели.

– Встань поскорее, умоляю тебя! Быстро иди, сообщи куда следует – иначе с этими мышами нам житья не будет...

Поспешно одевшись, Дадаш, даже не позавтракав, вышел во двор. Как назло, во дворе ему встретился хозяин злосчастливого гаража. Он так внимательно глядел на дворника, словно видел его впервые. Неожиданно хозяин гаража поспешно повернулся и ушёл, не обратив внимания на приветствие соседа.

Вспомнив, что вышел из дома не позавтракав, Дадаш вернулся обратно домой.

– Ну что, ходил? – спросила Кичикханым.

– Куда ходил?

– Ты же собирался сходить в вышестоящие органы...

– Какие органы?

– Ты же сам вчера сказал, что пойдёшь в вышестоящие органы и обо всём доложишь...

– О чём доложу? Ты что, жена, с ума сошла?

– Это ты с ума сошёл! Ты должен был пойти и сообщить о мышах...

– О каких мышах? Что ты такое говоришь?

– Ты что, издеваешься? Ты вчера явился впопыхах и сообщил, что наш сосед сверху у себя в гараже держит мышей. Мне всю ночь эти мыши снились... В кошмарном сне...

– Жена, у тебя, кажется, с головой не всё в порядке... Тебе лечиться надо!

– Это тебе лечиться надо! Это ты вчера наплёл вздор о каких-то мышах, которые высыпались из мешка...

Дадаш положил ладонь на лоб жены:

- Вроде, жара нет... Чего ты тогда бредишь?
- С ума меня решил свести? Ты же вчера говорил, что в соседском гараже...
- В каком гараже?
- Рядом с туалетом...
- А разве там есть гараж?

ГЛАВА 5

Через три дня и три часа после моих похорон

«Переходя через реку жизни, откажись от Прошлого, откажись от Будущего, откажись от того, что между ними. Если ум освобождён, то что бы ни случилось, ты не придёшь снова к рождению и старости».

*Дхаммапада, буддистский
литературный памятник,
созданный в Индии
в III или IV веке до христианства*

«Многочисленные источники убедили меня, что переходя из мира природы в мир духов, человек уносит с собой всё, кроме тела».

Э.Сведенборг, шведский мистик

Я метался в саване, пытаюсь освободиться, и кричал что есть мочи:

– Эй, кто-нибудь! Помогите, вытащите меня отсюда!

Вскоре я услышал чьи-то приближающиеся шаги.

– Скорей, развяжи меня, вытащи отсюда!

Я почувствовал, что кто-то тянет меня за саван, пытается освободить меня, открывает моё лицо.

Свежее дуновение прохладного ветерка прошло по моему лицу. В темноте глаза ничего не разбирали, лишь только чувствовался запах перегара, какой бывает от дешевой водки, да еще непонятный сладковатый аромат.

– Развяжи меня, быстро!

Послышался хриплый голос:

– Потерпи, развязываю... Слушай, приятель, честно говоря, никакой ты не альбинос...

После того, как я немного освободился из савана, я чувствовал непреодолимое желание хорошенько потянуться. С другой стороны, меня изумляло то, что мой спаситель – кем бы он ни был – ничуть не удивлён моему воскрешению.

– Вытащи меня отсюда!

– Руку давай!

Он схватил меня за руку, стал вытягивать из могилы. Его рука была грубой, мозолистой, очень сильной. Последовавшие вслед за этим его слова прозвучали для такого момента и такого места, мягко говоря, странно:

– Добро пожаловать!

– Ты кто?

– Конь в пальто... Тебе-то что?

Я заметил лежавшую в стороне лопату.

– Могильщик?

– Вроде да.

– А моё воскрешение тебя не удивило?

– А чему мне удивляться? Не ты первый, не ты последний...

Запах водки и сладковатый аромат – то ли табака, то ли махорки – при более близком общении с ним стал ощущаться ещё сильнее, и меня тошнило.

– А когда меня похоронили? – только услышав свой вопрос, я тут же осознал, насколько абсурдно он звучит.

– Кажется, в субботу, – ответил он, затем, вспомнив, уже более уверенно добавил, – да, точно, три дня тому назад.

– А как они могли похоронить живого человека?

– Ну, так случилось, бывает...

– Значит, говоришь, что я не первый, кого ты видел воскресшим?

– Да таких воскресших, как ты, пруд пруди...

Я лежал в наполовину раскрывшемся саване в чём мать родила. От смущения мне пришлось укрыться этим ненавистным саваном:

– Раздевайся, – сказал я ему.

Могильщика не удивили и эти слова. Не промолвив ни слова, он снял брюки и рубашку – раздевался настолько спокойно, словно это было в порядке вещей; будто он каждый день дарил свою одежду воскресшим мертвецам. Мои глаза постепенно привыкали к темноте.

Давно не стиранный, ситцевый рубашка задубела от многократно просохшего пота. Подошва его пыльной, грязной обуви раскрылась, и были видны острия мелких гвоздей, напоминающие оскал крокодила. Манжеты его изношенных, латанных брюк были заправлены в носки, брюки воняли мочой. Все эти запахи, смешиваясь с запахом сырости, исходящим из могилы, вызывали у меня сильную тошноту, меня едва не вывернуло наизнанку, но я кое-как взял себя в руки. Всё происходящее казалось мне кошмарным сном. Но передо мной в одних трусах стоял живой человек, от него исходило зловоние, он пах псиной, и это был не сон. Но как бы там ни было, этот человек был моим спасителем.

– Ты ещё здесь? – спросил я. – Подожди меня, через пару часов я принесу тебе новую одежду.

Он неожиданно встрепенулся:

– Нет, нет! Я сейчас же уйду отсюда. А то придёт *Шрам*, узнает, что ты ушёл, и тогда мне несдобровать... Ты академик? – вдруг задал он неожиданный вопрос.

– Нет.

– Профессор?

– Да нет же, с чего ты взял?

– Не знаю, с виду на учёного смахиваешь...

– Интересный ты человек, – сказал я. – Ты спас меня, я твой должник. А как мне тебя найти?

– Кто ищет, тот найдёт, – ответил могильщик. Взяв стакан, в котором осталось немного водки, он протянул его мне: – Может, выпьешь?

– Нет, ведь уже три дня, как у меня во рту ни маковой росинки. Боюсь, стошнит...

– Ну, как хочешь. Я подумал, может, выпьешь, отметишь своё второе появление на свет.

Он выпил водку до дна.

– Тьфу ты, гадость какая! – сказал он, и вскоре послышался храп.

Опустив голову на грудь, мужчина заснул. Жаль, я хотел много чего спросить у него... Внезапно храп прекратился, и могильщик, не открывая глаз, спросил:

– Уходишь?

– Да, – ответил я, – я очень благодарен тебе, ты вернул меня с того света.

Не раскрывая глаз, он начал философствовать, ни дать, ни взять – могильщик из «Гамлета»:

– Тот свет, этот свет... думаешь, такая большая разница? Там мертвецы – как живые, а здесь живые – как мертвецы.

– Прощай, – сказал я. – Возможно, мы ещё когда-нибудь увидимся, – и продолжил в его манере: – либо на этом свете, либо на том...

– Дай бог, – ответил он.

Мне казалось, когда я полетел с вершины вниз и камнем ударился оземь, мой нос сплюснулся, провалился меж щек, лицо стало плоским, как блин. Теперь я пощупал лицо – всё было на месте, никакой сплюсненности, никакого блина.

Шагая по узкой тропинке между могилами, я вышел во двор. Вся жизнь я прожил в Баку, но в этих местах очутился впервые. Однако, почему-то эти узкие переулки казались мне знакомыми – складывалось ощущение, будто я не только когда-то ходил по ним, но и жил тут долгое время.

ГЛАВА 6

*Cherchez la femme*¹

«Если человек никогда в жизни не спал с женщиной и не знаком с ощущениями от половой связи, то в эротических снах он чувствует сильное возбуждение, но не понимает, что это – желание сексуальной близости, и не имеет представление о женщине, способной погасить этот пыл страсти».

*Аль Газали, иранский философ,
теоретик суфизма,
цитата из книги*

«Возрождение науки о веровании»

¹ Cherchez la femme (франц.) – дословно: «ищите женщину»; в переносном смысле: «в этом деле замешана женщина».

«Психологические теории Фрейда и Юнга, изучаемые на Западе, не были новостью для мистиков. Произведения шейха суфизма Аль Газали, написанные ещё 900 лет тому назад, доказывают, что выводы Фрейда о половых связях стали известны мусульманским учёным намного раньше».

*Идрис Шах,
историк мистицизма, XX век,
цитата из книги «Суфизм»*

Ещё со студенческих времён Ахлиман не любил общаться со сверстниками. Возможно, причиной тому служили душевные раны, полученные в средней школе. Постоянные страхи и унижения, пережитые им дома и в школе, породили у него комплекс неполноценности – он избегал людей, стал замкнутым. В студенческие годы эти черты стали еще больше доминировать в его характере. Среди однокурсников он смущался, чувствовал себя некомфортно, не в своей тарелке.

Утешением для него было изречение Мовланы, который говорил, что наука познаётся посредством слов, искусство – посредством души, а одиночество ощущается в присутствии людей.

Среди своих товарищей, любящих веселиться, смеяться и шутить, он создавал впечатление хмурого затворника. А общения с однокурсницами он и вовсе избегал. Порой его серьёзно раздражали смелые весельчаки, позволявшие себе рискованные шутки с девушками. Словесные флирты, нередко выходявшие за рамки приличия (возможно, за этими словесными флиртами скрывались страстные заигрывания), вызывали у Ахлимана даже депрессию и отчаяние. Его однокурсники нелестно отзывались о девушках, выставяя их в дурном свете. Некоторые из ребят сплетничали о близких отношениях знакомой всем девушки с каким-то парнем или даже с пожилым мужчиной, другие с пеной у рта, взхлеб хвастались своими интимными связями с женщинами. Ахлиману претили подобные разговоры, но он был вынужден слушать их, не затыкать же ему было уши. Юноши не только обсуждали своих однокурсниц, но и довольно вольно разглагольствовали на тему сексуальных достоинств студенток старших курсов и даже молодых преподавательниц. Поведение девушек в постели излагались с мельчайшими и самыми красочными подробностями. Размеры интимных частей тела знакомых женщин, моменты её экстаза и оргазма, эрогенные зоны, количество сексуальных партнёров – всё это было основной темой нескончаемых разговоров в студенческой среде. И каждый из этих невоздержанных на язык юнцов выставял себя в роли героя-любовника, полового гиганта – количество ночей и совокуплений со страстными любовницами выражалось фантастическими числами. О невразумительности и фантастичности этих показателей Ахлиман узнает только в далёком будущем, но до того момента его сексуальный опыт был равен нулю, все эти юношеские байки казались ему чистой правдой и он жалел о том, что обделён такими способностями. Из этих разговоров он узнавал, что в моменты интимной близости некоторые женщины стонут, иные пыхтят, потеют, бывает декламируют стихи или поют песни, а иной раз – кричат так громко, что хоть уши затыкай. С возрастом некоторые женщины становятся ненасытными в сексе, требуют все больше и больше соитий. И каждый из этих болтливых юнцов считал себя более опытным Дон Жуаном, чем остальные. А наиболее излюбленной подробностью у них обычно была одна – на-

сколько сильно и высоко стоят или, напротив, вяло свисают груди у той или иной женщины.

Половые акты перед зеркалом или в постели при ярком свете, «амур де труа»¹... Эти разговоры, которые будто нарочно велись при Ахлимане, возможно, с намерениями жестоко поиздеваться над ним, лишали его ночного сна. Он метался в постели от гнетущей безысходности, метался и мучился от неумело представляемых в воображение эротических сцен, возбуждение охватывало его молодое, здоровое тело, и ничего нельзя было с этим поделать. Он пытался забыть свои эротические сны и фантазии, отвлечься от навязчивых мыслей за чтением книг на темы, далёкие от любовных. Нередко начиная читать книгу при свете ночника, он завершал её чтение на рассвете, с лучами восходящего солнца. Сверстники, зная о его пристрастиях и комплексах, издевались над ним при малейшей возможности.

– Книги никуда не убегут, – твердили они в один голос.

– Будешь читать, когда состаришься.

– Прелести жизни кроются промеж женских ног. Так вот!

Но большинство однокурсников, которые в обычное время смотрели на Ахлимана свысока и подтрунивали над ним, в преддверии экзаменов нуждались в его помощи. Они хорошо знали, что он начитан, грамотен, что он отличник. Сокурсник Ахлимана Сади, которого он подготовил к экзаменам лучше, чем преподаватели, как-то пообещал ему:

– Если сдадим экзамен по философии без проблем, у меня для тебя будет шикарный сюрприз...

Ахлиман так усердно готовил Сади к экзамену, так доходчиво объяснял предмет, что тот получил «отлично».

– Я всегда сдерживаю обещания, – сказал Сади. – Завтра вечером приезжай ко мне. Родители на даче. Я приготовил тебе такой сюрприз – на всю жизнь запомнишь. Но обязательно побрейся, оденься опрятно. Вот, возьми этот одеколон, надушись.

На следующий день, ровно в восемь часов вечера он приехал к Сади домой, в пятый микрорайон. На столе стояла бутылка шампанского и ваза с фруктами. Едва они уселись за стол, как открылась дверь соседней комнаты, и к ним подошла девушка двадцати трёх – двадцати четырёх лет, в жёлтом платье с вызывающе открытыми плечами. Из-под её прозрачного платья было отчётливо видно бикини.

– Ну, узрели все твои тайные прелести, твои бикини на мякине! – ослабившись, сказал ей Сади. – Теперь выпьем за твоё здоровье!

Осушив бокалы, они выпили ещё за Сади и Ахлимана.

Сади включил магнитофон. Полилась тихая, медленная танцевальная музыка. Девушка встала с места, и схватила Ахлимана за руку:

– Потанцуем?

Ахлиман танцевал плохо, но отказаться не решился; встал с места, и робко взял девушку за талию.

Сади говорил по телефону.

– Хорошо, хорошо, не сердись, сейчас привезу, – сказал он, и, повесив трубку, обратился к танцующей паре: – Чёрт возьми, я совсем забыл! Нужно отвезти на дачу лекарство для отца – он уже вне себя от ярости. Если я задержусь, когда будете уходить, выключите свет и захлопните дверь.

Едва Сади вышел из квартиры, как девушка, обняв Ахлимана, поцеловала его

¹ Amour des trois (по-французски): любовь втроём.

взасос. Разлепив языком его губы, она принялась лизать ему язык. Ахлимана как током ударило. Её рука потянулась к ширинке его брюк.

Всё, что происходило потом, казалось Ахлиману сладким сном. Он даже не помнил, как они прошли в другую комнату, разделись и легли в постель... Позднее он вспоминал эти моменты как в тумане, и нередко даже терялся в сомнениях – неужели всё это произошло в действительности?

Своими опытными руками, губами и гибким телом девушка поощряла и подбадривала Ахлимана, и непрерывно стонала: «да, да...»

Затем настал пик удовольствия – одновременный оргазм и последовавшее за ним расслабление. Ахлиман, словно одурманенный, опустошенный, провалился в тёмную пропасть сна.

Проснувшись утром, он не застал девушку – она тихо ушла, даже не разбудив его.

Внезапно Ахлиман прослезился и чуть не разрыдался: этой ночью, в свои двадцать два года он наконец-то стал мужчиной. Но на душе у него словно кошки скребли: а вдруг это коварный розыгрыш? Может, эту девушку хотят выдать за него замуж? Может, она забеременеет и начнёт шантажировать его? Или куда хуже, заразит его неприличной болезнью... Единственное, что он помнил из той ночи, было удовольствие вперемешку с болью, но лицо девушки ему не запомнилось. Он не узнал даже её имени.

А почему она не представилась, когда знакомились? Наверняка, это тоже своего рода конспирация... Ни имени, ни телефона, ни адреса... Её словно и вовсе не было – Ахлиману она лишь померещилась. Всё это случилось под воздействием шампанского и возможно, разведенного в нем какого-то лекарства – это было не наяву, а... галлюцинации, игра воображения. Но ведь мягкий матрац, пятна на простыне – факты, всё было реально... И теперь именно в этой реальности Ахлиману нужно было встать с постели, умыться, одеться...

Не успел он войти в двери института, как Сади с улыбкой встретил его у входа:

– Как ты, старина? – спросил он. – Ну что, доволен? Как видишь, я слов на ветер не бросаю.

Ахлиман покраснел; ему не хотелось говорить, рассказывать, обсуждать произошедшее.

Однако ему казалось, что события прошлой ночи уже известны всем, и теперь и студенты, и преподаватели относятся к нему по-другому. Он подозрительно оглядывался и замечал, что кто-то смотрел на него с иронией, кто-то с упрёком, а некоторые с уважением и даже с завистью... Вполне возможно, что все это ему только казалось.

Нет, видимо, все-таки, он не ошибался в своих догадках. Сокурсник Фируз, обычно избегавший его, на этот раз подошёл к нему, и хитро подмигнув, страстно шепнул ему на ухо:

– Да-а... да-а... – и расхохотался.

Ахлиман вздрогнул. Значит... Значит, что? Он даже думать об этом не хотел. Наконец, не сдержавшись, он подошёл к Сади и отвёл его в сторону:

– Та девушка... – едва он начал говорить, как Сади расплылся в улыбке.

– Что, понравилась? Хочешь ещё раз попробовать?

– Нет, – ответил Ахлиман и тут же осознал, что его «нет» может быть истолковано по-разному. – Ты говорил об этом Фирузу?

- Фирузу? Нет, а что?
- Фируз знает эту девушку?
- Да кто же её не знает...

После недолгого колебания Ахлиман спросил:

- У тебя с ней что-то было?

– А зачем тебе? – рассмеялся Сади. – Влюбился, что ли? Много будешь знать – скоро состаришься. Послушай меня, живи в своё удовольствие. Если захочешь, я ещё раз сведу вас. Только уже не у нас, а в другом месте – родители завтра возвращаются с дачи, – и вдруг, поменяв тон, как умудренный годами старец, принялся читать наставления: – Жизнь даётся нам всего лишь раз, живи и радуйся, и не грузи себя ненужными мыслями. Ни о чём не думай.

С тех пор Ахлиман дал себе слово, что впредь никогда не будет иметь близких отношений с женщинами, а от своих желаний и грешных мыслей будет спасаться с помощью книг.

Летели месяцы. Сдерживать своё обещание становилось всё труднее. Наслаждение той ночи крепко овладело всей памятью его тела. В его жизни появилось и несколько других женщин – жениться он не собирался, так как относился ко всем женщинам потребительски, считал их всех чуть ли не продажными, проститутками. От женщин, с которыми он сношался на протяжении недели или десяти дней, он ничего не требовал, кроме плотских утех – ни любви, ни ласки, ни верности... Узнай он о том, что женщина, которая ещё вчера была в его объятиях, сегодня умерла, он бы и бровью не повел. Однако странно, что несчастья преследовали каждую из женщин, вступавшую в связь с Ахлиманом. У замужней женщины, прожившей с Ахлиманом десять дней, погиб в автокатастрофе пятилетний ребёнок.

- Это всё карма, – рыдала она, – я расплачиваюсь за свои грехи!

Другая женщина, с которой Ахлиман прожил дольше остальных – целых полмесяца, заболела раком, и спустя два месяца скончалась. Третья женщина-бухгалтер попала на мошенничестве, схлопотала пятилетний срок.

- Четвёртая женщина... Нет, четвёртой женщины не было.

Точнее, она была, но она не стала женщиной Ахлимана... Трагические судьбы женщин, занимавшихся любовью с Ахлиманом, не на шутку тревожили и пугали его. Зная, что все эти беды произошли с женщинами после расставания с ним, он больше не желал подвергать еще кого-то несчастью.

Но как говорится, неисповедимы пути господни – видать, ангел любви, которого древние греки величали Купидоном, не дремал.

Если действительно возможна любовь с первого взгляда, то впервые увидев Рубабу, Ахлиман решил, что она создана для него и будет его женщиной. Они познакомились на выставке произведений художника Парвиза. Рубаба была родственницей художника, а тот написал портрет Ахлимана – это был странный на первый взгляд портрет: смотрящего притягивали как магнитом его большие, очень выразительные глаза. Художник и познакомил их возле своего произведения.

– Рубаба-ханым – моя двоюродная сестра, – сказал он. – А Ахлиман – мой на-турщик.

– Красивый портрет, – промолвила Рубаба, – хотя Парвиз передал выражение ваших глаз не совсем удачно.

– Ну вот, с такими друзьями-родными и враги не нужны, – отшутился Парвиз, – а какое именно выражение его глаз я не смог передать?

Глядя прямо в глаза Ахлимана – живого, не на портрете – Рубаба ответила:
– У него страшные глаза... В них одновременно скрываются и тайна, и жестокость, и опасность...

Не вникая в её слова, Ахлиман, как замороженный, смотрел на шею Рубабы; собрав волосы на макушке, она полностью обнажила шею. «Лебяжья шея» – именно это выражение вспомнилось сейчас Ахлиману.

Из-под глубокого декольте зелёного платья просились наружу её большие груди. Спустя много лет после своего первого сексуального опыта, Ахлиман вновь испытал страсть к женщине, однако, на этот раз он чувствовал потребность в ласках, в настоящей, глубокой любви. Он раздевал Рубабу глазами, мысленно его руки гладили её шею, плечи, груди, ласкали её полное, ухоженное тело, затем скользили по гладкой спине вниз; раздев догола, он укладывал её в своем воображении в постель, страстно целовал шею. Он теперь даже не вспоминал свой первый неудачный опыт интимной близости, который ему как мужчине мало что дал, а руководствовался гораздо более поздними своими похождениями, навыками в сексе, приобретёнными в последующие годы. И занимаясь в своих мечтах с ней любовью, он смотрел прямо в большие серые глаза Рубабы, и в этих глазах, в её раскрытых, сдерживающих крик губах он видел боль – боль от страстных мгновений, которые вели их обоих к вершине наслаждения.

В гуле толпы, собравшейся на выставке (к тому же где-то играл квартет), он слышал лишь воображаемые стоны и страстный шёпот Рубабы.

Художник, окружённый корреспондентами, давал интервью. Пользуясь моментом, Ахлиман решил попросить у Рубабы телефон. Не колеблясь ни одного мгновения, она раскрыла свой маленький чёрный ридикюль, обшитый бисером, и протянула Ахлиману визитку.

С тех пор они стали созваниваться. Он ничего не знал о Рубабе, да и знать не хотел. Он не знал, замужем она или нет, разведена, а может, овдовела? В любом случае, они могли созваниваться в любое время, и беспрепятственно беседовать часами. Беседовали они обо всём: о книгах, театральных постановках, музыкальных и литературных произведениях, фильмах. Ахлиман расстраивался и немного ревновал, когда Рубаба начинала хвалить какого-то композитора или актёра; он сознавал, что слава этого композитора или актёра ему никак не светит. Эта ревность была вызвана не столько завистью, сколько мучениями Ахлимана от сознания того, что ему никогда не удастся достичь знаменитости и вершины в угоду любимой женщине, и ревность эта побуждала Ахлимана отомстить своей судьбе, своей участи за такую обделённость.

Они устроились на работу в одном и том же научном учреждении, чтобы быть ещё ближе друг к другу.

Как-то Рубаба рассказывала ему о нашумевшем фильме, и, между прочим, заметила, что этот фильм уже смотрели многие, а она пока не видела.

– Если хотите, можем завтра сходить, посмотреть, – предложил Ахлиман.

Они назначили встречу на завтрашний вечер, без четверти восемь, возле кинотеатра «Низами». Прибыв раньше на полчаса, Ахлиман купил в кассе два билета в последний ряд: у него было особое, тайное намерение.

Рубаба пришла точно в назначенное время. Аромат её духов шёл впереди неё, на этот аромат Ахлиман и обернулся.

Войдя в зал, они заняли свои места в заднем ряду. В салоне погас свет, и Ах-

лиман, взяв руку Рубабы в свою, начал ласкать указательным пальцем её ладонь. Женщина не стала убирать руки. В какой-то момент Рубаба положила голову на плечо Ахлимана. Ахлиман почувствовал, что она поощряет его к началу интимных связей. Когда свет экрана померкнул от темных кадров фильма, и в зале воцарилась крошечная тьма, Ахлиман положил руку на колено Рубабы, медленно продвигаясь вверх, к цели. Внезапно Рубаба, словно очнувшись, оттолкнула руку Ахлимана, и резко встав с места, быстрыми шагами покинула зал.

Торопливо поднявшись, Ахлиман поспешил за ней... Рубаба направлялась к лестнице.

– Рубаба, Рубаба-ханым, простите меня, ради бога! – воскликнул Ахлиман.

Но женщина, не оглядываясь, быстрыми шагами спускалась по лестнице.

Ахлиман, стоя как истукан, смотрел на её ровную, гладкую спину, выпирающие круглые бёдра, полненькие ножки, туфли на высоких каблуках, сердито стучащих по мраморным ступеням...

Вдруг Рубаба споткнулась, упала с лестницы.

Ахлиман и стоящие у дверей билетёрши поспешили к ней. Рубаба стонала от боли – как оказалось, у неё была сломана нога.

В больнице Рубаба пролежала в гипсе целых три месяца...

ГЛАВА 7

В поисках Дири-Бабы

«Всевышний вселил в души людей определённую тайну. Эта тайна кроется в человеческой душе, подобно огню, скрывающемуся в камне или железе. И только тогда, когда железо или камень ударяется об огниво, появляются искры».

Аль Газали

«В практике Дзен глаза и взгляды играют очень важную роль. Когда глаза открыты, мысли направляются на видимую окружающую среду, что создаёт помеху для душевных раздумий».

Секуди Кацуки, из «Практики Дзен»

В студенческие годы я дружил только с двумя людьми – нахчиванцем Мохсуном и шекинцем Зейналом. Мы легко находили общий язык и сразу подружились потому, что они своим характером и воспитанием были близки мне и отличались от других парней – никогда не позволяли себе дурного поведения по отношению к женщинам и избегали нецензурных выражений в их присутствии. Дружья были – не разлей вода, хотя эти двое были не прочь временами «подкалывать» друг друга.

– ЧАЙ, дорогой мой, ЧАЙ, – говорил Зейнал Мохсуну. – Почему ты говоришь «чай»?

– А! Понял, цай – это как чапуста?
Зейнал заливался смехом и подмигивал мне:
– Значит, букву «ч» он берёт для слова «капуста»...
– Кого ты говорить учишь? – парировал Мохсун. – Я как-то был в Шеки, и местный поэт читал по радио стихи:

*Даглара гар ягытды,
Кюляк гялди, дагытды.¹*

Ха-ха-ха! Ну, теперь что скажешь, шекинец?
Но больше всего Мохсун гордился достопримечательностями Нахчывана:
– История человечества начинается с Нахчывана – а вы не знали? Ноев ковчег причалил к горе Гемигая².

– А как ковчег смог добраться до горы? – спросил Зейнал, прикидываясь протачком.

– Я знал, что ты неуч, но не до такой степени, – отшутился Мохсун. – В те времена гора находилась посреди моря, там даже среди скал можно найти ракушки. Если сумеете взобраться туда, то увидите наскальные изображения, связанные с космосом.

– Может, ты тоже явился на землю из космоса? – подтрунивал Зейнал.

Не обращая внимания на шутки друга, Мохсун продолжил:

– Сейчас там могила Ноя. Когда-то художник Бахруз Кенгерли изобразил на своей картине эту могилу. Кроме того, там находится Асхаби-Кяхф³. Об этом святилище говорится даже в священном Коране.

– Это не Асхаби-Кяхф, а особый кайф, – гнул свою линию Зейнал.

В очередной раз проигнорировав шутку друга, Мохсун начал рассказывать о местности под названием Хымрыд:

– В Хымрыде бьёт фонтан, по которому хоть часы сверяй. Каждый час, минута в минуту, из недр земли извергается вода. Это тебе не ваш Союг-булаг⁴, Зейнал – такое ощущение, что под землей кто-то сидит и регулирует почасовое извержение воды. Скажешь не чудо?

Рассказы Мохсуна настолько заинтересовали, почти околдовали меня, что хотелось при первой же возможности посетить эту легендарную местность. Честно говоря, больше Хымрыда и Гямигая меня привлекал Дири-Баба, о котором безуданно рассказывал Мохсун. В Маразе⁵ я видел гробницу Дири-Бабы.

О Дири-Бабе я слышал легенду: как-то этот правоверный старец умер, и его похоронили. На следующий день, навещая его могилу, люди увидели, что Дири-Баба ожил, и молится в гробнице. С тех пор его называли Дири-Баба⁶. Схожую притчу я слышал и в Дербенте: там находится кладбище Гырхлар. Гырхлар⁷ – это сорок обезглавленных исламских шахидов⁸. Люди погрузили их тела в телеги и отвезли на клад-

¹ Дословно: «Горы покрылись снегом, но ветер сдул его с них». Иронизирует над неправильным произношением.

² Гемигая – гора в Нахчыванской АР, на территории Ордубадского района. Дословно – «Корабль-гора».

³ Асхаби-Кяхф – природная пещера – святилище в Нахчыване. Переводится с арабского как «пещерные люди».

⁴ Союг-булаг – дословно: холодный родник (азерб.). Название туристического комплекса в г. Шеки.

⁵ Мараза – административный центр Гобустанского района Азербайджана.

⁶ Дири-Баба – дословно: живой старец (азерб.).

⁷ Гырхлар – дословно: сорок человек (азерб.).

⁸ Шахиды – люди, погибшие во имя веры.

бище, но по дороге увидели, что все эти сорок всадников скачут перед телегами. Когда-то меня очень интересовали темы о загробной жизни и воскрешении мертвых, и я пытался объяснить себе эти легенды не как небывицы, а как реальные события. Рассказы о Дири-Бабе привлекли меня, прежде всего, из-за его имени. Кем был этот старец, почему его звали *Дири*? Дело в том, что Мохсун и сам не видел его – только лишь слышал рассказы о нём.

По легенде, он был правоверным старцем. Ему было сто пятьдесят лет – как говорится, шаха Надира видел на троне, а Гаджара – в пелёнках, прожил аредовы веки¹.

Мохсун признавался, что рассказы о Дири-Бабе он слышал, в основном, от отца и деда – хотя, они и сами никогда не видели его. По преданию, он жил в одиночестве в келье, в развалинах древнего города под названием Хараба Гилан. Как он жил, чем питался – никто не знал. Только один человек, которому было далеко за девяносто, раз в месяц посещал Дири-Бабу, и передавал народу его советы и наставления. Некоторые считали, что такого человека и вовсе не существует – это всё сказки, кто-то выдумал их и распространил среди людей.

Я сказал Мохсуну, что если мне когда-то удастся побывать в Нахчыване, я обязательно встречусь с Дири-Бабой.

– Разумеется, – сразу же стал ёрничать Зейнал, – Дири-Баба сидит уже полтора года лет и ждёт тебя.

Но, как ни странно, Мохсун отнёсся к моему желанию вполне серьёзно. По счастливой случайности, в рамках соглашения об обмене опытом между вузами, меня направили в Нахчыван, чтобы я там сделал доклад на студенческом симпозиуме. Мохсун сначала не хотел ехать со мной.

– Ничего знать не хочу! – категорически возразил я. – Уже в который раз ты приглашаешь меня в гости в Нахчыван. Если сейчас не поедешь со мной, то всю жизнь буду звать тебя Гурбанали-беком².

После недолгих кокетничаний Мохсун, наконец, согласился. А Зейнала, естественно, упрашивать не пришлось.

Короче говоря, в один из погожих сентябрьских дней мы полетели в Нахчыван. Действительно, на правах хозяина Мохсун оказался очень гостеприимным. Выяснилось, что у него бесчисленное количество родственников, и в каждом доме нас встречали с почестями, щедро угощали, кормили, как на убой... Я восхищался видами неповторимой природы этого края, лесами Халхал, озером Батабат, ордубадскими садами, добродушием нехрамцев... Впервые в жизни я отведал Арзуман-кюфтеси³, луковые голубцы, медовую яичницу... Но все мои мысли были о Дири-Бабе – во что бы то ни стало я должен был увидеть его. Я настолько надоел Мохсуну с этой просьбой, что наверняка, он жалел о том, что рассказал мне о Дири-Бабе. Но я был непреклонен: раз обещал – выполняй. Подобные мистические истории всегда притягивали меня, вызывали у меня какое-то странное, необъяснимое состояние. Это превратилось в манию – я обязательно должен был достичь задуманного. По моей инициативе, мы, наводя справки, расспрашивая стариков, наконец, нашли заветного

¹ Аредовы веки – фразеологический оборот, относящийся к чему-то, или кому-то, прожившему неестественно долго, в Библии упоминается об Иареде, прожившем 962 года.

² Гурбанали-бек – герой одноимённого рассказа выдающегося азербайджанского писателя Джалила Мамедгулузаде (1866-1932), образ хвастливого и угодливого помещика. Гурбанали-бек является олицетворением раболепных льстецов, не умеющих сдерживать свои обещания.

³ Арзуман-кюфтеси – азербайджанское национальное блюдо – крупные мясные тефтели, приготавливаемые, в основном, в Нахчыване.

девяностолетнего старика.

В его внешности, поведении и речи не было ничего необычного. В молодости он работал водителем, и уже двадцать лет, как на пенсии. Было ему вовсе не девяносто лет, а лишь восемьдесят два.

Странность его заключалась в том, что после нашего знакомства он сразу же стал внимательно, изучающе рассматривать меня:

– Кажется, я где-то тебя видел, – сказал он.

Однако в разговоре выяснилось, что за всю свою жизнь он ни разу не выезжал за пределы Нахчывана, а я приехал сюда впервые в жизни. Где же он мог меня видеть?

– У тебя при себе фотография есть? – вдруг спросил он, повергнув меня в недоумение.

– Только та, что в паспорте.

– Там, за углом работает фотограф Мурсал – дай ему, пускай увеличит.

Даже не поинтересовавшись, для чего это нужно, я послушно отнёс к фотографу и увеличил фото.

Старик забрал фотографию и, внимательно её рассмотрев, положил в карман, не сказав ни слова, ничего не объясняя и не обещая.

До возвращения в Баку оставалось два дня. Все мои надежды увидеть Дири-Бабу становились все более нереальными.

В последний день перед возвращением я сидел во дворе дома Мохсуна, где был разбит цветник, и пил ароматный чай из самовара (а Мохсун наконец-то научился правильно выговаривать слово «чай»). Вдруг в ворота постучали.

Пришел старик, который забрал у меня фотографию. Он отвёл меня в сторону и шепнул на ухо:

– Завтра я отведу тебя на поклонение Дири-Бабе – но никому об этом не говори.

– Но ведь завтра рано утром я улетаю в Баку.

– Потом улетишь! Такая возможность представляется лишь раз в жизни. Но смотри, не вздумай говорить об этом кому-нибудь.

– А что мне сказать Мохсуну? Как ему объяснить, почему я поменял билет, куда я еду вместе с тобой?

– Не беспокойся. Они ничего не проведуют, даже не ощутят твое отсутствие.

ГЛАВА 8

А БЫЛ ЛИ ДИРИ-БАБА?

«Некоторые считают, что суфии обладают скрытной силой и даже способны одним лишь взглядом излечить человека от тяжёлого недуга или же изменить ему жизнь».

Идрис Шах, из книги «Суфизм»

«Дзен – мистик, по-другому и быть не может, ибо дзен – основа восточной культуры. Именно этот мистицизм мешает Западу понимать восточное сознание, так как основная черта за-

падного сознания заключается в логике и логическом анализе. А для восточного мистцизма подобная логика неприемлема».

Д.Т.Судзуки, из книги «Основы Дзен-буддизма»

«Экзистенциализм – не такой атеизм, который растрчивает себя на доказательства того, что бог не существует. Скорее он заявляет следующее: даже если бы бог существовал, это ничего бы не изменило. Такова наша точка зрения. Это не значит, что мы верим в существование бога, – просто суть дела не в том, существует ли бог. Человек должен обрести себя и убедиться, что ничто не может его спасти от себя самого, даже достоверное доказательство существования бога. В этом смысле экзистенциализм – это оптимизм, вера в человека, призыв человека к действию».

*Жан Поль Сартр,
французский писатель и философ XX века,
отрывок из эссе
«Экзистенциализм – это гуманизм»*

В девять часов утра я уже стоял возле мавзолея Момины-Хатын. Он сам назначил для встречи именно это место, чтобы я смог легко найти. Восьмидесятидвухлетний водитель-пенсионер ждал меня за рулём грузовика. Я был удивлён: как можно в таком возрасте управлять грузовиком.

Всю дорогу мы молчали. Я любовался прекрасными пейзажами Нахчывана, горой Иланлы, которую было видно с любой точки, скалами, созданными природой и одновременно напоминающими образцы современного абстрактного искусства, скульптуры модернистов, горными склонами, переливающимися всеми цветами радуги – нельзя было не восхищаться всей этой красотой. Я был охвачен волнением от предстоящей встречи с человеком-легендой. Рассказы о Дири-Бабе вдохновляли и подстегивали мое любопытство, а с другой стороны, я почему-то опасался, боялся предстоящей встречи. В глубине души я чувствовал, что эта встреча может полностью изменить мою жизнь.

Машина ехала, трясаясь и подпрыгивая на ухабистой дороге – и с каждой тряской у меня в душе словно что-то обрывалось. Это было не напряжение тела, а предчувствие глубочайшего потрясения в моей душе.

Я увидел руины древнего обиталища. Это были дома без крыш, с треснутыми стенами, на которых жалко смотрелись дверные и оконные проемы. Возле разрушенных домов стояли заборы, из которых, как редкие старческие зубы, торчали камни. Машина остановилась возле единственного более-менее уцелевшего среди этих руин жалкого домишка. Водитель вышел из машины, и жестом велел мне тоже выйти. Он молча указал на дверь – он всё показывал жестами, словно боялся подавать голос.

Внезапно он вытащил из кармана чёрные солнечные очки и протянул мне.

Даже не спросив, зачем это нужно, я, словно околдованный, послушался его и надел очки.

Старик-водитель остался снаружи – а я, согнув голову, по его указке вошёл в лачугу через узкую, низкую дверь. В этой лачуге, келье таинственного старца царил полумрак, и освещала её лишь тускло горящая свеча. Я был в тёмных очках, и оттого мне почти ничего не было видно. Среди голых стен этой комнаты – если конечно, это помещение можно было назвать комнатой – на полу была разостлана циновка. На дальнем конце циновки я с трудом заметил человека, сидящего на матрасе...

Его нельзя было назвать стариком. Слово само время, состарившись, запечатлелось на смуглом лице этого человека. Его глубокие, грустные глаза, похожие на глаза индийца, вонзались в душу человека, на которого он глядел. Его белоснежная борода и волосы создавали изумительно резкий контраст с его темным лицом.

Это и был тот самый Дири-Баба... На мгновение мне показалось, что передо мной сидит не живой человек, а статуя – и лишь выражение чёрных глаз выдавало в нём живого человека.

Он молчал. Мне показалось, что вся наша встреча пройдёт в этой гробовой тишине, и, поглядев друг на друга некоторое время, мне придётся уйти.

Однако в это время Дири-Баба, словно прочитав мои мысли, промолвил сиплым голосом, будто доносящимся из глубины веков:

– Добро пожаловать, Ормузд!

«Почему он назвал меня Ормуздом? – подумал я, – ведь меня не так зовут. Наверно, перепутал меня с кем-то...»

– Моё имя... – едва я заговорил, как он перебил меня:

– Твоё имя должно быть Ормузд, – заявил он так твердо, что я не осмелился спорить.

«Ормузд! Ну ладно, пускай будет Ормузд! А мне как к нему обращаться? Дири-Баба? Ваше Святейшество? Старик?»

Я нашёл наилучший выход:

– Дедушка, – сказал я. – В чём ваша тайна?

– Тайны ведомы лишь Аллаху, – ответил он. – Всевышний сказал Пророку: Я раскрыл тебе лишь часть наших тайн, а про остальные тайны ты никогда не узнаешь. А пророк заявил верующим: «Я вам не говорил, что мне ведомы все тайны! Я вам раскрываю лишь то, что мне известно!»

– Как бы там ни было, ваше отшельничество должно иметь какую-то причину, – сказал я. – Какую?

Я полностью потерял представление о времени – прошло десять минут, или может быть, несколько часов. Помолчав, он задал мне вопрос, от которого я впал в шок:

– Ты слышал о Деде Горгуде?

– Конечно, – ответил я с изумлением.

– Помнишь Циклопа?

Кто был этот человек, сидевший передо мной? Легендарный старик, являющийся кладезем бесчисленных тайн? Или может, это сам тысячелетний Деде Горкуд? Не дождавшись моего ответа, он задал другой вопрос:

– А кто такой Циклоп?

– А кто он? – ответил я вопросом на вопрос.

– Почему он хотел покончить с собой? – спросил он, проигнорировав мой во-

прос.

Я попытался вспомнить эпос «Китаби-Деде Горгуд», который я читал в школьные годы. Кажется, в тексте был какой-то непонятный фрагмент о желании Циклопа покончить с собой. Внезапно в моём сознании словно включился свет – этот отрывок из эпоса возродился в моей памяти слово в слово.

– Ты понял, почему он хотел покончить с собой?

– Нет, не понял.

– Потому что он Циклоп!

Я опять ничего не понял.

Старик будто вновь прочёл мои мысли.

– У человека должно быть два глаза, – сказал он. – А у избранных в голове бывает и третий глаз – глаз прозорливости. Этим глазом они видят то, что не дано увидеть другим. Третий глаз находится в их черепе. А единственный глаз Циклопа находился снаружи, у него на лбу. Этим глазом он видел всю уродливость нашего мира, но беда в том, что он хотел устранить эту уродливость, победив Зло с помощью еще большего Зла. Он хотел уничтожить человечество, породившее на Земле все беды и Зло, и, добившись своего, покончить с собой, дабы не остаться в одиночестве во всём мире.

«Прекрасно, – подумал я, – стремился встретить легендарную личность, но вместо этого приходится слушать лекцию о фольклоре».

– Не торопись, Ормузд, – старик и на этот раз прочёл мои мысли. Теперь его голос раздался сзади – хотя он сидел передо мной. – Я знал, что когда-нибудь ты придёшь. Я ждал тебя. В твоих глазах кроется тайна – я понял это, взглянув на твою фотографию. На фотографии можно поменять всё, кроме выражения глаз. А оно неповторимо, как отпечатки пальцев... Определённый взгляд также принадлежит лишь одному человеку, и больше никому, – на этот раз его голос звучал сбоку, будто в лачуге повсюду стояли динамики, и голос Дири-Бабы раздавался каждый раз с разных сторон. Складывалось ощущение, что говорит не легендарный старец, а сама эта тёмная келья, её стены, пол и потолок.

– В чём заключаются беды мира? – спрашивала келья.

– Откуда мне знать? В мире происходит много бед...

– Беды мира заключаются в том, что в мире дурного глаза больше, чем доброго, дурной глаз сильнее. То добро, которое добрый глаз творит через сотни взглядов, может разрушаться одним лишь взглядом дурного глаза. Вот мы говорим: сглазить, с глаз долой, для отвода глаз, глазливый, глаз – алмаз, не в бровь – а в глаз... Глаз да глаз... Почему мы так говорим? Потому что глаз – это начало всего, Ормузд! Глаз – это начало и Добра, и Зла.

– А почему ты называешь меня Ормузд, дедушка?

– А ты и есть Ормузд, хоть сам и не знаешь об этом. Человек сам создаёт самого себя, и может воспитать себя как Ормузда, или как Ахримана. В человеке живут они оба – и Ормузд, и Ахриман...

– Ты веришь в Бога? – после недолгой паузы, вдруг спросил он.

– В Бога? – я не знал, как ответить на этот вопрос, чтобы угодить старику. Вместо меня ответил он сам:

– Верить-то ты веришь, но в то же время у тебя есть что спросить у Бога. Почему же Бог, который един и у мусульман, и у христиан, и у иудеев, допускает несправедливость, бесправие, жестокость, и никак не может справиться с Дьяволом?

Да, мудрецы говорят, что нужно иметь в душе такую огромную любовь к Богу, чтобы там не оставалось места для Дьявола. Но кто такой Дьявол, как он смеет хозяйничать в мире, созданном Богом? Знаешь, кто подробно ответил на этот вопрос?

– Не знаю.

– Откуда тебе знать... ведь ты всё ещё пребываешь в невежестве. На этот величайший вопрос человечества ответил наш предок Зардушт. В мире он известен под именем Заратустры. Зардушт приходится внуком пророку Ною, похороненному в этой земле, а мне – прапрадедом.

И вновь прочитав мои мысли, он добавил:

– Нет, я не сумасшедший. Наш предок Зардушт говорит, что миром правят две силы – Добро и Зло. И человек должен сам решить – Добро или Зло ему выбрать... Даже в сегодняшнем мире Ормузд борется против Ахримана. Временами то один, то другой из них выходит победителем... В твоих глазах я увидел свет Ормузда. Но ты подвергался множеству испытаний и будешь им подвергаться в дальнейшем. Ахриман всё время будет пытаться привлечь тебя к себе. Он напомнит тебе обо всех несправедливостях, оскорблениях и унижениях, пережитых тобой ещё с детства, побуждая тебя мстить за всё это. Но ты должен знать, что борьба против Зла с помощью Зла рождает ещё большее зло... Победа вызывает ненависть. Месть – удел неудачников. Если неудачник отомстит и выйдет в этой битве победителем, то оборвать эту порочную цепь не удастся никогда. Чтобы достичь мира, необходимо отказаться от побед и поражений. Самый великий победитель – этот не тот, кто победил в сражении тысячи людей, а тот, кто победил самого себя.

«Он обидел меня, оскорбил, унизил». Человек, живущий с этими мыслями, всю жизнь испытывает злобу. Избавившись от этих мыслей, человек подавляет в себе ненависть, освобождает свою душу. Никогда ещё в мире ненависть не подавлялась ненавистью.

Древние китайцы были мудрее – они советовали не поддерживать ни Добро, ни Зло, а оставаться таким, каким ты был ещё до появления на свет, где сражаются Добро и Зло. Согласно древней китайской философии, Добро и Зло не существуют обособленно – они единое целое.

– А как же тогда отличать добро от зла?

– По голосу своей души. Прислушайся к своей душе. Твоя душа сделает правильный выбор. Бог кроется в твоей душе. Вспомни Деде Горгуда. «Многие невежи ищут Тебя в небесах, рыщут по земле, а Ты находишься в душе правозверных».

Дири-Баба вдруг протянул мне, неизвестно как оказавшийся в его руках какой-то крупный предмет. Я взгляделся – это был амулет. Такого крупного амулета я еще не видел.

– Повесишь у себя дома. Этот амулет достался мне от Зардушта, он переходит из поколения в поколение. Этот амулет уберезит тебя от злодеяний Ахримана. А ты будешь беречь людей от самого Ахримана.

В городе, куда ты вернёшься, живёт учёный, у которого находится древнейший в мире ковёр. Этот ковёр украшен узорами знаний обо всех тайнах Вселенной, о тайне начала и конца света. Ты сможешь их тоже уберечь от дурного глаза. Взойди на Асхаби-кяхф. Больше ни слова не скажу – сам увидишь, что произойдёт.

Я не заметил, как Дири-Баба умолк и исчез. Я весь словно окаменел. Я остался один здесь, среди голых стен, а передо мной – циновка, на ней матрас. И тусклая свеча, которая тут же потухла. Я очутился в крошечной тьме. Кое-как, на ощупь

найдя дверь, я вышел наружу. Во дворе тоже было темно – ни зги не видно. Когда же наступила ночь? Неужели я пробыл здесь весь день?

Не было видно и грузовика, на котором я приехал сюда. Мне пришлось самому выбираться тёмной ночью из этого незнакомого места, где ухали совы среди разрушенных стен, и мелькали страшные тени.

С того дня, с той ночи прошло много лет, но я всё ещё не могу уверенно сказать – действительно ли произошла эта встреча, или она мне только померещилась? Может, я видел всё это в причудливом сне, а наяву, по-настоящему ничего и не было? Не знаю... Не уверен...

Как же мне удалось выбраться из Хараба Гилана и вернуться домой к Мохсуну? Почему они не спросили, где я был всё это время, и даже не удивились моему столь долгому отсутствию? Выходит, всё это – моё бредовое воображение, фантазии, заполонившие моё сознание. Ну и прекрасно, пусть будет так...

А откуда же тогда взялся этот крупный амулет, который висит на стене у меня дома? Я же его никогда, нигде не покупал...

ГЛАВА 9

Пьяница Искендер тоже был прав

«Мертвецы! Не вздумайте слушаться Шейха и воскресать. Вот вы сейчас спокойно лежите на этом кладбище, и даже понятия не имеете, что происходит в мире. Ведь воскреснув, вы не останетесь на этом кладбище: захотите разойтись по домам. Прекрасно! Допустим, разошлись. А вы уверены, что вас пустят в свой дом? Придя домой, вы увидите, что двери заперты. «Откройте, я хозяин этого дома!» – скажете вы. Но вам ответят: «Ничего подобного! Твой брат Гаджи Фарадж женился на твоей вдове, и присвоил твой дом! Пошёл к чёрту!»

Джалил Мамедгулузаде, «Мертвецы»

Приближаясь к нашему двору, я молил бога, чтобы никто из знакомых меня не видел. Нет, я не стеснялся грязных, изношенных штанов, что были на мне. Я просто боялся, что увидев меня, мои знакомые потеряют сознание. Ведь как-то непривычно, чтобы мертвецы разгуливали по улицам спустя три дня после похорон. С другой стороны, вряд ли кто-нибудь в это время, в вечерней темноте мог бы узнать меня. Слава богу, ни с кем не повстречавшись, я дошёл до своего подъезда. Зашёл в лифт и нажал на кнопку третьего этажа. Набирая код квартиры – цифры 3,4,6, я внезапно увидел на дверях табличку:

ЗАКИР ЗАКИРОВ ЦЕНТР ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ И ПОДДЕРЖКИ

Словно земля ушла у меня из-под ног. Кое-как взяв себя в руки, я открыл дверь. Едва успел зайти в комнату, как услышал женский крик.

При тусклом свете торшера я лишь увидел, как голая женщина, лежавшая на моём рабочем столе, столкнула с себя голого мужчину, вскочила и побежала к дверям соседней комнаты. На спине у женщины я успел заметить круглые пятна от банок.

Поспешно подобрав с пола мой халат, Закир прикрыл свою наготу.

– Ты кто? – спросил он, взглянув на меня. Кажется, он всё ещё не верил своим глазам. И вдруг, как от удара током, он, будто обессилел, прислонился спиной к стене, и медленно пополз вниз.

– Э...то в...ы? – промолвил он заплетающимся языком.

Его выпученные глаза застыли, как у мертвеца, и уставились в пустое пространство.

– Да, это я! – ответил я. – Шеф и научный руководитель такой неблагодарной свиньи, как ты!

Закир молчал. А что он мог сказать? Не прошло и трёх дней с моих похорон, как мой самый любимый ученик – подлец, которому я передал чуть ли не все свои знания, присвоил мою офисную квартиру, снял с дверей табличку с моим именем и повесил свою (этот подлец ещё успел заказать и повесить новую табличку!). Более того, он нагло напялил на себя мой любимый халат в красную полоску.

Он занимался любовью на рабочем столе, за которым я провёл немало бессонных ночей; как будто в этой комнате не было дивана, а в соседней – кровати... Видимо, любовь на столе – это тоже своего рода забава.

Женщину я тоже узнал – хотя видел её только со спины. За пару дней до похорон я слышал, что у неё воспаление легких, и ей поставили банки. Это была Рубаба. Когда-то в далёком прошлом она нравилась мне. Это была моя единственная безответная любовь. Женщина, которая когда-то не позволила мне класть руку ей на колено, оказалась попросту девкой, дрянью лёгкого поведения.

– У тебя нет ни стыда, ни совести, Закир! Хотя бы подождал, чтобы с моих похорон прошло ну не сорок, а хотя бы семь дней...

Закир неподвижно сидел на корточках, подпирая стену – он был в прострации. Я словно говорил с пустотой.

– Значит, поэтому ты столкнул меня с третьего этажа, Закир! Чтобы присвоить мою квартиру, мою должность, моё незавершённое исследование, моё изобретение! Чтобы превратить мою квартиру в бордель, – слова застревали у меня в горле. – Детей у меня нет, я любил тебя как своего сына. Даже в могиле мне и в голову не пришло бы, что это ты столкнул меня с третьего этажа, чтобы избавиться от меня.

Побледневшее лицо Закира окаменело. Мне даже стало жаль его. Схватив со стула его брюки и рубашку, я швырнул их в него:

– Одевайся и пошёл вон отсюда! – приказал я. – И табличку свою сними с моих дверей...

Я прошёл в соседнюю комнату. Прикрыв лицо руками, Рубаба рыдала. Она была одета... в фиштакново-зелёное платье – теперь уже конечно другое, новое, но точь-в-точь такое же, которое мне когда-то так нравилось.

Почувствовав моё присутствие, она подняла голову. Кажется, её ничего не удивляло – будто всё так и должно было быть: появление в таком диком, неопрятном виде человека, которого похоронили три дня назад; словно подобное было для неё в порядке вещей...

– Простите меня, прошу вас! – непрерывно шептала она.

– Не проси, я не подаю! – ответил я. – Встань, убирайся отсюда!

Не промолвив ни слова, Рубаба вышла из комнаты, и через минуту я услышал, как захлопнулась входная дверь.

Я прошёл в рабочий кабинет. Закира уже не было. Я не слышал, когда он ушёл – видимо, он тихо, бесшумно прикрыл дверь.

ГЛАВА 10

Асхаби-кяхф

«Эти молодые люди приютились в пещере. Они сказали: «О Всевышний, пощади нас, укажи нам выход из этой ситуации, в которой мы оказались...» Мы погрузили их в пещере в многолетний сон. Затем разбудили их, чтобы узнать, кто среди них сможет определить продолжительность сна наиболее точно. Все они заявили, что спали не больше одного дня. Они провели в пещере триста лет. Аллах точно знает, сколько времени они там провели. И только Он ведаёт о невидимости небес и земли...»

Священный Коран. Сура Кяхф (18)

«Странно, что Дух не помнит свою родину и места, где он родился. Мир – это сон, закрывающий Духу глаза, подобно тучам, скрывающим звёзды».

Джалаладдин Руми

«Мы должны понять, что мир – намного шире, чем мы можем осознать. Мы обучены видеть и воспринимать мир. Но нам не сказано, что реальность, которую мы видим, всего лишь одно из средств восприятия мира... Европейское восприятие принимает лишь то, что глаза передают мозгу. Кроме этого мира, нужно уметь находиться вне увиденного, чтобы перейти в тайный мир».

*Карлос Кастанеда,
Американский этнограф и писатель,
отрывок из книги «Двери другого мира»*

Поменяв билет, я целый день гулял по городу. Посетил музеи Мирзы Джалила, Гусейна Джавида. А на следующий день дядя Мохсуна – Мадат-киши отвёз меня и Мохсуна на своём «Жигули» на Асхаби-Кяхф. На склоне Асхаби-Кяхф у Мадат-киши была маленькая чайхана.

– Перед тем, как взбираться на гору, отведай наш чай, – предложил Мадат-

киши.

И вновь дымящийся самовар, грушевидные стаканы, крепкий чай с бархатным ароматом, лимон, ореховое варенье...

– Ну всё, браток, – сказал Мохсун, – взбираться на гору ты будешь один, без меня – я слишком устал, чтобы по горам лазать. Видишь вот эту тропу? Она приведёт тебя прямо к Асхаби-Кяхф. Он находится на самой вершине горы. Ты слышал легенду о Дагьюнусе?¹

– Слышал, – ответил я. Но проигнорировав мой ответ, Мохсун продолжил:

– Путешественники взобрались туда, и, утомившись, повалились спать, погрузились в глубокий сон. Проснувшись, они увидели, что от собак остались одни скелеты – позднее выяснилось, что они спали ровно триста лет. В священном Коране говорится: «Всевышний Аллах переворачивал спящих в Асхаби-Кяхф с боку на бок, чтобы земля не разъедала их плоти.» Смотри, не вздумай уснуть там.

Действительно, взбираться на эту гору было нелегко. Запыхавая, я шагал по крутой тропе. «Эх ты, – упрекал я самого себя, – тебе всего лишь двадцать пять, но уже сейчас ты взбираешься на гору с таким трудом. Что же ты будешь делать в пятьдесят?»

Мохсун настолько подробно описывал Асхаби-Кяхф, что я сразу узнал его. С четырёх сторон он был окружён скалами, вершины которых склонились друг к другу, оставив достаточно места, куда заглядывало Небо. Я чувствовал себя будто в тендире² – не из-за жары, а из-за строения пещеры. У этого места была необычная аура (возможно, это связано с легендой о Дагьюнусе). Время словно замерло здесь. Оно просто-напросто исчезло. Это место предавало забвению всю прошедшую жизнь, все увиденные доселе места. Человек сливался здесь с бесконечностью и отчётливо ощущал себя маленькой крупинкой во Вселенной. С вершины скал, склонившихся друг к другу, открывалось окно к небесам, словно прокладывая путь к вратам Всевышнего.

Я уселся на землю, чтобы отдышаться, и прислонился к скале. Мои отяжелевшие веки медленно закрывались. Внезапно сквозь сон я услышал голоса:

– Куда исчез твой гость? – это был голос Мадата.

– Вернётся, никуда не денется, – ответил ему голос Мохсуна.

Во сне ли я слышал эти голоса, наяву ли? Но ведь я находился на вершине горы, а они – у подножья, очень далеко от меня. Более того, кроме этих, я слышал и другие голоса... Кто-то просил принести чаю, кто-то хотел рассчитаться, кто-то утверждал, что долг платежом красен.

Когда я открыл глаза, была уже ночь. Звёзды, «висящие на потолке» Асхаби-Кяхф, казались такими близкими, что хоть рукой достань. Никогда, нигде я не видел таких крупных звёзд.

Я встал, потянулся. В душе воцарилось какое-то странное, доселе не изведанное, незнакомое ощущение, я как будто устал, и тело заметно отяжелело.

Выйдя наружу из пещеры Асхаби-Кяхф, я остолбенел: с подножья горы до вершины, где я находился, вели ступени. Господи, откуда появились эти ступени, когда успели их проложить? Если они с самого начала были тут, то почему я их не видел? И Мохсун почему-то не предупредил меня об этом – иначе мне не пришлось бы, задыхаясь, взбираться по круче.

¹ Легенда о Дагьюнусе – древняя легенда о правителе по имени Дагьюнус, который объявил себя богом.

² Тендир – глиняная куполообразная печь для выпечки лепёшек.

Я начал спускаться по ступеням. Внизу тоже всё поменялось – на месте чайханы стоял новый, красивый павильон, за прилавком которого находился тот же Мадат-киши.

Я подошёл к нему и поздоровался:

– Здравствуйте, дядя Мадат!

– Какой я тебе дядя? – взглянул он на меня с удивлением. – Мы же вроде одного возраста...

– Вы разве не Мадат?

– Ну, Мадат, и что с того? А ты кто такой?

– Не узнали меня? А где Мохсун?

– Какой Мохсун?

– Что значит, «какой Мохсун»? Разве мы не вместе сюда приехали? Ваш племянник Мохсун...

– Мохсун мой двоюродный брат, а не племянник, – нахмурился Мадат. – Он умер пять лет тому назад...

– Как это умер? Вы с ума сошли? Или издеваетесь? Может, вы пьяны?

– Это ты пьян, коль позволяешь себе такие плоские шутки.

– Вы не Мадат – дядя Мохсуна?

– Его дядя был моим отцом – он тоже умер, в этом году...

– Я вас перепутал с ним...

– Да, многие говорят, что я очень похож на своего отца. Прямо как две капли воды... Ты знал моего отца?

– Знал, – ответил я. – Опять легенда о Дагьюнусе?

– Что?

– Ничего... это я так.

С соседнего стола позвали:

– Мадат, ну что там с чаем?

На стене висел трёхцветный флаг.

– А что это за флаг?

Мадат недоуменно взглянул на меня:

– Ты что, с луны свалился? Бредишь, что ли?

– Нет, – ответил я. – Я просто заснул в пещере Асхаби-Кяхф.

Ничего не ответив, Мадат обернулся. Я увидел в зеркало, как он приставил указательный палец к виску и покрутил. В двух шагах от него стоял мужчина лет пятидесяти. Его лицо показалось мне очень знакомым.

Внезапно я понял, что это, скорее всего, я сам.

ГЛАВА 11

Хлыст

«Ранив душу человека однажды, можно потом сотворить для него сотни раз добро, всё равно он будет мстить за прежнюю обиду. Стрелу можно вытащить из раны, но сама рана останется...»

Сади Ширази

Ахлиман по-особому готовился к Этому дню. Чёрный костюм, который был куплен специально к торжеству, он еще ни разу не надевал. А два дня назад он купил белую рубашку, красный однотонный галстук, ботинки и даже новые носки.

Накануне он постригся, а утром тщательно побрился, принял душ, надушился одеколоном. Представ в новом костюме перед зеркалом, он подмигнул самому себе, и шепнул: «Чтобы ослепли дурные глаза моих врагов!»

Разумеется, его враги будут завидовать не его внешности, а научной победе, которую он сегодня, несомненно, должен одержать. Завистников у него было хоть отбавляй, глаза бы их не видели. Но это было взаимно. И он в свою очередь намозолил им глаза. Но сегодня он покажет им, где раки зимуют.

Правда, несмотря на неопровержимые научные доказательства, как минимум трое из восьми членов Учёного совета – его лютые враги – выступят против. А в совестливости и порядочности остальных членов совета, когда дело касалось науки, он не сомневался. Одной из них была Рубаба. На самом деле, Рубаба была включена в Учёный совет по его же, Ахлимана, рекомендации. Хотя это было до того неприятного происшествия в кинотеатре «Низами». В то время Рубаба ему очень нравилась. Наверно, он неравнодушен был к ней и сейчас. Однако после случая в кинотеатре их отношения немного охладели. За всё время, пока Рубаба лежала в больнице со сломанной ногой в гипсе, он ни разу не решился навестить её.

Позднее они встречались довольно часто, однако ни Рубаба, ни Ахлиман не сочли нужным ворошить прошлое, вспоминать тот случай в кинотеатре. «Странные существа, эти женщины, – раздумывал Ахлиман, – подумаешь, положил руку ей на колено. На самом деле, женщина должна гордиться своей сексуальной привлекательностью. А наши женщины, наоборот, смущаются, отталкивают тебя, когда к ним тянешься. Ханжество, да и только!»

Ведь доказано же Фрейдом и учёными-фрейдистами: девяносто процентов женщин в своем подсознании мечтают о том, чтобы чувствовать на себе груз мужчины, самца – во всех смыслах этого слова. Или же, наоборот – погружать, растворять себя в мужском начале.

В просматриваемых им время от времени самиздатовских книгах, хранящихся на полках его домашней библиотеки, иллюстрировались сотни невероятных поз совокуплений. Но как бы то ни было, сейчас не время загружать голову ненужными, посторонними мыслями. Его невиданная, безоговорочная научная победа также откроет ему путь к сердцу любой женщины, которую он пожелает.

Всё шло так, как было задумано и запланировано. Он выступил просто превосходно, продемонстрировав все возможности своей научной логики и красноречия. Наверное, впервые за всю деятельность Учёного совета ему так громко и продолжительно аплодировали. Даже маститый учёный Гафарзаде в своём выступлении отметил:

– Это очень ценное исследование! Такое серьёзное отношение к оккультизму мы видим впервые. При советской власти подобное отношение назвали бы идеализмом и мракобесием. Но сейчас, слава богу, мы можем относиться к каждому вопросу осознанно, с научной точки зрения.

Все подходили к нему, пожимали руку, поздравляли, наиболее близкие товарищи справлялись о банкете...

Голосование было тайным, и через полчаса были объявлены результаты: все восемь членов Учёного совета проголосовали «против». Возможно, каждый из них

подумал: «Дай-ка я проголосую против, отведу душу – все остальные, надеюсь, проголосуют «за» и не лишат нас банкета».

Среди проголосовавших «против» был и маститый учёный Гафарзаде, который громче всех заливался хвалебными одами в его адрес. И Рубаба... Рубаба, которую он включил в учёный совет!

Когда объявлялись результаты голосования, Ахлиман внезапно почувствовал острую боль в спине. Это была жгучая, невыносимая боль от хлыста. Точно такую же боль он чувствовал в детстве, когда отец хлестал маленького Ахлимана по спине своим кожаным ремнём с железной бляхой. Отец бил его ремнём, а жену награждал оплеухами и тумакми. «Не бей, прошу тебя, умоляю, не бей!» – причитала его мать, когда муж бил её или сына. Её мольбы всё ещё звучали в ушах Ахлимана. А маленький Ахлиман не издавал ни звука, что злило его отца ещё сильнее:

– Что ты уставился на меня, щенок... – и давай хлестать ремнем. («Не бей, прошу тебя, умоляю, это же ребёнок, пожалей его, не бей!»).

От ударов ремнём на его спине оставались красные полосы.

– Сучье отродье, что ты уставил на меня свои поганые глаза? Я его наказываю, а ему хоть бы хны... Мало тебе?! Вот, получай ещё! – и удар за ударом.

С тех пор он возненавидел своих родителей; отца – за жестокость, а мать – за покорность...

Боль в спине напоминала ему не только избиения отцом, но и другие воспоминания детства, и ему казалось, что с верхнего этажа ему на голову выливают воду – но не холодную, как в детстве, а горячую, кипятком.

У него не было ни малейшего желания слышать чьё-либо лицемерное утешение, лживую поддержку. Бросив на всех презрительный, ненавистный взгляд, он ушёл, ни с кем не попрощавшись. Он был в ярости, по дороге он готов был задушить каждого, кто попался бы ему на пути.

Придя домой и достав из холодильника бутылку водки, он поставил её на стол. Хотелось выпить, забыться...

Ему вспомнилось древнее баяты:

*Сколько ни пил, чтоб забыться,
Не покинуло горе меня.*

И тут же вспомнил первую строку: «Хлестнул буланого коня...»

Его тоже сегодня хорошенько хлестнули, причём, в спину... Нет, нельзя сдаваться. Выпивать, чтобы забыться – это удел слабых. К чёрту, не буду пить! Я им всем отомщу – каждому по отдельности.

Зазвонил телефон. Он не стал поднимать трубку. Знал, что звонящий станет неискренне утешать его – «Не бери в голову, образуется» – или ещё хуже, начнет тонко, садистски издеваться. «Плевать я хотел на них!» Лица присутствующих на заседании одно за другим предстали перед его взором. «Учёными зовутся, подумать только... Этот ещё, носатый, вчера только с дерева спустился, прибыл в Баку, человеком стал. До сих пор не может выговорить фразу «потому что» – всё «бадамуста», да и только. Или же другой грамотей, это быдло: для него что «размышлять», что «размюслить», так и произносит, кретин, а еще русскоязычный. В гробу я видал вас всех!»

Все же он выпил, настроение заметно улучшилось и от водки и от воспоминаний о болванах, окружавших его. Он улыбнулся.

Включил телевизор. Уже который день он смотрел футбол. Легендарная сборная Бразилии была безнадежно разгромлена немцами со счётом 7-1, а затем про-

играла голландцам со счётом 3-1. А сегодня был финал, и сборная Германии, разбившая бразильцев, на этот раз выигрывала у сборной Аргентины. Больше всего радовались этому... совершенно верно, бразильские болельщики. Они радовались не победе Германии, разгромившей их сборную с неприличным счётом; они радовались поражению аргентинцев. Комментатор, объясняя ситуацию, говорил: «Эти две крупнейшие страны Южной Америки постоянно ведут соперничество, поэтому бразильцы празднуют поражение сборной Аргентины.»

Ахлиман задумался – значит, не только люди завидуют друг другу. Зависть бывает и между странами, они ненавидят друг друга, радуются поражениям и бедам страны-соперницы.

Здоровой конкуренции не бывает – бывает враждебное соперничество, вызванное патологической завистью. Все люди – ВСЕ, ДО ЕДИНОГО – завидуют друг другу. Все желают друг другу зла. Одним самцам претят успехи других, а те злорадствуют и рады неудачам первых... Некоторые женщины завидуют более красивым женщинам, а красивые женщины свысока смотрят на тех, кто уродливее их.

Впав в прострацию от пережитого на защите шока и выпивки, Ахлиман заснул, сидя в кресле, и крепко проспал до самого утра. Даже телевизор, который он забыл выключить, ночью не мешал ему.

В течение полугода после злосчастного заседания практически все члены Учёного совета подверглись различным неприятностям. У кого-то случился инфаркт, кого-то разбил паралич, кого-то ударил инсульт и он потерял дар речи (пытался объяснить жестами, но безуспешно), чья-то жена подожгла себя на почве ревности, кто-то задохнулся в ванной комнате от угарного газа...

Закир полностью отошёл от научных работ – ни с кем не здоровался, не разговаривал, всех избегал, стал домоседом. Рассказывали, что он заболел психическим расстройством и попал в сумасшедший дом. О дальнейшей его участи Ахлиман ничего не знал. Рубаба вышла замуж за своего дачного соседа-вдовца, и они уехали за границу на постоянное жительство. Её дальнейшая судьба также осталась неизвестной.

ГЛАВА 12

Карма

«Видеть. Можно сказать, что в этом вся жизнь, если не в конечном счёте, то, во всяком случае, по существу. История живой природы сводится к созданию – в недрах космоса, в которых можно различать всё больше, – всё более совершенных глаз. Со дня появления на свет человек разглядывает самого себя, и это созерцание длится тысячелетиями. Постепенно он начинает видеть окружающий его мир. Удивляться медлительности этого процесса не приходится – нередко гораздо сложнее видеть то, что на первый взгляд, является вполне заметным».

*ПЬЕР ТЕЙЯР ДЕ ШАРДЕН,
французский философ
«Феномен человека»*

Я смутно помню, что когда-то побывал в Нахчыване. Но в каком году это было, с кем я ездил туда, что я там видел, с кем встречался, с кем познакомился – ничего этого я не помню.

Я помню, с каким трудом, еле переводя дыхание, взбирался к пещере Асхаби-Кяхф, но то состояние, которое я пережил, пребывая в том сакральном месте, и после – как вернулся обратно, было полностью покрыто мраком в моей памяти: что это было – сон, или явь? Неужели я очутился в совершенно ином временном измерении? Или это была реальность, преломленная в моем воображении, как в кривом зеркале? А может, это всё мои фантазии, превратившиеся в реальность? Не знаю, и наверно, никогда не узнаю. Знаю только то, что Асхаби-Кяхф находится в Нахчыване, значит, я действительно когда-то побывал в Нахчыване...

Пытаясь отрывочно возродить пейзажи Нахчывана в своей памяти, я почему-то воспринимал этот край, скорее как мистическую, волшебную, сакральную местность. словно в те дни, которые я провёл там (несколько дней, месяц, или год – точно не могу сказать), тайны Вселенной становились очевидными для меня, я видел и ощущал некоторые вещи более отчётливо.

Я мало-мальски ознакомился с западной философией – от ясного, чёткого мышления Декарта до туманных, эзотерических представлений Сведенборга, от пессимистичных размышлений Шопенгауэра до учений экзистенциалистов XX века об отчуждении, пограничной ситуации, когда человек оказывается перед выбором. В один прекрасный день словно кто-то подтолкнул меня, побудив серьёзно увлечься восточными философскими и религиозными учениями. Я ознакомился с древнеиндийскими письменами, китайской философией, вник в недра параллельного мира, отличающегося от того, в котором я жил, осознавал и видел собственными глазами. Оказалось, что наша привычная логика в том параллельном Мире не срабатывает, здесь полностью отличаются временные и пространственные измерения. В том Мире нет ни Прошлого, ни Будущего, ни Настоящего... И вообще, понятия Времени в том Мире не существует... Есть только Вечность, превалирующая над понятием времени. Я понял, что объяснять явления, жизнь, вселенную и мир лишь только логикой невозможно. А понять, осознать Человека невозможно вдвойне.

Говоря современным языком, заведующий кафедрой Багдадского вуза, профессор Аль Газали однажды бросил работу, и, отказавшись от всех своих званий и привилегий, увлёкся истиной суфизма, удостоверившись в необходимости восприятия мира не только разумом, но также ощущениями и интуицией.

После встречи двух великих личностей Востока – известного шейха мистицизма Абу Сеида и гениального учёного и лекаря Авиценны, шейх заявил: «Он знает то, что я вижу». А Авиценна сказал: «Он видит то, что я знаю».

Ислам не отрицает здравомыслие – однако, он полагается не только на разум, но и на ощущения, указывая два пути восприятия мира: мудрость и влюблённость.

Среди прочитанных мной книг меня больше всего привлекло понятие *КАРМА* в древнеиндийской философии... Карму можно перевести и как «провидчество» – но это будет не совсем точным переводом. Карма – это расплата, причинно-следственная связь, возможно, основной и фундаментальный закон существования. Согласно карме, человек расплачивается за все свои деяния, подвергается возмездю за всё Добро и Зло, которые он пережил в нынешней и иной жизни. Если принять этот закон как должное, всё необъяснимое становится объяснимым. Каждая несправедливость по отношению к человеку в нынешней жизни является возмездием за ту несправед-

ливость и жестокость, которую этот человек проявлял к кому-то в жизни иной. Доброта или зло, причинённое в предыдущей жизни, даёт свои плоды уже в нынешней. Как говорится, «что посеешь, то и пожнёшь» ...

Остаётся лишь верить в то, что со смертью живого существа его жизнь не заканчивается. Монотеистические религии сулят нам Судный день и Воскрешение, а также рай и ад в потустороннем мире. Основная вера в индуизме и буддизме – это понятие реинкарнации: вера в неоднократную жизнь каждого живого существа в различных формах и проявлениях.

Согласно экзистенциализму, человек сам предопределяет свою судьбу, своё будущее. Окончательный выбор остаётся за самим человеком. В таком случае, возникает вопрос: если человек живёт в **НЫНЕШНЕЙ** жизни праведно, и придерживается высоких идей, то почему он должен расплачиваться за злодеяния, совершённые в иной жизни? Исповедь – если она искренна – удерживает человека от повторения его прошлых ошибок, но не может избавить его от ответственности за злодеяния в прошлой жизни.

Совершая злодеяние, человек причиняет зло и себе, и, соответственно, – всему человечеству. Этот закон относится не только к отдельным индивидам, но и к государствам и странам. Страна, проявляющая агрессию по отношению к другой стране и её народу, подвергает несчастьям и свой народ. В Ветхом завете воспеваются жестокость и беспощадность ко всем враждебным народам и расам. Однако подобная нетерпимость дорого обошлась её приверженцам – на них обрушились бесчисленные несчастья, что известно из истории.

Карма объясняла мне исторический ход и логику не только человеческой жизни, но всех существ. Правда, она не указывала мне путь избавления от грехов прошлого...

«Верни рыбу в море, рыба не оценит, Халык оценит»¹ – этим ли принципом нужно руководствоваться в жизни? В дзен-буддизме я вычислил наиболее усовершенствованную формулу нравственности: если человек, совершая добродетель, думает о том, что взамен ему воздастся, значит, за этой добродетелью стоит определённая корысть. Полностью бескорыстной добродетелью может считаться лишь тогда, когда человек не станет думать о том, что ему воздастся взамен.

Я не знаю, жил ли я когда-либо в прошлом, не знаю, считается ли новой жизнью то, что определённые годы моей жизни полностью стёрлись из моей памяти – я знаю лишь то, что в жизни, которой человек живёт в настоящее время, он должен служить исключительно Добру.

А как насчёт жестокости, которой я подвергался в детстве; страхов, пережитых мной в школьные годы; одиночества во время учёбы в институте; безразличия или коварства женщин, неблагонадёжности друзей? Их-то я не запомнил – несмотря на все свои попытки, я не смог забыть обо всём этом. Прав был тот, кто сказал: «Забудь про зло, которое тебе причинили – но не забывай имена тех, кто его тебе причинил.» Некоторые воспоминания до сих пор мучают меня: холодная вода, что выплескивали мне на голову в мороз, следы от отцовского ремня на моей спине... Плюс моральные травмы – вероломство людей, с улыбкой жавших мне руку, коварство самого близкого мне ученика, жестокость отца, мольбы матери, ложь и клевета, с которой я сталкивался всю свою сознательную жизнь, несправедливости,

¹ Халык – букв. Творец, одно из 99 имен Аллаха. Однако, существует иное поверье: Создатель спросил пророка Адама: «Сколько у меня имен?». На что Адам ответил: «Все – имя твое, Господь мой!», то есть, все, что Ты создал – это и есть Ты сам

отравляющие мою жизнь даже не ежедневно, ежечасно, ежечасно... Неужели всё это должно сойти им с рук?

А разве это сошло с рук Насибу, который по-садистски унижал и мучил меня при первой возможности, выливал воду мне на голову? В одно мгновение он погиб... ужасная смерть. Порой мне казалось, что в его гибели виноват я. Отец всегда говорил, что у меня дурной глаз...

С тех пор я начал думать о глазе, о его свойствах и силе его воздействия: дурной глаз, сглаз, положить глаз, для отвода глаз, не в бровь – а в глаз, с глаз долой – из сердца вон! Не зря ведь сказано всё это...

Я вспомнил строки из баяты:

Кто-то глаза на тебя уставил,

Следы от взглядов своих оставил...

Теперь эти строки я воспринимал не как оригинальную метафору, а как влияние на человека реальных взглядов. Я интересовался также цитатами из мировой литературы о влиянии глаза. Как-то я листал книгу европейских монахов-инквизиторов XV века Генриха Иститориса и Якоба Шпренгера, и моё внимание привлекли такие строки:

«Болезни некоторых людей связаны с тем, что их завистники смотрят на них дурным взглядом. Злоба и ненависть концентрируются в их глазах, так как глаза – это самый чувствительный орган, вобравший человеческие воображения и ощущения. Выражение глаз является показателем человеческого настроения. Некоторые люди обладают дурным глазом отроду, иные приобретают эту черту со временем. Дурной глаз влияет не только на объект, на который он смотрит, а на всю ауру определённого пространства. Сила воздействия дурного глаза очень велика. Один лишь взгляд дурного глаза способен сразить верблюда. Люди, обладающие этой чертой, глядя на определённого индивида – человека, которому желают зла, чувствуют напряжение в своём теле, и это напряжение исходит из их глаз. В такие моменты влияние дурного глаза может даже с определённого расстояния привести к смерти, несчастью, неизлечимой болезни или неожиданной неприятности человеку, на которого глаз устремлен.»

Читая книгу монахов, я вспомнил пожелание: «Убереги тебя Аллах от дурного глаза».

Значит, уберечься от дурного глаза вполне возможно, и от этой неприятности есть панацея. Индуизм и дзен-буддизм, философия экзистенциализма обучили меня уповать не только на Аллаха, и утвердили выбор поведения человека по его собственной воле, и, делая из этого вывод, я начал искать пути защиты от дурного глаза. Я познакомился с экстрасенсами и их методами, серьёзно задумался о гипнозе и колдовстве, провёл исследования о сущности святынь, святых мест-пиров, проанализировал народные поверья против порчи и сглаза.

И на этом поприще у меня были определённые успехи: я предотвратил несколько катастроф, спас нескольких людей от влияния дурного глаза. Мне казалось, что я нахожусь буквально в шаге от того, чтобы найти панацею от дурного глаза, названного прежде всего гнусными человеческими качествами – ненавистью, злобой, гневом, завистью. Я не собираюсь комментировать свои методы, дабы не провоцировать преждевременно к действиям людей, обладающих дурным глазом. В народе говорят: не буди спящего. От полного успеха меня отделял всего лишь один шаг, последний шаг...

ГЛАВА 13

Айдан

«Поначалу любовь – это шутка, но в итоге она превращается в серьёзное дело. Встретив красоту, душа начинает присматриваться к ней, и, заметив близкие себе черты, появляется желание сойтись, и рождается истинная любовь. Любовь – это болезнь, обессиливающая человека, но её лечение кроется в ней самой».

*Ибн Хазм, арабский мыслитель XI века,
отрывок из произведения
«Голубиное ожерелье»*

«Как рождается в душе любовь? Всё начинается с восхищения. Человек думает: каким огромным счастьем было бы – целовать её. Так рождается надежда – почин любви. Не то счастье, что не оставляет воспоминаний о себе...»

*Стендаль, французский писатель,
«О любви»*

Меня разбудил Лунный свет. Я взглянул на часы, что поставил рядом с кроватью – было десять минут четвёртого утра. Полная луна освещала сквозь окно крупный амулет, висящий на стене.

Внезапно словно кто-то заставил меня встать с постели и направиться к двери балкона. Подойдя к двери, я вздрогнул. По ту сторону закрытой стеклянной двери стоял человек, приставив лицо к стеклу – зрелище было ужасным. Челюсть, нос и губы на лице сплющились, прямо как в кривых зеркалах, но я сразу узнал её: это была Айдан, дочь соседа. Мы изредка встречались во дворе, и молча, улыбкой приветствовали друг друга. Но удивление моё прошло через мгновение – я всё понял.

Она стояла с закрытыми глазами. Выходит, эта девушка – сомнамбула, то есть лунатичка. Мы были соседи по лестничной площадке, и из своей квартиры, она проникла сюда под притяжением Лунного света. Айдан переходила с одного балкона на другой, преодолев проход до того узкий, что два человека не могли бы разминуться, шла тихо, медленно, шагком за шагком.

Айдан всё ещё была во сне. Сначала я решил открыть дверь, втащить девушку внутрь, разбудить и провести по коридору в их квартиру, но сразу же понял, что этого делать нельзя: если я открою дверь, она проснётся и, не дай Бог, может упасть с третьего этажа и разбиться. Оставалось только смотреть друг на друга через стекло. Точнее, это я смотрел на неё. Её глаза были закрыты. Она чуть отстранилась от стекла, сплющенные черты лица обрели обычную форму, и она стала прежней красавицей. Не знаю, с чего мне в голову пришла эта странная метафора, но я уподобил её перевернутому восклицательному знаку. Тело у неё было худое, прямое, плоское, а голова – круглая, словно многократно увеличенная точка... Чёрные волосы подобно водопаду, лежали на плечах. Её глаза обычно выглядели задумчи-

выми, слегка печальными. Увидев её во дворе, я с восхищением глядел, как она плавно двигается, и вспоминал строки из эпоса «Китаби-Деде Горгуд»: «Твой стан подобен кипарису, чёрные волосы обвиты вокруг щиколоток, алые щёки – словно кровь на снегу, губы мельче миндального ядра». Про себя я называл её Банучичек¹ – хотя знал, что её зовут Айдан.

Я боялся. Молил бога, чтобы она не проснулась, а вернулась домой так же, как пришла, – движимая притяжением Лунного света. Завтра я обязательно поговорю с её родителями, чтобы они предприняли что-нибудь; интересно, они сами знают об этой болезни дочери?

Мы стояли лицом к лицу несколько минут. Я приставил щеку к стеклу и закрыл глаза. Холод стекла отрезвил, оторвал меня от тепла, что, казалось, излучала её красота. Я словно чувствовал гладкость и прохладу её щёк по ту сторону стекла. Вспомнил строки из стихов:

*Как снег, холодны твои щёки,
А на губы слетаются пчёлы...*

Действительно, её губы были похожи на цветочные лепестки, на которые слетаются пчёлы...

Я отошёл от стекла и открыл глаза: она стояла без движения. Интересно, что же ей снится? И вообще, видят ли сны в таком состоянии? Я мечтал о том, чтобы эти чудесные, невероятные мгновения продлились до бесконечности... Она была сейчас так близка мне и в то же время так далека... Так же, как Луна. Это была Сомнамбула – мифическое создание, присланное мне Луной на одну ночь.

Я очень боялся... Боялся, что она проснётся и уйдёт, и счастье растает, и я потеряю его так же мгновенно, как и нашел. Мои веки словно отяжелели, я больше не мог смотреть. А закрывать глаза я не решался – боялся, что она проснётся, когда у меня глаза будут закрыты, и упаси Господь, случится несчастье.

...Она отошла от двери, и медленно, как младенец, едва научившийся ходить, шагжок за шагком, направилась по узкому проходу к своему балкону. Приставив лицо к стеклу, я долго глядел ей вслед... И только после того, как она дошла до своего балкона, я успокоился и перевел дух...

Я открыл дверь балкона. Комнату заполонил аромат свежескошенной травы. Это был аромат Айдан – естественный аромат, далёкий от запаха каких-либо модных духов. Он исходил от двери, к стеклу которой она прислонялась. Айдан ушла, но её аромат остался.

Я гладил стекло двери, согретое дыханием Айдан, и глядел на Луну. Сколько тайн в себе таит эта планета, это небесное тело, которое безразлично глядит на Землю, принимая форму то круглого блина, то срезанного ногтя. Аромат Айдан, казалось, исходил и от Луны.

Что же это было, господи? Неожиданный, невероятный, невиданный визит... Визит гостя, прибывшего из какого-то тайного, волшебного мира.

Сомнения мучили меня. Поговорить ли завтра с её родителями? Безусловно, девушка нуждается в лечении, иначе это может обернуться бедой. Но от одной мысли о том, что это чудо никогда больше не повторится, что она никогда больше не приставит лицо к двери моего балкона, что аромат свежескошенной травы не будет заполнять мою комнату, меня охватывало странное чувство печали. Я не мог заснуть

¹ Банучичек – героиня эпоса «Китаби-Деде Коркут». Это описание её красоты со слов её жениха Бейрека.

до самого утра. Я сравнивал Айдан со всеми девушками, женщинами, когда-то бывшими в моей жизни, и вообще, со всеми людьми, с которыми я был знаком, и ощущал не испытанные доселе чувства. В моей душе царили нежные ароматы, чудные мелодии, строки прекрасных стихов. Слово кто-то нежно шептал мне в ухо строки:

*В безнадёжности пылу
Эта радость появилась...
Развевая грусти мглу,
Ночью лунною искрилась.*

*Ночью, что дарила мне
Неожиданное счастье...
В этой грустной тишине,
Что полна любви и страсти.*

ГЛАВА 14

Встреча со Шрамом

«Сверкнет молния, прогремит гром, произойдёт разрушительное землетрясение, сильнейшее за всю историю человечества. Большой город разломится втрое, исчезнет большой остров, горы сравняются с землёй. В те дни люди будут искать смерти, но не найдут, пожелают умереть, но не смогут. Я увидел новое небо и новую землю, так как старого неба и старой земли уже нет, моря тоже нет».

Откровение Иоанна Богослова

«...Именно с этим связана метафора, создаваемая поэтами. Ниобея вначале потеряла семерых сыновей, а затем – семерых дочерей, и превратилась в скалу. Этим поэты хотят сказать, что тяжёлое горе не только сковывает человека, парализуя его – оно даже может превратить человека в камень или скалу. Когда в нашей душе царит нестерпимая боль, мы не можем говорить, и не в силах выражать свои чувства вздохами, стонами, воплями... В такие моменты душа человека обретает лишь глубокую тишину. Горе, которое можно выразить словами и которым можно поделиться с другими, не является искренним. Настоящая боль нема».

*Мишель Монтень, французский философ,
«Опыты»*

«Покой и даже смерть для человека дороже свободного выбора между Добром и Злом».

Ф.М.Достоевский
«Братья Карамазовы»
(Великий инквизитор)

Около десяти часов утра на мобильный телефон Ахлимана пришло сообщение. Полковник Гасым Шейдаев просил позвонить ему по указанному номеру. Имя и фамилия полковника показались знакомыми Ахлиману, но он никак не мог вспомнить, кто это такой. На всякий случай он сохранил этот номер на своем мобильном телефоне и сразу набрал. Ответили тут же:

– Здравствуйте, Ахлиман-муаллим.

– Здравствуйте. Вы прислали мне сообщение?

– Да, я. Мы должны встретиться с вами по очень важному делу.

– Вы – это кто?

– Узнаете при встрече. Можете приехать к нам к шести часам вечера? Адрес я сейчас отправлю на ваш телефон.

Не дождавшись ответа, собеседник дал отбой. Спустя некоторое время на дисплее появился адрес.

Без десяти шесть вечера Ахлиман стоял возле больших железных ворот. Он нажал на кнопку звонка, и на видеофоне появилась чья-то голова:

– Ахлиман-муаллим?

– Да.

– Входите!

Створы ворот покатались на рельсах в разные стороны. Ахлиман вошёл во двор. На просторной площадке двора стояли заграничные автомобили: «Форд», «Фиат», «Мерседес», «Бентли», «Шевроле», «БМВ». Он насчитал там девять машин.

По ту сторону двора стоял трёхэтажный дворец. Именно дворец – назвать это здание по-другому было невозможно. На разных уровнях расположились балконы, застеклённые галереи, эркеры, лоджии... Возле дверей стоял человек, которого он видел на видеофоне. Встретив Ахлимана, он проводил его на второй этаж. Проходя в просторный зал через широкое фойе, Ахлиман услышал характерный звук игральных костей-зар.

В зале сидели двое мужчин и играли в нарды; один из них был достаточно пожилой, а другой – сравнительно моложе, приблизительно шестидесяти-шестидесяти пяти лет. Кажется, Ахлиман когда-то видел этого пожилого мужчину – сосредоточившись, он вспомнил: кажется, он когда-то жил по соседству с ним. Это был тот самый полковник, который звонил Ахлиману. Полковник был в белой рубашке и подтяжках, поддерживающих его форменные брюки с лампасами, на ногах была мягкая обувь коричневого цвета. Его товарищ был в тёмно-синем костюме и в галстук под цвет костюма.

Когда Ахлиман вошёл, они оба встали.

– Полковник Гасым Шейдаев, – сказал пожилой, протягивая руку, – кажется, мы знакомы.

Другой мужчина тоже протянул руку, но не представился. Ахлиман заметил на его правой щеке глубокий шрам.

– Садитесь, – предложил Гасым, – сейчас я разнесу генерала в пух и прах, и мы побеседуем.

Сказав эти слова, он ослабил, как человек, разбрасывающийся плоскими, неуместными шутками и взглянул на генерала.

Генерал никак не среагировал на слова полковника.

– Давай, бросай! – промолвил он приказным тоном.

– Шесть-три...

Полковник сделал ход. Теперь очередь за генералом.

– Четыре-два...

Со скрипом открылась боковая дверь. В комнату вошла женщина в чёрной одежде. Голова у неё была покрыта чёрной шалью, а в руках она держала поднос с тремя стаканами чая, вареньем, конфетами, сахаром и лимоном. Сняв с подноса стаканы с чаем, она поставила их перед Гасымом и Рубчиком, даже не взглянув на них. Но когда женщина ставила стакан перед Ахлиманом, она успела бросить на него взгляд, и выражение её лица внезапно изменилось. Женщина уронила стакан, пролила чай на Ахлимана, а стакан разбился вдребезги на полу. Она что-то еле слышно шептала про себя, но Ахлиман отчетливо слышал её слова:

– Убийца, подлый убийца! – шептала она. – Убийца моего единственного ребёнка...

Резко повернувшись, женщина вышла из комнаты, даже не попросив прощения за разлитый чай. Вместо неё извинился Гасым, однако ни полковник, ни генерал не удивились поведению женщины.

– Не обращайтесь внимания, – сказал Гасым, – много лет назад мы потеряли нашего ребёнка в автомобильной катастрофе, теперь жена считает убийцей каждого человека, которого она видит впервые. Да, генерал, повезло, две пятёрки – твое спасение.

Сдвоив зары, генерал бросил:

– Вот и две пятёрки!

– Ну, молодец, генерал, поздравляю! Опять ты победил меня, закончил «марсом»¹. – сказал Гасым.

Закрыв нарды, он отложил их в сторону. Открылась дверь. В комнату вошла молодая девушка – видимо, служанка – и поставила перед Ахлиманом стакан с чаем.

– У каких врачей мы только ни были – здесь, в Москве, в Турции, в Иране, даже в Израиле, но всё без толку, – было непонятно, кому Гасым говорит эти слова: Ахлиману, или человеку со шрамом. – Стоит ей увидеть где-то зеркало, так ей сразу чудится в нём наш ребёнок – живой, здоровый.

Ахлиман только сейчас обратил внимание, что на трюмо, стоящее в правом углу комнаты, наброшено тёмное покрывало.

Полковник встал:

– Извините, – сказал он, – пойду, успокою жену.

Он вышел из комнаты. Человек со шрамом обернулся к Ахлиману – теперь его шрама не было видно.

– Полковник пригласил вас по моей просьбе, – сказал он. – Мы располагаем определённой информацией о вас. Мы даже знаем, что вы имеете зуб на некоторых своих коллег, в частности, на профессора Гафарзаде.

Ахлиман внимательно слушал собеседника, пытаясь понять, к чему он клонит.

¹ «Марс» в игре в нарды – двойная победа, победивший зарабатывает сразу два очка.

– Мы работали вместе с отцом Гафарзаде – Зелим-киши. Разумеется, в то время он был уже стариком, а я – молодым сотрудником. Он давно умер, поэтому можно раскрыть карты. Он работал в секретном отделе нашей организации и был неизменно жестоким человеком. Поэтому мы звали его не Зелим, а Залым². А его сына мы называли Залым-оглу³.

Ахлиман не слышал об этом, но прозвище Залым-оглу ему понравилось: при случае можно будет назвать Гафарзаде Залым-оглу.

– Дело в том, – продолжил человек со шрамом, – что Залым-оглу досталось ценное наследство от отца. Точнее сказать – бесценное. Вещь настолько дорогая, что даже специалисты затрудняются его оценить. Это очень дорогой, уникальный ковёр. Говорят, он был соткан ещё при шумерах. Честно говоря, это неправдоподобно, так как древнейший в мире ковёр – это Пазырыг, которому тысяча лет. Допустим, ковёр, доставшийся в наследство, древнее – пусть ему будет тысяча двести или тысяча триста лет. Все равно: где – шумеры, где – эти века... Несопоставимо... Но дело не в этом. Вы знаете английский?

– Знаю.

– В США вышла книга, в которой подробно описано, как этот ковёр переходил из рук в руки на протяжении сотен лет. Разумеется, они тоже не обладают информацией о древнейших эпохах. А нам известны точные данные касательно того, через чьи руки прошёл этот ковёр за последние лет сто. В начале прошлого века некий бакинский миллионер купил этот ковёр на Тебризском базаре, и привёз в Баку. В 20-е годы большевики расстреляли миллионера и конфисковали всё его имущество. А ковёр присвоил двадцатипятилетний чекист Зелим Гафарзаде.

Ахлиман рассматривал безвкусовые узоры на стенах, оформленных в стиле восточных бань, громоздкую хрустальную люстру в сто свечей, посуду с золотистой и серебристой каймой, расставленную на полках серванта, и статую вставшей на дыбы лошади на серванте, пытаясь понять, какое к нему имеют отношение эти разговоры о ковре, и почему генерал рассказывает ему об этом.

– Для чего я вам рассказываю об этом... Сейчас объясню. Нам известно, что вы занимаетесь гипнозом, ваши глаза обладают сверхъестественной силой. Это не моё личное мнение. Так вот, многие известные ученые-специалисты со всего мира подтверждают, что узоры на этом ковре, которых не встретишь ни на каких других коврах, являются ключом к великим тайнам. Короче говоря, – человек со шрамом начал говорить шёпотом, – эти узоры дают информацию о конце света. Вы, наверняка, помните, какой ажиотаж и скандал вызвали слухи о наступлении конца света по календарю Майя. По полученным нами агентурным данным, Гафарзаде, опираясь на многолетние исследования, намеревается раскрыть секреты этих узоров, то есть объявить дату конца света. Разумеется, мы прекрасно понимаем, что это чушь собачья, но ведь найдутся многие, кто поверит. Непредсказуема реакция на эту чушь, и вообще, когда он наступит, этот конец света – через сотни, тысячи лет, либо в течение одного месяца, или одного дня... Теперь подумайте: распространятся слухи, что до конца света осталось всего ничего – месяц-другой. Вы можете себе представить, какой переполох, какую панику вызовут эти слухи в обществе? Люди, которые и без того готовы сожрать друг друга, вцепиться друг другу в глотку, начнут повсеместно воровать, убивать, насилловать, думая: «Всё равно скоро конец света!». Вы этого хотите?

¹ Залым – жестокий, беспощадный.

² Залым-оглу – сын злодея.

– Нет, конечно, – ответил я, хотя в глубине души мне импонировала такая перспектива: ну и пусть, пускай люди грызут, убивают друг друга, ведь лучшей участи эти жалкие существа не заслуживают. С другой стороны, – подумал я, – и без всяких ковров, можно считать, что конец света уже наступил... Человечество погрязло в жестокости, несправедливости, лжи, лицемерии и всевозможных пороках – не это ли наибольшая вина человечества, наибольшее наказание для людей?

– А что вы от меня хотите? – спросил я.

– Я знаю, это будет нелегко для вас, но постарайтесь под каким-либо предлогом увидеться с Гафарзаде. Обезвредьте его, сломите его волю, подчините себе его мысли, действия, поступки, принимаемые им решения. Необходимо уничтожить и этот злосчастный ковёр, который испокон веков приносил людям несчастья, смерть, страдания. Неважно, какова его цена – уж точно не дороже человеческой жизни. Причём, речь идёт не об одном человеке – это касается всего человечества. Я еще не говорю о глобальной, всемирной стороне этой проблемы. Даже думать не хочется о том, какую суматоху могут создать в нашей стране внешние вражеские силы, пользуясь этим ковром – этот фактор тоже нельзя исключить. Теперь всё зависит от вас, мы не видим другого решения вопроса. Гафарзаде находится также в центре внимания всемирной прессы, посольств различных государств, находящихся в нашей стране. Вы – наша единственная надежда, чтобы укротить его.

Вошёл Гасым. Видимо, он почувствовал, что наша беседа завершена.

– Освежить вам чай?

– Нет, спасибо.

– Может, ещё партию в нарды, генерал? Небось отыграюсь, отомщу...

– Нет, мне нужно идти, – ответил человек со шрамом. – Долг платежом красен, отомстишь мне в Судный день, отыграешься, – сказал он, смерив Ахлимана многозначительным взглядом.

Первым из зала вышел Ахлиман. Швейцар проводил его до дверей. Нажал кнопку, ворота открылись, Ахлиман вышел. Он уже отошёл от дома на приличное расстояние, а беседа полковника со Шрамом (как для себя назвал человека с изуродованным лицом Ахлиман) слышалась ему настолько внятно, словно они разговаривали буквально в шаге от него:

– Ну что, согласился?

– По-моему, да. Пусть выполнит задание, а ликвидировать его самого будет уже нетрудно.

Ахлиман поражался тому, насколько четко он слышал беседу, которая велась вдали от него. Он не мог объяснить причину этого, но думал о том, что если мы можем слышать на большом расстоянии по телефону или радио голоса людей, то почему человеческое ухо должно быть обделено этой возможностью? По крайней мере, хотя бы некоторые люди должны обладать такой способностью. Возможно, я один из таких необычных людей. Выходит, не мне одному известна сила воздействия моих глаз – об этом знают и другие, и более того, хотят воспользоваться этим. Ну и пусть... Пускай они играют в свои игры, а я поступлю так, как считаю нужным. Посмотрим, кто кого оставит с носом. В этом деле меня привлекает, что я могу расквитаться с Гафарзаде; многие из тех, кто наносил мне удар в спину, были наказаны, теперь очередь за Гафарзаде. Прозевать такую благоприятную возможность я не имею права.

ГЛАВА 15

Лунный танец

Любимая пришла тайком,
Однажды тёмным вечерком.
Лик её сиял луною,
Светящейся над головою.

Низами Гянджеви

Любовь внезапно явилась в ночь,
и так же внезапно исчезла...
Вся жизнь моя умчалась прочь,
Я толком и жить не успела...

Ага Бейим Ага

Со дня появления Лунной девушки в моей квартире прошёл месяц. За это время я ни разу её не видел. Каждый раз, когда я выходил во двор, мои глаза искали её, но мы с тех пор так и не встретились. Может, она заболела? Может, родители узнали о странности дочери, и теперь занимаются её лечением? Проблема была в том, что я никак не решался поговорить с ними об этом.

В глубине души я боялся встречи с ней днем, при солнечном свете. Она была бесподобна как ночная гостья, как Лунатичка, и, несмотря на её писаную красоту, при солнечном свете она могла бы стать в моих глазах вполне обычной девушкой.

Наступило полнолуние. Я знал, что именно на этой фазе Луна призывает к активности лунатиков-сомнамбул силой своего притяжения и регулирует их самые рискованные действия...

...и руководствуясь странным желанием, я, пребывая в тревожном ожидании и в то же время неуверенности, оставил дверь балкона открытой. Сна не было ни в одном глазу. Усевшись в мягкое кресло напротив балкона, я ждал. Ждал и не отдавал себе отчета, для чего это ожидание. Я лишь знал, что жду повторения чуда, которого жаждал, видимо, всю свою жизнь. Я желал ночного утешения, иллюзии незабвенной ночи.

Интуиция меня не подвела. Часы показывали десять минут четвёртого, когда Айдан подошла к двери моего балкона. На этот раз её сопровождала её кошка. Кошка вошла в комнату через открытую дверь и замяукала. За ней вошла Айдан. Её глаза были закрыты. Она была в розовой ночной рубашке до щиколоток. Под прозрачной тканью отчётливо выделялись все изгибы и очертания её нежного тела. Она начала расхаживать по комнате. Двигалась так свободно, словно эта квартира была давно ей знакома – ни к чему не прикасаясь, ничего не передвигая, она кружила по всей комнате. Это были необычные движения – это был танец, который она исполняла под лунным светом, заливающим комнату. Она танцевала без музыки, но создавалось ощущение, что порхает она под прекрасную, лирическую мелодию...

...На закате мы едем из Мардакана¹ в сторону моря. Облака окрашены в баклажанный цвет... Вокруг царит унылая тоска чудного абшеронского вечера... Мы едем на машине с откидным верхом, я сижу за рулём. Ветер развеивает белокурые волосы

¹ Мардакан – посёлок на Апшеронском полуострове.

сидящей рядом со мной девушки – я чувствую на лице нежное прикосновение её волос. Её грустные глаза – цвета тёмной ночи, словно капля кромешной тьмы, как две чёрные виноградины... Эта девушка – Айдан. Я гляжу на неё – она улыбается, меня ослепляет свет её белоснежных зубов... Она обнимает мою шею, прижимается щекой к моей щеке...

Мою душу переполняют самые искренние, самые ласковые слова. Слова созревают как весенние плоды, созревая до своей полной спелости. В моей душе, словно птица в клетке, отчаянно бьются слова, которые я всю жизнь хотел сказать кому-то, но так и не смог...

А кому мне сказать эти слова? Ведь рядом со мной никого нет.

У меня никогда не было машины с откидным верхом. Я никогда не сидел за рулём, не водил машину. Никогда не чувствовал на лице прикосновение развевающихся волос девушки. Но я знаю, что эта девушка – Айдан, которую я ждал всю свою жизнь, которая в одну прекрасную ночь неожиданно явилась в мою комнату.... Девушка, которую тридцать лет тому назад я усадил в свою воображаемую машину и увёз к воображаемому морю, чувствуя на лице прикосновение её волос, развевающихся под дуновением воображаемого ветра.

Понятие времени сегодня в моей комнате отсутствовало. Времени, прошедшего от моих давнишних мечтаний до сегодняшней ночи, не было. ВРЕМЯ замерло.

Лёгкие движения рук танцующей девушки вливались в мою душу подобно музыке... Я словно слушал «Адажио» Томмазо Альбиниони – грустную мелодию, полную опасения вечной разлуки, сожаления о краткости счастливых дней. Она, словно балерина, совершала па на кончиках пальцев, как на пуантах. И вновь мне вспомнилась метафора из эпоса «Китаби-Деде Горкуд»: «Шагает, не ступая на землю» ...

Движения Айдан напоминали танцы суфиев, мистиков, кружение дервишей. И только сейчас я понял, почему красивых младенцев сравнивают с Луной. Айдан была истинным олицетворением Луны, таинственной танцовщицей, впитавшей в свое нежное тело всю непостижимую прелесть лунного притяжения... Она кружилась, и от того дуновения, которое поднимала её ночная рубашка, у меня кружилась голова. Мне хотелось встать с места, прижать свою юную гостью к груди, поцеловать её в закрытые глаза, насладиться нектаром её нежных губ.

Но я знал, что к ней прикасаться нельзя. Прикоснувшись, я бы разбудил её, и, оторвав от её тайного, лунного мира, привёл бы в наш обычный, банальный, бренный мир.

Я понимал, что это ночное представление является аномалией и чуть ли не болезнью. Я полностью осознавал возрастную разницу и понимал, что какие-либо любовные связи между нами в реальном мире просто невозможны. Я знал, что если завтра случайно встречу её во дворе, Лунная девушка не только не вспомнит события этой ночи, но даже не поверит, что всё это происходило в реальности. Взглянув на меня, она просто поприветствует меня приятной, но в то же время холодной и безразличной улыбкой.

Я мог бы разбудить её. Здесь, в комнате было безопасно, не было боязни того, что проснувшись, она упадёт, разобьётся. Но я не знал, как она среагирует, очнувшись в моей комнате, что она обо мне подумает. Наверняка, она никогда не захочет встретиться с глазу на глаз с человеком, который был свидетелем её аномального состояния. Нет, было бы грешно будить её, отрывать от этого таинственного сна.

Я хотел без конца, неотрывно любоваться этим невиданным, невероятным Лун-

ным танцем... Мечтал о том, чтобы этот танец никогда не завершился, чтобы машина никогда не прибывала к морю, чтобы тучи никогда не скрывали Луну, и чтобы Айдан не просыпалась и чтобы её не смущала реальность жизни.

Кошка моей гостьи спокойно лежала на диване, свернувшись в клубок. Она словно тоже любовалась этим лунным танцем и слушала воображаемую мной музыку.

Музыка неизбежно и неумолимо близилась к концу... Всему прекрасному когда-то наступает конец. Завершался и этот чудный танец... Размахивая руками, как раненый журавль крыльями, Айдан вышла на балкон и медленными шагами направилась по карнизу к своей квартире. Кошка послушно следовала за ней.

Музыка в моей душе иссякла.

ГЛАВА 16

Шесть-три, четыре-два, пара пятёрки

«Абсолютного зла не существует. Злодеяние – понятие относительное. То, что является для кого-то свободой, может являться для другого кандалами. Для змеи яд – это жизнь, а для человека – смерть. Для рыб море – среда обитания, а для сухопутных существ – смертельный омут.»

Джалаладдин Руми

«Человек, отрекающийся от древних и твердых законов, должен уже сам определить, что для него является Добром, а что – Злом».

Ф.М.Достоевский
«Братья Карамазовы»
(Великий инквизитор)

Я стоял возле железных ворот дома № 20, расположенного на третьем повороте справа в восьмом микрорайоне. Я нажал на кнопку звонка, ворота открылись. Меня провели в дом. С обеих сторон просторного двора стояли дорогие иномарки. Меня проводили на второй этаж, и я вошёл в просторный зал. Двое мужчин, один – весьма старый, и второй, немного моложе играли в нарды. Ни того, ни другого я не знал. Один из игроков – мужчина в белой рубашке, лампасных брюках и тапочках, встал и протянул мне руку:

– Полковник Гасым Шейдаев, – сказал он.

Это был его дом, и это он пригласил меня сюда. Его товарищ, не вставая, тоже протянул руку. Когда он повернул голову, я заметил на его левой щеке глубокий шрам. Они продолжали играть в нарды. «Сейчас Гасым бросит шесть-пять», – подумал я, и полковник бросил точно: шесть-пять. «А этот бросит четыре-три» – и эта догадка оказалась верной.

В зал вошла женщина в чёрном платье, голова её была покрыта чёрной шалью. У неё в руках был поднос с тремя стаканами чая. Она поставила стаканы перед нами, и, не проронив ни слова, удалилась.

– Если вы бросите пару пятёрок, то выиграете «марсом», – сказал Гасым своему товарищу.

«Он выбросит две пятёрки!» – подумал я. Мужчина со шрамом бросил кости, и точно: две пятёрки.

– Выпейте чай, – сказал Гасым, – я сейчас вернусь.

Как только он вышел из комнаты, человек со шрамом сразу перешёл к делу:

– Это я вас вызвал, – сказал он, – попросил полковника пригласить вас. Если не ошибаюсь, вы знакомы...

– Нет, я вижу его впервые.

– Но мне сказали, что вы когда-то жили по соседству.

Я молча покачал головой.

– Это неважно, – сказал он, – я хочу обсудить с вами один вопрос. Вы знаете Гуси Гафарзаде...

– Знаю, – ответил я, – он один из наших видных учёных.

– Да. Он, к тому же, владелец очень древнего и крайне ценного ковра с таинственными узорами.

– Вот этого я не знал.

– А мне сообщили, что вы знаете всё.

– Это явное преувеличение.

– Что ж... По крайней мере, вы знаете, насколько ценный товарищ этот Гафарзаде. Так что, моё предложение не должно быть для вас неожиданным. Короче говоря, мы должны уберечь Гафарзаде.

– Уберечь? От кого? От чего?

– От дурного глаза. Да-да, не удивляйтесь. Над Гафарзаде сгустились черные тучи. Мои слова могут звучать странно, но, к сожалению, это правда. Против Гафарзаде задействованы оккультные силы.

– Оккультные силы?

– Именно! К сожалению, в силу нашего материалистического воспитания мы до сих пор относились к оккультным силам достаточно несерьёзно и пренебрежительно, но эти силы существуют, и они сверхмощны. Учёного ждут большие неприятности – и всё из-за этого злосчастного ковра!

– Ковёр хотят похитить?

– Это было бы полбеды, если бы его хотели просто похитить. У них куда более ужасные планы.

– Например?

– Простите, но этого я вам не могу сказать.

– Ну хорошо, а от меня вы что хотите?

– Мы знаем, что вы относитесь к глазу и порче не как к пустякам и мракобесию, а как к вполне серьёзной проблеме. Это так?

– В определённом смысле так.

– Ладно. Вы издавна проводите опыты в этой области. У нас достаточно сведений об этом. К тому же мы знаем, что вы обладаете необычной суггестивной способностью.

«Господи, – подумал я, – этот человек знает и про суггестивную способность, про умение внушать, внедрять свои мысли...»

– Да, наша профессия призывает нас знать и такие подробности, – сказал он, словно прочитав мои мысли. Может, он и сам обладал способностью читать чужие

мысли?

– Во всяком случае, мне не до конца ясно, чего вы от меня хотите.

– Я ещё раз повторяю – опасность очень велика. Уберечь Гафарзаде от дурного глаза сможете только вы. Только вы, и никто, кроме вас! – и добавил чуть ли не командным тоном: – Это ваш долг перед нашей Родиной, народом и независимым государством.

Гасым вошёл в комнату:

– Ваш чай остыл, освежить?

ГЛАВА 17

С глазу на глаз

«После обретения человеком свободы, постоянной и наиболее угнетающей его заботой является вопрос о том, кому бы подчиниться. Человек нуждается в авторитете, чуде и тайне для упования, чтобы направить к ним свои действия и поведение. Ничего и никогда не было для человека и для человеческого общества невыносимее свободы. Человеку не нужна свобода – ему нужен хлеб. Никакая наука не даст им хлеба, пока они будут оставаться свободными, но кончится тем, что они принесут свою свободу к ногам нашим и скажут нам: Лучше поработите нас, но накормите нас».

*Ф.М.Достоевский.
«Братья Карамазовы»
(Великий инквизитор)*

«Дьявол – это тот, кто злодеянием правил...
А человек-злодей – не человек, а Дьявол!»

Гусейн Джавид, «Дьявол»

Набрав код 3,4,6, я открыл дверь квартиры. В комнате стоял полумрак. Почувствовав, что в комнате кто-то есть, я включил свет.

Интуиция меня не подвела. За столом сидел Ахлиман. Мы долго молча смотрели друг на друга. Впервые в жизни мы оказались с глазу на глаз.

В объяснениях не было необходимости – я знал причину его визита. Поэтому сразу начал разговор:

– Не делай этого, – сказал я.

Он тоже всё понимал. И тоже ответил без всяких объяснений:

– Не мешай мне!

Мы оба вновь замолчали. Затем Ахлиман спросил:

– Ты знаешь историю этого ковра?

– Знаю, – ответил я. – я читал книгу, изданную в Америке.

– В таком случае ты должен знать, сколько бед принёс этот ковёр людям. Во

время крестовых походов крестоносцы привезли этот ковёр из Багдада в Византию. Императрица Византии опасалась, что ковёр присвоит её сын и власть перейдёт к нему. Тогда она связала родному сыну руки и ноги, упрятала его в мешок вместе с ядовитой змеей и бросила в море. Ты об этом слышал?

– Слышал.

– После завоевания Стамбула этот ковёр хранился во дворце как символ власти, и во избежание противоборства за приобретение ковра султаны казнили всех своих сыновей ещё в пелёнках, оставив только одного. Ты знал об этом?

– Знал.

– Во время Чалдыранской битвы¹ глава гарема Султана Салима² – скопец Минас предал султана, похитил ковёр и перешёл на сторону Гызылбашей³. Это тебе известно?

– Известно.

– Но Шах Исмаил⁴ казнил его, сказав: «Если он предал султана, значит, предаст и меня!» Этот ковёр перешёл от Сефевидов⁵ к Афшарам⁶, от Афшаров – к Гаджарам⁷. Позднее в Иране в этот ковёр было завернуто тело Панах-хана и привезено в Шушинскую крепость. Панах-хан⁸ был усыплен дурманом и должен был очнуться у себя на родине. Однако лекарь, посчитав его мёртвым, произвёл вскрытие. Скопец Шах, узнав о тайне ковра, намеревался отрезать на нём голову Вагифа⁹ во время завоевания Шуши. Но Молла Панах, гадая на звёздах, узнал, что будет спасён. Он послал известие Сафаралы, чтобы те не боялись и ночью же прикончили Гаджара¹⁰. Звёзды сулили удачу этой затее.

О дальнейшем тебе известно. После убийства Гаджара Ибрагим-хан¹¹ вместе со своей семьёй вернулся в крепость. Тебе известно о дальнейшей участи и Вагифа, и Ибрагим-хана вместе с семьёй...

– А для чего ты мне рассказываешь всё это?

– Потерпи, сейчас узнаешь. Майор Лисаневич¹² уничтожил всю семью Ибра-

¹ Чалдыранская битва — сражение, произошедшее 23 августа 1514 года между сефевидской и османской армиями в Чалдыране (к северо-востоку от озера Гёйча).

² Султан Салим II — одиннадцатый султан Османской империи, правил в 1566-1574 гг.

³ Гызылбаши (дословно: золотые головы) — объединение тюркских кочевых племён, говоривших на азербайджанском языке. Гызылбашами их называли из-за головного убора красного цвета.

⁴ Шах Исмаил Сефевид или Шах Исмаил Хатаи (1487-1524гг.) — правитель Персии, полководец и поэт, основатель династии Сефевидов.

⁵ Сефевиды — тюркская шахская династия, правившая с начала XIV века районом Ардебил иранской провинции Азербайджан, а в 1501-1722 и 1729-1736 гг. — всей территорией Ирана.

⁶ Афшары — тюркоязычный народ, один из 24-х огузских племен. Исторически афшаров относят к туркоманам; современные афшары считаются субэтносом азербайджанцев.

⁷ Гаджары — династия, основанная предводителем тюркского племени гаджаров Ага-Мохаммед-хан Гаджаром и правившая Ираном с 1795 по 1925 год.

⁸ Панах-хан, Панах Али-хан (1693-1763гг.) — создатель и первый правитель Гарабахского ханства, основатель ханской династии Джаванширов.

⁹ Молла Панах Вагиф (1717-1797гг.) — азербайджанский поэт и государственный деятель XVIII века.

¹⁰ Ага Мохаммед Шах Гаджар (1741-1797гг.) — шах (шахиншах) Персии в 1779-1797 годах. Основатель династии Гаджаров.

¹¹ Ибрагим-хан, Ибрагим Халил-хан (1732-1806гг.) — хан Гарабаха (1759 (1763) — 1806гг.); после вхождения Гарабахского ханства в состав Российской империи — генерал-лейтенант русской армии.

¹² Майор Лисаневич Дмитрий Тихонович (1778-1825гг.) — участник Кавказской войны; в дальнейшем получил звание генерал-лейтенанта.

гим-хана от мала до велика, но приобрести ковёр ему не удалось. Ковёр был присвоен одним есаулом. Ты знаешь, кем был этот есаул?

– Нет, не знаю.

– Он был адъютантом генерала Цицианова¹. Когда Цицианова убили возле Бакинских ворот, был казнён и его адъютант. Ковёр вместе с отрезанной головой Цицианова принесли в подарок Шахиншаху. Во время конституционной революции ковёр исчез. Позднее, на Тебризском базаре его купил некий бакинский миллионер. Когда XI армия вторглась в Баку, один юный чекист собственными руками расстрелял миллионера и присвоил ковёр. А кто был этот чекист?

– Это был отец Гафарзаде.

– Совершенно верно! Теперь ты понял, к чему я клоню?

– Нет, не понял.

– Испокон веков из-за этого ковра убивали сотни, тысячи людей, было пролито немало крови. Поэтому этот ковёр необходимо уничтожить, вместе с его владельцем. Или же без владельца – это уже не важно.

– Как это не важно? Ковёр – это ковёр, а человек есть человек...

– Этот человек – подлец, сын подлого отца. Яблоко от яблони, как говорится... Гадкий лицемер, который только и знает, что вредить людям.

– А кому он навредил?

– Ну, например, лично мне!

– Ах, вот оно что! Вместо того, чтобы метать бисер и ходить вокруг да около, так бы сразу и сказал, что хочешь свести с ним личные счёты.

– Думай, что хочешь, а моё мнение таково: необходимо искоренить преступления, совершаемые на протяжении веков, и уничтожить ковёр, источник всех этих преступлений. А если владелец ковра попытается помешать этому, то нужно уничтожить и его как соучастника преступлений.

– Кровь кровью не смоешь. Нельзя искупить одно преступление другим. Если причинить кому-то зло, то человек этого не простит и будет искать возможности отплатить злодею той же монетой. Разорвать порочную цепь злодеяний таким путём невозможно.

– А чем же тогда искоренить зло, угнетения, несправедливости?

– Только милосердием, прощением, благодеянием.

– Значит, надо следовать словам Христа – бьют по правой щеке, подставь левую. Нет, я предпочитаю придерживаться заповедей не Нового, а Ветхого Завета: глаз за глаз, зуб за зуб... Я...

– Теперь послушай, я расскажу тебе одну мудрую притчу. Некто, доведенный до отчаяния бесконечными злодеяниями своего соседа, обращается к мудрецу за советом. «Ступай, – говорит тот, – сделай что-нибудь доброе для этого соседа.» Человек, не смея перечить мудрецу, следует его совету. Через некоторое время бедолага вновь сталкивается с подлым поступком соседа и приходит к мудрецу за советом. Мудрец даёт ему то же наставление. Это повторяется несколько раз. Наконец, человеку всё это окончательно надоедает. Придя к мудрецу, он говорит: «Я последовал твоему совету, но мой сосед всё ещё продолжает причинять мне зло, и мне надоело отвечать на это добротой». На что мудрец отвечает: «Если твой сосед не устает со-

¹ Генерал Цицианов Павел Дмитриевич (1754-1806) – русский генерал грузинского происхождения, главнокомандующий российских войск на Кавказе. Был убит в 1806 г. во время покушения племянником Бакинского хана Гусейнгулу-хана – Аслан-беком возле Бакинских ворот.

вершать злодеяния, то отчего же ты должен уставать делать добро?»

Наш народ тоже придерживается подобной мудрости: доброта за доброту – удел каждого, а доброта за злодеяние – удел избранных.

– Хотя это и народная мудрость, но уж очень гнилая философия. Куда более разумна китайская мудрость: «Если ты будешь отплачивать за злодеяние добротой, то чем же ты ответишь на доброту?» А? Что скажешь?

– Скажу, что добро надо делать всегда в ответ – как на доброту, так и на зло. Иначе получается, что совершая добро, ты ждёшь взамен награду, значит, твоя доброта небескорыстна. Джалаладдин Руми призывал к добродетели всех – и мусульман, и христиан, и огнепоклонников, и иудеев, даже тех, кто сотни раз каялся и сотни раз нарушал свое покаяние. Христос взял на себя все людские грехи...

– А люди распяли его!

Его примечание я пропустил мимо ушей.

– Будда говорил: я готов брать на себя все мирские грехи, лишь бы облегчить мучения и страдания человечества. А наш Физули¹ пишет:

*Обрекай меня на грусть и страдания,
Но избавь мир от негодования.*

– Тогда ответь мне, – сказал Ахлиман, – отчего безгрешный младенец рождается на свет с различными увечьями: глухим, слепым, немым, умственно отсталым – в чём его вина?

– Возможно, этот ребёнок расплачивается за грехи, совершённые им в прошлой жизни.

Ахлиман расхохотался.

– Реинкарнация, проживание нескольких жизней... Глупейшая заповедь индийской философии о возможности прожить несколько раз и пожинать плоды своих действий, совершённых в прошлой жизни. И ты веришь в эту чепуху?

– Я – да. А ты не веришь?

– Разумеется, нет. Покажи мне хотя бы одного человека, который якобы когда-то жил, и помнит что-либо из прошлой жизни. А поскольку ничего из прошлой жизни человек не помнит, то какая разница – жил он когда-то или нет?

– Разница в том, что ты понимаешь причину несправедливостей, с которыми сталкиваешься в нынешней жизни. Карма – величайший закон существования. Карма – это имитация всех ошибок природы и человечества, предотвращающая их повторение. В то время, как «богачи бесчеловечны, а люди гуманные – бедны», в то время, когда всегда «своя рука – владыка», в мире царят несправедливость и угнетения, «у сильного бессильный виноват», великие государства эксплуатируют и глумятся над мелкими, слабыми странами, только карма помогает осознавать причину всего этого. Вред, причинённый человеком другому человеку в какой бы то ни было жизни, – это злодеяние, направленное против всего человечества, и человечество расплачивается за эти злодеяния. Некто однажды поранил кошку. Возвращаясь домой, он заметил у матери на лице царапины. «Откуда эти царапины?» – спросил он, на что мать ответила: – Это твои деяния!

¹ Мохаммед Физули (1494-1556) – великий азербайджанский поэт и мыслитель, классик азербайджанской поэзии, сыгравший важную роль в становлении азербайджанской и турецкой поэзии. Широко известен как величайший лирик, творивший на родном азербайджанском, а также персидском и арабском языках.

– Постой-ка, получается, что согласно твоей индийской философии, каждое живое существо появляется на свет по нескольку раз?

– Именно!

– Ну ладно, допустим, в прошлой жизни – как бы мне сказать, чтобы не обидеть тебя – ты был соловьём или шелковицей. Какой вред мог причинить людям соловей или шелковица, что ты потом расплачиваешься за это? Ты молчишь, так как тебе нечего сказать. Или же другой вопрос: допустим, в прошлой жизни ты был таким же человеком. А твоими родителями в прошлой жизни были те же люди, что и в нынешней, или другие? Что ты на это ответишь?

– Есть вопросы, ответы на которые хранятся в тайне, и человеческий ум не в силах их раскрыть. Наш интеллект не способен охватить всё это. Кто-то из мудрецов говорил: «Перед тайнами мира лучше промолчать!» Молчание – это способ избежать ошибок.

– Ну вот, опять – двадцать пять: долой сомнения! Именно на этом и строилась вся коммунистическая идеология: не спрашивай, не сомневайся, уверуй! Как говорил Сабир¹:

*Ты не думай, стой, замри,
Ничего не говори...*

Просто верь в то, что тебе внушили: в коммунизм, в явление Христа, во всякий бред сивой кобылы. Ведь все религии, если не учитывать их различия, преследуют одинаковые цели: либо утешать человека, избавить его от страха тьмы, тишины и пустоты Судного дня и кормить его лживыми обещаниями: выдержи гнёт этого мира, терпи всё на том свете приобретёшь райские блага. Или же угрозы: веди себя хорошо, иначе сгоришь в аду. Всё это рассчитано на человеческие слабости, его неумение мыслить. И карма, и реинкарнация – всё из той же оперы.

Он протянул мне пачку сигарет:

– Закуришь?

– Ты же знаешь, я не курю! – ответил я.

Он прикурил и с наслаждением затянулся.

– Я расскажу тебе одну притчу, – сказал он, – а ты выразишь своё мнение: Жили-были три брата. Один из них был праведником, второй – преступником и убийцей, а третий умер ещё в младенчестве. Как, по-твоему, какая участь их ждёт на том свете, если верить в рай и ад?

– Если существует рай и ад, то, несомненно, праведник должен очутиться в раю, а преступник – сгореть в аду.

– А младенец?

– А младенец, скорее всего, останется между ними, на пороге рая и ада.

– Тогда другой вопрос. Младенец спрашивает: «Почему же я не вырос, а умер в младенчестве?» Каков будет ответ?

– Судя по твоим понятиям, если бы этот младенец вырос, то стал бы преступником и убийцей. Поэтому его смерть в младенческом возрасте была целесообразна.

– Пусть так. Но в таком случае, его брат, который был преступником и убийцей, может задаться вопросом: «Если в жизни мне было предписано совершать преступления и убивать, то почему же я не умер в младенчестве и не избавился от вечных

¹ Мирза Алекпер Сабир (1862-1911) — азербайджанский поэт, сатирик.

мук в аду?» Что можешь ответить? Вот видишь, приятель, этот мир полностью лишён логики, а человек является жалким, беспомощным, нетерпеливым, завистливым и злопамятным существом, случайно брошенным в этот бранный мир.

– Нет-нет, это не так!

Но Ахлимана было не остановить – он говорил без умолку:

– Что такое человек? Жалкое существо, неспособное стать даже Дьяволом – слабое, бессильное существо, обделённое талантом и возможностями, падкое до любви, привыкшее к половым связям в своих развратных фантазиях; амбициозное и лицемерное существо, возмнившее себя создателем не только низких, но и высоких гор, бессмысленное, как сам мир. Завистливый, лживый клеветник, злопамятный лизоблюд... Бессильное, жалкое создание, которое якобы стремится к свободе, но обретая, пугается её как чёрт ладана. Человек готов перекладывать ответственность за каждый свой выбор на других и находится в вечных рабских поисках хозяина, идола для поклонения. Человек – это животное, уплетающее вкуснейшие яства мира и превращающее их в фекалии... Человек – это дикарь, который охотится на такие же живые существа, как и он сам, и не довольствуясь мясом животных, птиц и рыб, зарится на их яйца, икру, мёд. Он сеет мешок зерна, и для того, чтобы получить не один, а десять мешков урожая, убивает землю ядовитыми удобрениями, загрязняет моря нечистотами, уничтожает леса, травит воздух газом и дымом. Безмозглая тварь, которая предаёт забвению своё прошлое, не задумывается о будущем, живёт сегодняшней жизнью. Сартр прав, говоря, что ад – это другие, то есть все люди, кроме самого себя, являются исчадием ада.

– Нет, нет и ещё раз нет! Человек – это Насими¹, который пожертвовал собой ради собственных убеждений. Человек – это Толстой, создавший «Хаджи Мурата», это – Махатма Ганди, Альбер Швейцер, Мать Тереза. Человек – это Януш Корчак, который не оставил своих учеников погибать, а разделил их участь, и вместе с ними принял смерть. Человек – это самые нежные и красивые женщины мира, самые смелые, сильные, волевые мужчины, самые невинные дети, самые мудрые старики. Человек – это Физули, Ли Бо, Рафаэль, Моцарт, Чехов.

– Оставайся при своём мнении. Живи так, как считаешь нужным, проживи эту жизнь среди заблуждений и пустых обещаний, сулящих надежды на достижение целей в жизни следующей. Но не вздумай мешать мне делать то, что я считаю нужным. Впрочем, ты и не сможешь мне помешать, даже если очень захочешь.

Я даже не заметил, как Ахлиман исчез. Возможно, его здесь вообще не было, он мне просто померещился...

Однако в комнате всё ещё стоял ванильный аромат его сигарет, а в пепельнице тлело несколько окурков.

ГЛАВА 18

Ночное представление

«Философствовать – значит быть готовым к смерти».

Мишель Монтень

¹ Сеид Имадеддин Насими (1369 — 1417) — выдающийся азербайджанский поэт, философ и мистик.

«Человек сможет перебороть страх смерти только тогда, когда будет осознавать одну неоспоримую истину: до тех пор, пока в этом мире живёт хотя бы один человек, живёт и он сам».

Свами Вивекананда, индийский философ

«В прямом смысле этого слова, существует только одна серьёзная философская проблема – проблема суицида. Стоит жить или нет – решение этого вопроса является ответом на базовый вопрос философии».

*Альберт Камю,
французский писатель и философ,
«Миф о Сизифе»*

Сообщение: Вчера ночью, в результате короткого замыкания электропроводов в квартире известного учёного Гуси Зелимовича Гафарзаде возник пожар. При пожаре сгорело всё имущество, находящееся в квартире, в том числе очень древний и дорогой ковёр. В настоящее время учёный находится в реанимации с серьёзными ожогами. Врачи борются за его жизнь.

В половине четвёртого ночи зазвенел телефон. Ночные звонки всегда пугали меня. Я услышал незнакомый голос:

– Немедленно оденьтесь и спускайтесь вниз!

Кто был он, говорящий командным тоном? Куда и зачем звал меня? Почему я смиренно выполнял его команду? Поспешно одевшись, я спустился во двор. Прямо перед дверью подъезда стоял красный лимузин. Я сел в машину. В темноте я не мог разглядеть лицо человека, находящегося за рулём, но когда машина выехала из двора, в свете полнолуния я увидел на его лице глубокий шрам.

Ни он, ни я, не промолвили ни слова. Я даже не решался спросить – куда, зачем мы едем? У меня словно язык отнялся. Проезжая через устрашающе тихие улицы, освещаемые лишь полной луной, машина выехала из города. Единственными признаками жизни на тот момент были мигающие красные, жёлтые и зелёные цвета светофоров, стоявших на перекрестках.

Мы следовали по Маштагинской дороге. Проехав через Бузовны и Мардакан, мы вышли на магистральную дорогу Шувелана¹, и, преодолев песчаные дороги между дачными домами, подъехали к большому зданию. Это здание напоминало Дворец культуры советских времён.

Мы вышли из машины, и вошли в клуб – если, конечно, это помещение можно было назвать клубом. Мои часы показывали без четверти четыре. Салон был освещён зловещим фиолетовым светом. Первые ряды, в отличие от задних, были заполнены.

Я уселся на свободное место в переднем ряду. Зрители сидели молча, неподвижно, уставившись на сцену. Я начал разглядывать их, одного за другим: многие из них были мне знакомы. Чуть поодаль сидел мальчик лет десяти, и когда я взглянул на него, у меня волосы встали дыбом – это был соседский мальчик в меховом пальто, давно погибший. Я вспоминал сидевших тут зрителей одного за другим: вот

¹ Пригороды Баку.

этот был моим другом – Мохсун, а вот его дядя Мадат-киши, это Рубаба, вот Закир... Члены учёного совета. Гуси Гафарзаде. О боже – мои родители! Но и они смотрели не на меня, а на сцену.

Я был в ужасе – собравшиеся здесь зрители были людьми, ушедшими в мир иной. Теперь я, содрогаясь, осознавал тайную и истинную суть выражения «уйти в мир иной».

Внезапно они все начали аплодировать. Хлопков не было слышно, но по их жестам было ясно, что они аплодируют кому-то, находящемуся на сцене, но пока за занавесом. Я перевел взгляд на сцену. Красный занавес медленно раскрылся, и на сцену вышла танцующая Айдан. У меня сердце оборвалось – как она очутилась здесь, среди мертвецов?!

Я вздрогнул от женского крика, и, вскочив с постели, бросился на балкон. На асфальте двора в утреннем полумраке лежало тело Айдан. Её мать истошно кричала, рвала на себе волосы.

Я обернулся – крупный амулет от сглаза, висящий на стене, был разломлен на двое; одна половинка осталась висеть на стене, а другая упала на пол и разбилась вдребезги.

Возле рассыпавшихся осколков амулета стоял Ахлиман.

– Зачем ты это сделал? – спросил я. – В чём была вина этой девушки?

– Это сделал ты, – ответил Ахлиман. – Это ты её убил... Ты спал, когда она опять явилась спящая в твою комнату. А когда она уходила, ты вскрикнул во сне: «Не уходи, умоляю тебя!». Она от твоего крика проснулась и тут же с карниза сорвалась вниз. Хорошо хоть, бедняжка не мучилась, смерть её была мгновенной.

Говоря эти слова, Ахлиман медленно приближался ко мне. Я знал, чего он хочет. Он вышел на балкон и нагнулся вниз, стоя спиной ко мне. Ни секунды не колеблясь, я резким движением изо всех сил толкнул его, и, не успев уцепиться за перила, он полетел вниз. В следующее мгновение его тело лежало рядом с телом Лунной девушки...

ПРИМЕЧАНИЕ ОТ АВТОРА:

Наверняка проницательный читатель понял, что оба персонажа по имени Ахлиман (Ахриман и Ормузд) являются одним и тем же лицом. В таком случае может возникнуть вопрос: хотел ли автор сказать, что символ Добра, Ормузд, убивает символизирующего Зло, Ахримана? Но ведь это одно и то же лицо – следовательно, погибают они оба...

Да, это так. Но вернёмся к началу повествования. Как оказалось, человек, похороненный заживо, не умер. По счастливой случайности или, возможно, необходимости, по чьей-то прихоти он был вызволен из могилы, вернулся к жизни и начал жить дальше. Но чьё это возвращение – Ормузда? Или Ахримана? Добра или Зла? Может, их обоих?

Ответ на этот вопрос я оставляю за самим читателем.

Июль, август, сентябрь – 2014,
Дубровник-Баку

Перевод Нати́га РАСУЛЗАДЕ

«ГЕЗ МУНДЖУГУ» АНАРА

*«Я понял, что действительность, жизнь, Вселенную и мир объяснить логически невозможно.
А понять человека вообще, кажется, непостижимо...»*

*Анар
«Амулет от сглаза»*

Мысли, высказанные писателем в эпиграфе повести «Амулет от сглаза», потрясли меня. Они красной нитью проходят через все его творчество. Анар исследует тонкости человеческой души, многообразие проявлений нашей с вами сущности, определяет движущие нами поступки и действия, их мотивы... Неужели это возможно? Оказалось, что возможно. Ведь не случайно, «человековедение» называют синонимом литературы. Конечно, разговор идет о подлинной литературе – наука здесь бессильна. Нельзя настолько глубоко изучить человека, поместив его в узкие рамки философских воззрений либо социологических опытов. Ведь если наука изучает человека, накладывая на него некие шаблоны и трафареты, исходя из конкретных критериев, то литература создает виртуальную реальность, не ограничивая действия персонажей ничем, кроме воображения самого автора. В то же время эстетически обогащая читателей, литература позволяет им намного глубже воспринимать сущность сюжета.

В эпиграфе повести «Гез мунджугу» писатель приводит цитату немецкого философа Ф.Ницше: «Искусство дано нам для того, чтобы Правда (действительность) нас не уничтожила...» Ницше жил в конце XIX-начале XX века. Но и сегодня, читая повесть Анара, нельзя не поразиться точности и актуальности этого афоризма. Написать правду, но написать ее с таким мастерством, чтобы не «уничтожить» читателя. Иногда мне кажется, что у Анара всего один герой – Человек! В его творчестве все дополнительные приемы, описание событий и обстоятельство строго подчинены одной цели – представить суть героя, сосредоточить на нем и на его душе внимание. Во всех своих произведениях писатель каждый раз присваивает своему герою новое имя, заставляет его существовать и действовать в различных непростых жизненных ситуациях, обрекая на мучительные скитания в чужих краях, испытывая его на прочность, лишая родины, ставя лицом к лицу со смертью. Мастер роцкером пера делает одних несчастливими, иным же дарует благополучие... Только так можно понять героя. Анар живет со своими персонажами, глубоко ощущает их боль и страдания. Созданные им герои настолько реалистичны, что порой кажется, ход событий вот-вот выйдет из-под контроля автора и персонажи начнут жить собственной жизнью. Во всяком случае, я как читатель иногда отчетливо ощущаю изумление и удивление самого писателя коллизиями жизненных судеб героев. Так в одном из своих писем Павлу Вяземскому удивлялся Александр Пушкин: «Представьте, какой фортель выкинула со мной моя Татьяна. Она вышла замуж». Может, именно в этом следует искать причину столь неожиданных развязок, не свойственных творчеству Анара, а также оставшихся в финале множества нерешенных вопросов. Сам писатель не может (или не считает нужным) ответить на некоторые из них.

...Предоставляя герою свободу, Анар вместе с тем соблюдает литературные каноны. Создавая цельный характер, изображая положительные и отрицательные качества, сильные и слабые стороны личности, наделяя каждого свойственной только этому персонажу индивидуальной речью, автор постоянно держит читателя в напряжении, а самое главное, пожалуй, дает почву для размышлений.

Читая рукопись недавно завершенной писателем повести «Гез мунджугу», я в каждом слове, в каждом предложении ощущала мощь стиля Анара, его пера. Это новое, современное творение писателя, проза нашего времени с оригинальным сюжетом. Писатель

и в этой книге остался верен своим принципам. Предоставив герою полную свободу, он с филигранной точностью выписал все, даже мелкие детали. На первый взгляд это произведение о «дурном глазе» и всем, что за этим стоит. Существуют ли на самом деле подобные зловерные «заморочки»: порча, сглаз, наговор и т.д., – это спорный вопрос. Кто-то верит, а кому-то и дела до этого нет. В этой книге – гез мунджуг и «дурной глаз» используются автором как художественный прием, позволяющий писателю рельефно отобразить человеческий характер, его черты, скрытые ото всех, темную сторону людской натуры, накопленные в ней с годами злобу, ненависть, боль и комплексы. К тому же, говоря о существовании и влиянии порчи и сглаза на людские судьбы, писатель убедительно ссылается на авторитетные философские источники.

Прежде чем перейти к краткому описанию сюжета произведения, хотелось бы в сжатой форме поделиться своими мыслями о некоторых достоинствах повествования.

Главная особенность повести – в ее актуальности. Писатель не позиционирует себя как проповедника новой философии, он не ставит перед собой задачу «написать о том, что никто не знает, и о чем еще не говорилось. Приведенные перед каждой главой эпиграфы говорят о древности сюжетных линий, о том, что эта тема озадачивала интеллектуальную элиту на протяжении тысячелетий, находила отражение во многих исследованиях. Человеческая природа, «дурной глаз», злоба, ненависть, зависть – это вечные вопросы, к которым обращались и до корней которых пытались докопаться многие мудрецы еще с древних времен, начиная с Конфуция и Авиценны, многие ученые, философы, а также писатели и поэты, потому что все это было, по моему мнению, заложено в человеке изначально. Наши прародители Адам и Ева по причине своей беспечности, игнорируя заповеди Всевышнего, вкусили запретный плод и были изгнаны из Рая. Или же братоубийство Каином Авеля. Охваченный злобой, завистью и ненавистью Каин убивает родного брата... Подобным примерам нет счета. В наше время аналогичные случаи, похожие ситуации не редкость, и, наоборот, поэтому все это бесчисленное множество проявлений человеческой натуры является неисчерпаемой темой для множества исследований. И в данной книге писатель вновь возвращается к этому древнему, как сама история, сюжету, рассматривает его со своей точки зрения, опираясь на личные наблюдения. Борьба Добра со Злом – это извечный конфликт, возникший вместе с появлением человека, бесконечная тема для изучений и исследований посредством литературных и научных методик. Должно быть, описанная в Авесте борьба Ахримана с Ормуздом не закончится никогда. Вот именно об этом хочет сказать – и сказал! – Анар. Однако он несколько иначе подошел к этому вопросу, объединив в одном человеке и добро, и зло, и таким способом показывает противоречия, бушующие в душе героя. Показывает, как в его характере, поступках проявляются и чередуются то положительные (с точки зрения общепринятой морали), то отрицательные черты.

Несмотря на разветвленность сюжета и его глубину, события в повести развиваются динамично. Писатель не утомляет читателя пространными комментариями и описаниями. Лаконично изложенными, бьющими точно в цель мыслями он раскрывает суть событий. Вместе с тем повесть разительно отличается от многих современных произведений, от того, что принято считать прозой XXI века. Дело в том, что многие писатели, стремясь не отстать от времени и привлечь внимание читателя, перегружают свои произведения информацией, позиционируя ее на переднем плане. В результате такие сочинения неизбежно теряют свою самобытность, художественность, обретают статус энциклопедических справок. В результате произведения становятся выхолощенными, бездушными, безжизненными и безличными. Стоит лишь закрыть книгу, и уже не помнишь ни фабулы, ни сюжета, а из имен порой лишь одно.

В «Гез мунджугу» же писатель отводит определенное место современности: скорости нынешнего времени и информационности, но главное внимание уделяет художественной стороне произведения. Анар умело растворяет информацию в художественном тексте, выделяя лишь самое главное. В этом произведении Анару удалось с присущим ему ма-

стерством совершенно иначе, по-новому интерпретировать классические сюжеты.

Книга читается легко, что называется, на одном дыхании. С первых строк повесть зачаровывает и не отпускает. «Боль...ужасная, невыносимая боль...» – эти первые слова сразу же интригуют читателя: что за боль, в чем ее причина? По мере прочтения все проясняется. Героя произведения Ахлимана хоронят заживо. После этого человек «оживает» (встает из могилы). Описание могилы и состояние оказавшегося в ней героя писатель начинает строками Юниса Имре и постепенно, от предложения к предложению, погружает читателя в страшную ауру. Когда я читала эту главу, у меня перехватывало дыхание – таким сильным был художественный эффект. Чередуя короткие и длинные предложения, бессвязные и путаные мысли, Анар живо и точно передает ужас, боль, смятение и страх «ожившего» в могиле, обмотанного саваном человека. Невольно содрогаясь от кошмара, я погружалась в атмосферу холодного, сырого, темного, замкнутого пространства и еще отчетливее воспринимала тот ужас, который испытывал герой. Очевидно, так и было задумано писателем – донести до читателя весь ужас, пережитый Ахлиманом. Ведь если подумать, зерна добра и зла, присущие Ахлиману, есть в каждом из нас – чего-то больше, чего-то меньше. Но что же формирует в нас добро и зло, эти две противоположности? Писатель отвечает на этот вопрос. Множество факторов влияют на наше понимание плохого и хорошего. Критерии его определяют и детские комплексы, и сложности подросткового возраста, быт, общественная мораль и т.д.

Но об этом позже. А пока мне хотелось бы сосредоточить внимание на поразившей меня первой главе, в которой писатель повествует то от имени героя, то от своего имени. Временами кажется, что герой все понимает, здраво рассуждает, но иногда он или засыпает, или впадает в забытие – и тогда слово берет писатель.

В этой главе Ахлиман рождается заново. Поэтому так неожиданно и эффектно сравнение автора материнского чрева с могилкой. Но в отличие от новорожденных, у взрослого Ахлимана есть память. В могиле перед его глазами чередой пронеслись, словно кадры киноленты, все моменты его жизни. Так же как и в материнском чреве, ему тесно – он крутится, возится, хочет освободиться, тонет в холодной жиже. Эта дрожь становится своеобразным символом всего произведения. Многие комплексы и боли Ахлимана связаны именно с ощущением холода, с дрожью. Но и сейчас, в могиле продолжается его противостояние, внутренняя борьба добра со злом. Поэтому все его путаные воспоминания, бессвязные мысли обращаются то к совершенным им добрым делам, то к злым. К примеру, обращение Ахлимана к Аллаху, воспоминания о старике, пьющем чай перед домом – «Появление Лунной девушки», шепот стихов – все это вместе взятое – память о добром, т.е. воспоминания Ормузда. Но спина, исполосованная ударами плети, голова, облитая ледяной водой, Закир, надевший халат, ожоги на женском теле – это все ассоциируется со злом, т.е. с тем, о чем вспоминает Ахриман. Эти прерывистые воспоминания описываются писателем и в последующих главах; по мере их прочтения понимаешь, почему в могиле всплывают именно они. В начале произведения автор лишь намекает на причины, повлекшие за собой «смерть» героя, – то, что возбуждает интерес читателя. Как умер этот человек? Кто столкнул его с высоты? Ответы на эти вопросы в последующих главах, которые с нетерпением хочется прочесть. Но прежде необходимо обратить внимание на художественный прием писателя, на то, как автор описывает сумрачную атмосферу могилы: «Кромешная тьма»... Но это совсем не то, когда за опущенными веками беспорядочно мельтешат розовые, желтые и зеленые кружочки. Это была тьма при открытых глазах!

В конце главы герой говорит: «Закрываю глаза. Вижу мельтешащие желтые, розовые, зеленые кружочки...»

Разве возможно красочнее описать вскрытие могилы, дневной свет, ударивший в глаза Ахлимана... По словам самого писателя, герой высвободился из оков кромешного мрака. Могилу вскрыли. Но почему? Кому и зачем понадобилось беспокоить «покойника»? В конце главы писатель дает короткую авторскую справку об этом событии и избавляет чи-

тателя от подробностей. Обстоятельства, приведшие к вскрытию могилы, и намерения сделавших это людей не имеют никакого отношения к общему развитию событий произведения и к основной его идее. Главное – это сам Ахлиман и его характер.

Глава за главой, событие за событием – писатель последовательно раскрывает причины, с самого детства толкавшие этого человека с дурными наклонностями к наведению порчи и сглаза, к причинению боли и страданий окружающим.

Понятия о Добре и Зле должны формироваться в детстве. И зарождается добро именно тогда, когда на свет появляется ребенок. Воспитывая его, объясняя простые, повседневные правила поведения, мы закладываем азы морального кодекса его, а в результате, возможно, целого поколения. В дальнейшем на формирование этой системы ценностных координат, то есть различие добра и зла, будут оказывать влияние детские сад, школа, вуз, но первоначальные основы личности закладываются именно в семье. Так полагает писатель.

Уже во второй главе повести под названием «Дурной глаз» писатель, исследуя детство Ахлимана, показывает причины, способствовавшие появлению в его сердце ненависти к окружающим. Это Насиб, избалованный сын зажиточного соседа, ежедневно глумившийся над Ахлиманом, обливая его холодной водой, вечно пьяный отец, избивавший и свою жену, и сына ремнем, нищета... Тогда в сердце Ахлимана и поселилась злоба. Считается, что глаза – это зеркало души. А по-моему, глаза лишь возможность выявить скрытую внутреннюю злобу и грязь. Впрочем, если более детально рассматривать описанные события, то возникает понимание, что вполне возможен и другой результат пережитых событий. То есть мучения, страдания и горе могут закалить человека, сделать его мудрым и добрым. Однако в данном случае мучения героя, несправедливость, с которой ему пришлось столкнуться в жизни, хоть и не сделали его плохим человеком, но создали «питательную почву» для проявления в нем темных сторон личности. Другими словами, склонность к демонизму в Ахлимане присутствует, но она объяснима, потому что была та самая «почва». И в этом, как мне кажется, лежит основная причина обращения автора то к прошлому – к детству героя, то к сегодняшнему дню – к жизни после возвращения из могилы, то к его подростковому возрасту, то к будущему. Писатель ищет ответы на вопросы в прошлом, настоящем и будущем Ахлимана. Скажем, если в детстве главными причинами для появления комплексов послужили отцовский ремень и ледяная вода Насиба, то в подростковом возрасте это относится к связям с непристойными женщинами. И все это постепенно приводит к унижению Ахлимана, травмирует его на каждом жизненном этапе. А месть униженного человека страшна... И если к этому прибавить врожденную способность убивать, наводить порчу... С этим необходимо бороться, и с этим злом борется сам герой, вернее, его второе «я». Поэтому неслучайно стремление Ахлимана исследовать вопросы о порче и сглазе научными методами, защитить диссертацию по теме оккультизма. Ведь на самом деле Ахлиман ищет решение личной проблемы, ищет выход из положения, в котором он оказался. Это страстное желание особенно отчетливо ощущается в главе «Исчезнувший гараж». Вполне вероятно, что разговоры трясущегося от страха дворника Дадаша со своей женой о мышах, о спрятанной в гараже аппаратуре были неслучайными. Ахлиман пытается извлечь из негативной энергии, из порчи «лечебный эффект», для чего и проводит опыты с мышами. Но стоит лишь кому-то узнать об этом, то в Ахлимане просыпается и делает свое черное дело демон...

В целом, можно сказать, что подобные необычные люди, мистические герои характерны для творчества Анара. К примеру, в рассказе «Я, Ты, Он и телефон» герой ревнует к женщине... себя самого, в самом себе видя соперника.

Или же образ студента из повести «Контакт», столкнувшегося в реальности с вымышленными или мистическими событиями и обстоятельствами, или герой из «Красного лимузина», который никак не может избавиться от призрака смерти...

Анализируя произведения Анара, нельзя не признать в них присутствие фантастики и сюрреалистических элементов, потому что на некоторые вопросы невозможно ответить

логически или простым описанием реальности. К примеру, как можно объяснить встречу Ахлимана с Дири Баба, или же посещение Асхаби Кяхф? Только сквозь призму сюрреализма.

Нельзя не отметить еще одно достоинство произведения – это цельность характеров, созданных писателем образов. Даже эпизодические, казалось бы, незначительные герои выписаны ярко, сочно, и каждый из них влияет на текущие события. К примеру, могильщик Насруллах. Воскрешение покойника его несколько не удивляет. Не проронив ни слова, он спокойно снимает свою одежду и передает «ожившему». Свою необычную, трудную работу он считает совершенно нормальной, рядовой. Среди могил он и ест, и выпивает. В созданном в этой главе образе Насруллы писатель демонстрирует очень интересную сторону человеческой психологии: по мере приобретения жизненного опыта человек вырабатывает своего рода эмоциональный иммунитет, оберегающий его от душевных травм и сильных потрясений, как то: вскрытие могил, похищение трупов, «воскрешение» покойника... Для Насруллы все это – заурядные события.

Вот еще один психологический этюд Анара: «пребывание» Ахлимана в могиле причинило ему большую боль и мучения, чем избиения отцовской плетью в детстве.

И, как мне кажется, писатель, вернув его в мир живых, не случайно еще раз ставит его под удар, столкнув с предательством Закира.

Казалось бы, вырвавшийся из цепких объятий смерти, вернувшийся к жизни человек получает шанс по-иному взглянуть на жизнь, научиться ее ценить, изменить характер – короче говоря, благодаря предоставленному ему Аллахом шансу в нем могло бы пробудиться Добро – Ормузд. Но поведение студента, пришедшего в дом своего учителя Ахлимана, умершего всего три дня назад, с намерением прибрать к рукам его научные исследования и к тому же овладеть женщиной, к которой покойный испытывал глубокую симпатию, породило в Ахлимане демона.

А самое скверное то, что на головы людей, вызвавших в Ахлимане ярость, сыплются бедствия: кто-то погибает в аварии, кого-то арестовывают, то есть всех их, рано или поздно, настигает несчастье. Спрятаться от его глаза невозможно.

При встрече Ахлимана с Живым Дедом тот говорит ему:

«Человек сам созидает себя, захочет – станет подобным Ормузду, а захочет – уподобится Ахриману. Они оба присутствуют в каждом человеке – и Ормузд, и Ахриман».

Состоялась ли в реальности эта встреча либо все это было плодом воображения героя – автор на этот вопрос не отвечает. По моему мнению, изучающий различные философские течения, религии, ведущий исследования в этих областях и в то же время неспособный противостоять и бороться со своими собственными противоречиями Ахлиман встречается сам с собой. Все эти жаркие споры разгораются в нем самом, так же, как и борьба Ахримана с Ормуздом... В «Карме» из двенадцатой главы именно Ормуздом даются ответы на эти вопросы. Здесь Ахлиман говорит о добре, начинает разговор о прочитанных книгах, об индийской философии, о карме, дзен-буддизме, экзистенциализме, указывает пути спасения от горя и страданий и в конце дает читателю маленькую надежду. Он сообщает, что совсем скоро будет найден путь для защиты от «дурного глаза», т.е. от Ахримана...

...И вот, словно по велению Всевышнего, приходит Айдан! Айдан пришла как спасение Ахлимана в борьбе с находящимися внутри него злом, для победы добра... Очень эффектная сцена появления в комнате Ахлимана страдающей сомнамбулизмом молодой красивой девушки. Вообще говоря, глава «Айдан», больше напоминающая стихи, особенно выделяется среди всех остальных частей произведения своим изяществом, утонченностью, гармонией и поэтикой. Если вначале Ахлиман «ничего не ожидал от женщин, с которыми вступал в связь: ни любви, ни ласки, ни доверия», то теперь все было иначе. Если раньше он презирал слабый пол, то сейчас все изменилось. Но в чем причина такой перемены: любовь? Разве возможно влюбиться в женщину с закрытыми глазами, пришедшую к нему во сне? Но если это не влюбленность, тогда почему он столько колебался, вступать или не

вступать с ней в связь, чего боялся, в чем причина его смятения? Думаю, в этой главе Анар осуществил свой замысел, достиг цели, совершенно точно показав противоречия, внутренние страхи и беспомощность героя. Ахлиман боится себя, своего собственного сглаза, боится дремлющего в нем демона. Это маленькое чудо – он боялся убить Айдан этим, страшился себя самого, того, что не сможет преодолеть свое внутреннее эго! И его страхи были не напрасны...

После прихода Айдан в жизни Ахлимана происходит еще одно важное, решающее событие. Он встречается с человеком со шрамом, от которого получает задание. По сути дела, здесь писатель в последний раз ставит лицом к лицу Ахримана и Ормузда. Спасти или убить ученого, обладателя древнего ковра?! Спасение ученого станет победой Ормузда, а его смерть – Ахримана... Когда происходит перелом, решающее столкновение характеров и обстоятельств, произведение достигает своей кульминации, момента наивысшего напряжения в развитии действия. Здесь писатель применяет особый прием, заставляет героя дважды пережить одно и то же событие: в первом случае как Ахриман, а во втором – как Ормузд... В первом случае женщина, потерявшая ребенка, увидев Ахлимана, называет его «убийцей», а во втором она просто молчит.

Настоящая борьба начинается после этого. В главе «С глазу на глаз» писатель сводит Ахримана с Ормуздом. Здесь Ахриман говорит о важности уничтожения истории и владельца ковра. Конечно, вся эта история – плод фантазии писателя. Автор довольно убедительно описывает исторические события, называет имена, что определенно усиливает это впечатление. В какой-то момент кажется, что герой сообщает реальные факты: спор Ахримана с Ормуздом, доказательства, приводимые каждой из сторон. Ормузд говорит: «Кровь кровью смывается», а Ахриман в ответ приводит высказывание Ветхого Завета: «Око за око, зуб за зуб». Кто же из них одержит победу?

...Признаться, оставив в сторону всю философскую подоплеку борьбы Добра со Злом и глядя на Ахлимана просто как на человека, понимаю, что у него нет другого выхода, кроме как умереть. Такой выход подсказывает напряжение, с которым живет герой, его врожденные качества, способность неосознанно причинять окружающим боль, приносить смерть. Жить, осознавая это, невозможно. После убийства Лунной девушки, единственного спасителя, ниспосланного ему Всевышним, у него не осталось ни одной причины жить. Его труп распластался на асфальте рядом с Айдан...

В произведении Анара мы можем найти ответы даже на те вопросы, о которых никогда не задумывались и себе не задавали. В этом смысле повесть «Гез мунджугу» предоставляет нам широкие возможности для того, чтобы многое понять, осознать и сделать выводы.

Я пишу эти строки и как читатель, и как исследователь творчества писателя, не исключая, что и в ближайшем, и в отдаленном будущем читатели, критики и исследователи выразят иные мысли по поводу этого произведения. А это показатель настоящей литературы, литературы, способной порождать полемику...

ПЯРВИН

Перевод Эльмара ШЕЙХЗАДЕ

ХИКМЕТ МАХМУД

Он родился в благодатном уголке азербайджанской земли – исмаиллинском селе Миджан, окруженном живописной красотой кавказского горного приволья. Думается, красота родной природы, ее щедрые дары, богатства недр, родниковые перезвоны, неповторимое очарование роскошных лесов предопределили жизненный путь и профессиональный выбор Хикмета Исмаил оглу – он избрал поприще геолога и, окончив наш университетский геофак, посвятил несколько лет работе в Актюбинской области Казахстана, накопил солидный опыт. Параллельно с успешными научными изысканиями он утвердил себя и как оригинальный поэт, автор девяти стихотворных сборников; многие его стихи положены на музыку. Хикмет Махмуд – доктор геолого-минералогического наук, профессор, известен и как автор многочисленных научных трудов в области геохимии, вулканологии и экологии.

Научное и литературное творчество Хикмет Махмуд сочетает с педагогической деятельностью: преподает в Азербайджанском педагогическом университете, в Нефтяной Академии. Его книги и научные труды отмечены рядом наград и премий, медалью «Прогресс».

Представляем читателям новые стихи из нового сборника Хикмета Махмуда «Караванный путь».

Может, вновь не свидимся...

**Горы, попрощаемся, пора,
Может, вновь не свидимся.
Вейте, вольные ветра,
Может, вновь не свидимся.
Обнимите, зеленыя,
На прощание меня,
Ароматами пьяня,
Может быть, не свидимся.
Несказанная волшба!
Разлучает нас судьба,
Вдаль бежит моя тропа,
Может, вновь не свидимся.
Перезвоны родников,
И фиалок кротких зов,
Прощаемся без слов,
Может, вновь не свидимся.
Дети, чадушки мои,
Други, братушки мои,
Дуги-радуги мои,
Может, вновь не свидимся.
Снова кущи расцветут
Без тебя, Хикмет Махмуд,
Весны новые придут,
Жаль, что не увидимся..**

Не скажу, возвел я гору...

Мчал Пегаса по простору,
Не скажу: возвел я гору,
Огород свой городил,
Собирал добыток впору.
Право слово не стареет,
Ветер веет – не развеет,
Если стих сердца согреет,
Пережить тебя сумеет.
Графоману и профану
Лавров обещать не стану...
Туча посулит ненастье,
Но за тучей брызжет счастье.
Пой, Хикмет, на рок не сетуй,
С бестолковым не беседуй,
То, что на сердце лежит,
Посвященному поведай.

Старость в дверь мою стучится...

Голова уже седая,
Зубы редкие считая,
Улыбаюсь иногда я,
Старость в дверь мою стучится.

И со слухом невезенье,
И подводит меня зренья,
И сквозь линзы – мельтешенье,
Старость в дверь мою стучится.

И подрагивают руки,
Учащаются недуги,
Слышу из прихожей стуки,
Старость в дверь мою стучится.

Я ворочаюсь в постели
От мороки-канители,
Ахи-охи надоели,
Старость в дверь мою стучится.

Вешать носа мне не надо,
Дети выросли что надо,
Мне опора и отрада,
Всем уйти дано когда-то,
Что грустить, вздыхать, казнить,
Если старость в дверь стучится...

Наказ

Не сруби побег,
Милый человек,
Это – зов природы,
Обеднеет век,
Обмелеют воды.
Распахни радушно
Двери очага,
Если в доме стужа,
Не жди кунака.
Окружи заботой,
Чти отца и мать,
Помоги народу
Сеять и пахать.
Заслужи раденьем
Славу и хвалу,
Добрым поведением
Брось перчатку злу.
И уроки старших
Намотай на ус,
У добра на страже
И в служенье муз.
Будь же добродеем
Для других людей,
И не стой лакеем
У чужих дверей.

Критика о критике

Нынче критика не в моде,
Отменили ее, вроде,
Панегирики в почете,
Нету квоты громкой оде.
Славословят без разбору,
Холмик превращают в гору,
Коль есть дядя у «горы»,
Кто без дяди – вне игры.
Коль хула-хвала на месте,
Воздадут и честь по чести,
А талант – сидит в бесцветье:
«Отойди, в глаза не лезь ты!»
Если кто уселся в кресле,
По протекции ли, без ли,
Стали признаны, любезны
И на ласку все щедры...
Впрочем, эти – до поры
И до времени мощны
Весом связей и мощны.
Но истории видны
И таланты, и чины
В свете истинной цены.

Кредо

**Вдохновение поэт
Черпает у солнца,
Слово – это свет,
И твоя бессонница.
Будь самим собой,
Хоть пред тобой
Шулер записной
В честности клянется.
Жизнь – не мыслю без добра,
Вот и вся моя игра,
Горы злата-серебра
Не подменят идеала.
Труд достойный до конца,
Покоряющий сердца!
Не ищу себе венца
От покладистого зала.
Я хочу сроднить людей
Музой праведной своей,
Дружба выше и сильнее
И корысти, и развала.
Мир не слишком строгих правил,
Рок немало душ корявил,
То он ангел, то он дьявол
У крутого перевала.
И гордыня вас навеки
Обесславит, человеки!
Жизнь – предлинная дорога,
Не сверни на путь порока
По слепым веленьям рока!**

Перевод Сиявуша МАМЕДЗАДЕ

МАРИНА МУРСАЛОВА

«ТЫ ОДНА МНЕ РОСТОМ ВРОВЕНЬ»

На вопрос кто была вдохновительницей пролетарского поэта-трибуна Владимира Маяковского, его музой, каждый школьник с уверенностью ответит: Лиля Брик. Все книги и мемуары литераторов советского периода пестрят этим двусложным именем – Брик-Маяковский (если быть точнее, Брики-Маяковский). Создается впечатление, что поэт и не помышлял ни о ком другом, кроме Лили Брик, и был влюблен в свою музу поистине до гробовой доски. Мало кто знает о запутанной интриге в жизни поэта и истинных чувствах Маяковского к другой женщине, в которую он был безгранично влюблен и жаждал соединить с нею свою судьбу («Ты одна мне ростом вровень»). Имя Лили Брик мрачной тенью встает между влюбленными, и судьба поэта сворачивает в иное, трагическое русло...

Известный любовный треугольник Осип Брик- Лиля Брик- Маяковский – «классическая шведская семья» – не считался нонсенсом в послереволюционный период. Вслед за свержением монархии наступила полнейшая анархия. Большевики не знали, с чего начать, главное было – отмежеваться от всех прообразов и устоев старого режима.

«Свободу крылатому Эросу!» – первой кинула клич хорошо подкованная в данном вопросе большевичка Коллонтай. Этому призыву в большевистской коммуне следовали многие государственные деятели и представители культуры (задачи партии превыше всего). В их числе – вождь пролетарской революции В.И. Ленин (Надежда Крупская-Ленин-Инесса Арманд).

Маяковский посвятил Лиле Брик очень яркое произведение – поэму «Люблю»(1922год). В отличие от стихотворения «Лиличка!», в поэме нет места мрачным настроениям, она полна любви и жизнелюбия. Это, пожалуй, самая светлая поэма В. В. Маяковского.

Однако отношения у Брик-ов – Маяковского были далеко не идиллические.

Лиля Брик была женщиной, избалованной вниманием мужчин и в силу своего характера требующая обожания. В ней клокотала жизненная энергия, она могла преподнести себя, была умна и элегантна, – это был тип роковой женщины, способной делать из мужчин своих рабов. Ее черные глаза в нужный момент сверкали притягательным «ведьминским» пламенем – что и говорить, она умела пользоваться своими чарами. Это касалось и ее бывшего любовника Владимира Маяковского, который, впрочем, с течением времени превратился в хорошего друга, с которым можно было обсудить даже подробности многочисленных интимных связей обоих на стороне. Так или иначе, к 1929 году Лилю Брик и Маяковского уже не связывала прежняя страсть. Ведь интимные отношения закончились еще в далеком 1925 году, скорее это были устоявшийся, почти родственный союз двух близких по духу друзей. Но Лиля Брик осталась «официально значиться» его поэтической музой.

Однако в 1929 году произошли события, значительно пошатнувшие ее благополучное почивание на лаврах бессменной музы великого пролетарского поэта. Как нельзя кстати в данном случае вспомнить о женском коварстве, о феноменальных разрушительных способностях и непредсказуемой логике, которые просыпаются в женщине в одном случае – когда ее отругают...

Итак, 1929 год. Маяковский только что вернулся из Ниццы, где собирался провести четыре недели, но уже на пятый день сбежал в Париж. Как ему показалось, он вернулся с небольшой температурой и по настоянию Эльзы Триоле обратился к Сержу Симону. Надо сказать, что Маяковский при всей своей монументальности отличался крайней болезненностью. Он по-

стоянно был простужен, ходил с красным опухшим носом и влажными, холодными руками. Брался он за ручку двери не иначе, как через носовой платок. Страшно боялся сквозняков и никогда не пил из чужого стакана. Зачастую в кармане он носил миниатюрную мыльницу и салфетку и, поздоровавшись с незнакомым человеком, шел мыть руки своим «особым» мылом.

Кстати, считается, что дорогу во Францию Маяковскому проложил сенатор Монзи. Однажды услышав поэта в Колонном зале, сенатор заявил: «Надо показать эту пасть в Париже». После того случая Маяковский почти ежедневно гулял по Елисейским полям.

Этот его вояж во Францию был шестым по счету. Неудачный отдых в Ницце, незнание языка и потому зависимость от Триоле – все вызывало в нем раздражение. Он серьезно подумывал о том, чтобы вернуться в Москву раньше срока. Это решительно расходилось с планами четы Эльзы Триоле и Сержа Арагона (позже – знаменитый французский писатель-публицист). Маяковский был баснословно щедр, воевал с супругами по ресторанам, делал дорогие подарки. Арагоны же в то время жили стесненно, буквально, в мансарде дешевого отеля. Арагон писал своего «Парижского крестьянина», и до его гремящей славы и лавины денег было еще далеко. Супруги знали, чем можно развлечь сердцеда Маяковского. Их знакомая Татьяна Яковлева как никто другой подходила на роль девушки, которая смогла бы вызвать его интерес. Она была русской, «не дурой» и, что было немаловажно, – любила поэзию и могла декламировать несчетное количество стихов. Знакомство Арагонов с Яковлевой было шапочным. Тем не менее Эльза позвонила, предлагая встретиться, но Татьяна отказалась, ссылаясь на нездоровье и визит к их общему знакомому доктору Сержу Симону. Тогда Эльзе удалось заманить туда мнительного Маяковского, и знакомство состоялось. После непродолжительной беседы Маяковский вызвался проводить новую знакомую до дома.

«В такси он снял пальто и укрыл мне ноги, – вспоминала Татьяна много позже. – Потом неожиданно сполз с сидения и стал с жаром объясняться в любви. Эта выходка страшно меня развеселила: такой огромный, с пудовыми кулачищами и ползает на коленях как обезумевший гимназист. Мы попрощались у моего дома, условившись встретиться завтра. С тех пор, до его отъезда в Россию, мы встречались ежедневно».

Вышло, как задумала Эльза – Маяковский «клянул» на красивую девушку, в связи с чем его хандра тут же прошла, как и желание покинуть Париж прежде срока.

«Маяковский с первого взгляда жестоко в нее влюбился», – писала в мемуарах Эльза Триоле. По поводу этой влюбленности она до поры до времени ничего не сообщала своей сестре Лиле Брик, это было ей совершенно не выгодно.

Маяковский возвращался из-за границы всегда с кучей дорогих подарков, где обязательными были шелковые чулки и «нютина водичка» – духи для обожаемой Лили Брик. На этот раз от возлюбленной поступил особый заказ – автомобиль.

«Прежде чем купить машину, посоветуйся со мной телеграфно..., – пишет ему в Париж Лилечка Брик. – Где ты живешь? Почему мало телеграфируешь? Пишешь: еду в Ниццу, а телеграммы из Ниццы нет».

Лили ни разу не спросила в письме о действительной цели, с которой в тот раз Маяковский направлялся в Ниццу. Он встречался со своей внебрачной дочерью Элли, которой к тому времени исполнилось 2 года. С Елизаветой Петровной Джонс (в девичестве Зиберт) Маяковский познакомился на одном из своих поэтических вечеров под Нью-Йорком. Короткий роман закончился беременностью Джонс.

Наконец наказ «московской повелительницы» выполнен – автомобиль куплен («рено, красавец серой масти»), теперь Владимир Владимирович целиком мог отдаться обрушившейся на него страсти.

«Я была польщена, заинтригована и слегка озабочена, – строки из мемуаров Татьяны Яковлевой. – Меня беспокоило то, как устроить наши свидания, чтобы бабушка и близкие оставались в неведении... Певец большевизма и ее внучка, выцарапанная с таким трудом из голодной, взбаламученной революцией России. По счастью, дядя Саша был в отъезде, тетка пела где-то на гастролях с Шаляпиным, а бабушка выходила из дома редко и уж, конечно, не на Монпарнас, где в ту пору сходилась весь аристократический мир Парижа».

Встречи Маяковского и Татьяны происходили обычно вечером. Маяковский подъезжал

на такси к ее дому на Монмартре, заранее позвонив, она выбегала, садилась в авто, а уже по дороге они обговаривали маршрут. Ходили по музеям – Татьяна потрясла Маяковского знанием живописи. Ужинали в недорогих бистро в целях конспирации – в дорогих ресторанах их могли бы узнать знакомые и доложить строгому дяде. Говорили обо всем, чаще о литературе, у них были общие вкусы. Чем еще могла сразить Татьяна искушенного сердцеда, любимца женщин? Она была необычайно обаятельна, а сочетание золотистых волос с карими глазами придавало ее облику особый шарм и пикантность. Очень высокая по тем временам (176-177 см) и потрясающе длинноногая. Не случайно, когда американский корреспондент спросил у Марлен Дитрих «Правда ли, что у вас самые красивые ноги в мире?», та ответила «Правда! Но у Татьяны лучше».

«Я была на выступлениях Маяковского, – вспоминала о том времени Татьяна Яковлева, – которые проходили очень бурно – на них валил интеллигентный Париж – артисты Монпарнаса. Громадный успех имели «Солнце», «Облако в штанах». Маяковский имел колоссальный успех».

Они бывали в Синема, в Опера, укрывались в ложе, глядя на балерину Анну Павлову. Татьяна, конечно, знала о романе дяди с великой балериной и их двухнедельной тайной поездке на Кипр. Часто бывали у Шухаевых и Познеров (предки телеведущего В.Познера). Именно на обеде у Шухаевых было впервые прочитано лирическое стихотворение «Письмо Татьяне Яковлевой». Чуть позже появилось «Письмо к товарищу Кострову из Парижа о сущности любви», которое Маяковский также посвятил своей возлюбленной и читал у Познеров и Арагонов.

Но наступил день расставания. Перед отъездом Владимир Владимирович подарил Татьяне Яковлевой записную книжку, куда собственноручно вписал оба стихотворения, а также оставил машинописный текст пьесы «Клоп», премьера которой состоялась через два месяца, с дарственной надписью «Танику – Волоще». Одновременно он заказывает в оранжерее розы, к которым прикладывает стихи:

**Мы посылаем розы вам
чтоб жизнь
казалась
в свете розовом
Увянут розы...
а затем мы
к стопам
повергнем
хризантемы...**

Всего записок было пятьдесят четыре, доставленных вместе с цветами посылным.

«Он изумительный человек, – пишет Татьяна матери в Пензу. – Он распорядился, чтобы каждое воскресенье утром мне посылали бы розы до его приезда. У нас все заставлено цветами. Это очень симпатично и, главное, так на него похоже...»

Маяковский забрасывает любимую посланиями. Из Парижа письма, как кажется влюбленному Маяковскому, идут гораздо медленнее.

«Мой любимый Таник, – пишет он, – письма такая медленная вещь, а мне так надо каждую минуту знать, что ты делаешь и о чем ты думаешь. Поэтому – телеграмлю. Телеграфь, шли письма – ворохи того и другого. Я так гиперболически радуюсь каждой твоей букве...» «Подустал. А еще горы и тундры работы. Доработаю и рванусь видеть тебя. Если мы от всех этих делов повалимся (на несчастный случай), ты приедешь ко мне. Да? Да? Ты не парижанка, ты настоящая рабочая девочка. У нас тебя должны все любить и все тебе радоваться. Я ношу твое письмо как праздничный флаг, и он развевается надо мной. И я не принижу его ни на миллиметр. Обнимаю тебя, родная, целую тебя и люблю, и люблю. Твой Вол».

Таня, действительно, была «рабочая девочка». В Париже она закончила школу Эколь де кутюр, увлекалась лепкой и рисунком. Кроме того, ближайшая подруга Татьяны Фатима Ханум

Самойленко уговорила ее делать шляпки для парижанок и они открыли совместную мастерскую, что дало ей некоторую финансовую свободу от дяди Саши. Карьера модели ее не прельщала, хотя ей не раз говорили, что с ее ростом, манерой двигаться (Татьяна с детства не носила обувь на высоких каблуках, ходила широким, размашистым шагом, столь ценным в модельном искусстве) она могла бы соперничать с лучшими манекенщицами Франции. Кроме того, девушка была постоянно окружена поклонниками, от которых поступали предложения руки и сердца. После встречи и чудно проведенного с Володей времени Татьяна пребывала в раздумьях о своей дальнейшей жизни, в которой все было слишком запутано и неоднозначно...

Пылкий Маяковский заговорил о женитьбе уже в первую неделю знакомства. И потому завел разговор о переезде Татьяны в Москву. Она попросила время подумать. После своего отъезда в СССР, он в своих письмах продолжает настаивать на том, чтобы в дальнейшем (после их свадьбы) она поселилась в Москве. Татьяна отмалчивается, ее в тот период больше волновал вопрос переезда горячо любимой сестры, застрявшей в СССР, Людмилы в Париж, и она надеялась на помощь Маяковского. По ее просьбе Владимир Владимирович принимает активное участие в судьбе Людмилы. Он шлет ей ежемесячно 30 рублей, устраивает учиться к К.Голейзовскому, отправляет отдыхать в Сочи, передает парижские посылки с подарками. Одновременно налаживает переписку с матерью Татьяны – Л.Н. Орловой.

А тем временем в Гендриковском переулке, где проживала семья Брик, разразилась буря. В первом номере 1929 года «Молодой гвардии» было напечатано стихотворение «Письмо к товарищу Кострову...». Лиля Брик – бессменная муза поэта на протяжении 12 лет – пришла в ярость. Впервые стихи посвящались не ей. Семейный скандал закончился битьем посуды. Но умная Лилия, поостыв, поняла, что здесь нужны более действенные и не столь явные меры, иначе слава великого поэта перестанет греть ее (в прямом – материальном – смысле).

«Таник милый, мой любимый, – пишет тем временем Маяковский Яковлевой из Москвы, – без тебя совсем не нравится. Обдумай и пособирай мысли (а потом и вещи) и примерься сердцем своим к моей надежде взять тебя в лапы и привезти к нам, к себе в Москву...»

В феврале 1929-го Маяковский «на всех парах» мчится в Париж. Однако Татьяна и на этот раз определенного ответа не дает. По словам Эльзы, Татьяна «никогда не думала всерьез о возвращении с ним или без него в Советский Союз, который она всей душой ненавидела». Маяковский тоже догадывается об этом, он чувствует, как их отношения потихоньку загоняются в тупик. Личная драма поэта начинает принимать реальные очертания.

В апреле Маяковский покидает Париж, все еще терзаемый сомнениями по поводу ее решения отбыть с ним в Москву в качестве жены. Они отметили отъезд в ресторане «Гран Шомье» – это был веселый обед на прощание, когда люди расстаются, чтобы встретиться в самом скором времени.

«Помни, Таник, – сказал Владимир Владимирович, прощаясь на платформе вокзала, – я тебя люблю, как никого никогда не любил прежде. И пиши, иначе я сойду с ума или умру, как бешеная собака».

Они условились, что встретятся в октябре.

Маяковский отбывает в Москву. В Париж летят письма, телеграммы с жалобами на тоску, уверениями в любви, с надеждой на скорую встречу...

Брики все это время не дремали. Одна только мысль о том, что их беспечная, полная удовольствий жизнь повисла на волоске, приводила в бурное движение мыслительный процесс обоих супругов. После возвращения Маяковского из Парижа в расстроенных чувствах весной 1929 года Лилия неожиданно приглашает в гости актрису МХАТа Веронику Полонскую, красавицу-жену популярного актера Михаила Яншина – женщину легкого нрава, постоянно флиртующую за спиной собственного мужа. Захандрившего на почве разлуки Маяковского Брики затаскивают на ипподром, где «неожиданно» знакомят с Полонской. Кокетливая, красивая, жизнерадостная женщина на время увлекает Маяковского. Вскоре Вероника начинает навещать его все чаще в квартире на Лубянке. Любовница с первых же минут встречи предупреждена о том, что у него есть любимая женщина, которая живет в Париже, и их отношения сразу же определились как свободные, что, собственно, устраивало обоих.

Татьяну тем временем мучают предчувствия. Она влюблена, но не знает, как открыться

близким, однако почти готова принести себя «в жертву политике» и отправиться в «ненавистный СССР» вслед за любимым. Она отправляет письмо за письмом в Россию, но... не получает на них ответов. Из газет узнает о том, что Маяковский летом 1929 года совершает большое турне по Кавказу, отдыхает в пансионате на Минеральных водах. В сентябре он работает над пьесой «Баня», по окончании, как обычно, берет ходатайство на поездку во Всесоюзное общество культурных связей с границей. Он настроен в последний раз серьезно поговорить с Татьяной и заодно узнать причину ее долгого молчания. Еще в июле он сдает в журнал «Огонек» «Стихи о советском паспорте» – своеобразное заверение в своей преданности делу партии и государства. Однако стихи, как оказалось, пролежали в редакции без движения (они вышли в печать только после смерти поэта). На такое пренебрежительное отношение к собственным «бессмертным» произведениям Маяковский не обратил бы внимания, если бы... не пришедший отказ о выезде. Для него это было как гром среди ясного неба, первый, но, к сожалению, не единственный случай в полосе начинающихся неудач. Поэт еще не подозревает, что это было ... началом конца...

Сразу же возникает вопрос: почему отдел ОГПУ вдруг поменял свое отношение к пролетарскому поэту, который выезжал за рубеж не менее семи раз и ничего, кроме славы и пользы для укрепления имиджа советской республики, за границы не принес? Несомненно, ОГПУ, изучавшее досье каждого более-менее значимого человека, было давно в курсе его сердечных дел, как и о существовании внебрачной дочери поэта в США. Почему же до какого-то момента на все его «невинные интрижки» советские органы закрывали глаза, а сейчас вдруг стали чинить препятствия? Нет сомнений в том, что усомниться в пролетарской верности компетентным органам кто-то помог. Кто, как не самый близкий человек, мог сообщить нужную ОГПУ информацию? Во всяком случае, все указывает именно на его давно низвергнутую с пьедестала любви подругу – Лилию Брик, у которой, как известно, в данной организации были полезные связи.

Неспроста Н.Мандельштам, близко знавшая Маяковского и Брик, вспоминает: «Брик едва ли не первой начала употреблять нелитературные средства в литературной борьбе...»

Добавим, что некоторым писателям эти «нелитературные средства» стоили жизни. По этому «роковой» и достаточно умной Лиличке ничего не стоило бросить несколько фраз о некорректном поведении Володи в Париже. Нет, нет, это ни в коем случае не донос – просто искреннее беспокойство за судьбу пролетарского писателя и мировой авторитет молодой республики. Дело Маяковского попадает «под колпак» ОГПУ, и он становится «невъездным». Для отвода глаз Брикам тоже на первых порах было «отказано» в поездке в Лондон.

Маяковский подавлен, страшно страдает, не имея возможности увидеть любимую.

«Нельзя пересказать и переписать всех грустностей, делающих меня еще молчаливее. Детка, пиши, пиши. Я все равно не поверю, что ты на меня наплюнула!» – пишет он ей в своем последнем письме. Любимая не отвечает, и у него возникают сомнения в ее верности, которые и без того постоянно травмировали его самолюбие и отравляли существование. В тот момент многие знавшие поэта отмечали его замкнутость и постоянную депрессию.

Наконец Лиля Брик получила возможность опять принимать участие в судьбе и влиять на поэта, посмеявшегося сделать попытку ускользнуть из-под ее влияния. Она делает вид, что всячески пытается помочь ему в преодолении ужасной хандры, в которую впал поэт. А исподволь продолжает свою уничтожающую политику. Последней каплей было прочтение вслух письма от ее сестры Эльзы Триоле из Парижа, которое Брики получили в начале октября 1929-го.

«Володя ждал машину – он ехал выступать в Ленинград, – вспоминает великая интриганка Лиля Брик. – Я разорвала конверт и стала, как всегда, читать письмо вслух (ведь у них было условие ничего не скрывать друг от друга). Вслед за разными новостями Эльза писала, что Т. Яковлева, с которой Володя познакомился в Париже, и в которую был по инерции влюблен, выходит замуж за какого-то, кажется, виконта, что венчается с ним в Париже, в белом платье с флердоранжем, что она вне себя от беспокойства как бы Володя не узнал об этом и не учинил бы скандал, который ей может повредить или даже расстроить брак... В конце письма Эльза просила ничего не говорить Володе. Но письмо уже прочитано. Володя помрачнел, встал и сказал: Я пойду. – Куда ты? Рано, машина еще не пришла. – Но он взял чемодан,

поцеловал меня и ушел».

Спектакль великолепно режиссирован самой Брик и блестяще ею же сыгран. В обговоренном с сестрой письме (Эльза к тому же была неплохой писательницей) все продумано до мелочей. Здесь и реальные персонажи (Маяковский лично знал симпатичного поклонника и давнего воздыхателя Татьяны виконта дю Плесси), и достоверность деталей, и беспокойство невесты, и подвенечный флердоранж (лирический поэтический символ). И то, что Лиля читает вслух в присутствии Маяковского, отлично сознавая, что режет ножом его сердце, и то, что просьба «ничего не говорить Володе» заботливо перенесена в конец письма, и этот злополучный подвенечный флердоранж, – все свидетельствовало о том, что мизансцена определенно отработана и имеет вполне определенную цель. Этого не понимал лишь ранимый, уязвленный в самое сердце поэт. Его вера в то, что все написанное Эльзой – правда, еще больше подогревали его и без того мрачные подозрения о том, что любимая забыла о нем, ведь все его послания в Париж оставались безответными. Только Брикам было известно, насколько Татьяна сама была обеспокоена молчанием Маяковского. Письма из Парижа просто не доходили до Володи, как и его собственные письма до возлюбленной Татьяны, усилиями четы Брик они были задержаны еще на почте и отправлены «для рассмотрения» в ближайший отдел ОГПУ. А между тем, в том же октябре 1929-го, Татьяна, задетая за живое молчанием «без пяти минут мужа» Маяковского, полгода до того не получавшая от него писем, переступив через собственное самолюбие, посылает ему письмо, в котором сообщает о том, что к ней сватается виконт дю Плесси, «лихой автомобилист» и она не знает, как ей поступить (однако никакого упоминания о свадьбе в письме еще нет). Но и на это ее откровенное письмо Маяковский «ответил» гробовым молчанием. Историю с предложением руки и сердца парижская «сказительница» Триоле опередила на два с половиной месяца. Истолковав долгое «молчание» Володи по-своему, Татьяна решила, что влюбчивый импозантный мужчина, окруженный толпой поклонниц, за время затянувшейся разлуки просто охладел к ней. Кроме того, до нее дошли слухи (естественно, благодаря Эльзе), что его больше не выпустят за границу...

Венчание Татьяны с виконтом дю Плесси состоялось в декабре 1929-го.

«Мне неизвестно, отработала ли Лиля задание ОГПУ или ОГПУ по собственному почину помогало Лиле, но результат устроил обе стороны», – писала Татьяна Яковлева позже в своих мемуарах.

История с замужеством Татьяны («ее коварная измена») стала сильным психологическим ударом для Владимира Маяковского. Он с головой уходит в работу и возобновляет свои ухаживания за Вероникой Полонской. Однако неприятности с той поры начали преследовать поэта – машина, запущенная Лилей Брик, набирала обороты. Начались неполадки с «Баней». Репертком чуть ли не ежедневно устраивал обсуждения пьесы на различных худсоветах, где поэта обвиняли в халтуре. Наконец 23 января 1930 года состоялась долгожданная премьера «Бани», после которой местные газеты разнесли ее в пух и прах. В газетах одна за другой появлялись статьи, обвинявшие поэта чуть ли не в антисоветизме. Окружающие поняли, что на поэта началась настоящая, кем-то хорошо организованная травля.

21 января на траурном митинге, посвященном очередной годовщине со дня смерти вождя революции, Маяковский читает свою поэму «В.И. Ленин» в присутствии всех членов Политбюро и по всему – имеет оглушительный успех. Однако неделей позже, в опубликованном «Огоньком» списке наиболее значительных работ о вожде, его поэма не числится. Теперь и сам поэт понимает, что все, происходящее с ним, не случайно. Напуганный травлей рапповцев (партия РАПП), он объявляет созданный им в июле 1929 года РЕФ (Революционный фронт) устаревшим и переходит в РАПП. После такого шага ближайшие соратники отворачиваются от него. Дружеские отношения с ним разрывают даже близкие из близких – Н. Асеев и В. Кирсанов.

Наконец, подходит время открытия его персональной выставки «20 лет работы». Маяковский отправляет приглашения всем членам Политбюро, правительственным чиновникам. Никто из них не появился на выставке, как и братья по перу.

И, наконец, последней каплей во всей этой фантазмагорической череде событий стало выступление Владимира Маяковского в Плехановском институте. Он пришел уставший, совер-

шенно больной, в мрачном предчувствии страшной беды. Перед выступлением работник типографии показал поэту его портрет с надписью «В. Маяковского – великого революционного поэта, замечательного революционера поэтического искусства, неутомимого соратника рабочего класса – горячо приветствует «Печать и революция» по случаю двадцатилетия его творческой и общественной деятельности». Приветствие должно было появиться в журнале накануне открытия выставки, однако по приказу свыше было вырезано из уже готового тиража.

Окончательно добытый этим известием Маяковский появляется на хорошо знакомой сцене Плехановского института. В горле – непроизвольный спазм, а в зале и вовсе творится невообразимое – смех и гогот, выкрики, что его стихи – очевидная мура и непонятны простому читателю (интересно, что «подсадная утка» в зале, работающая по заданию все того же ОГПУ – человек по фамилии Крикун). Для впечатлительного, эмоционального поэта все происходит словно в кошмарном сне. Впервые он покидает сцену не победителем, не под несмолкаемые аплодисменты благодарных зрителей, а побежденным – под уничижительное улюлюканье и свист тех, кому он посвящал свои амбициозные пролетарские гимны.

Отношения с Полонской тоже заходят в тупик. Отчаявшийся Маяковский в категоричной форме предлагает ей разойтись с мужем, артистом Яншиным, уйти из театра и переехать к нему. Каждое их объяснение в ту пору заканчивается бурной ссорой, выяснениями, Маяковский, доведенный последними событиями до «точки», намекает Полонской на самоубийство в случае, если и она покинет его. На что не на шутку перепуганная Вероника Полонская советует поэту обратиться к психиатрам.

...Утром 14 апреля 1930 года Маяковский заехал за актрисой домой и привез ее в комнату на Лубянке. Прямо с порога, не снимая пальто и шляпы, он вдруг уселся на пол и заплакал навзрыд, уронив лицо в ладони. Началась обычная для этого периода его жизни истерика. Полонская опаздывала на репетицию, к тому же их встречи с некоторыми пор ее начали тяготить. Вместо обычного приятного флирта со знаменитостью она была втянута в чужую личную драму – это не входило в ее планы, как и расставание с безгранично влюбленным в нее и поэтому терпящим все ее интрижки на стороне Яншиным. Она была не настолько глупа, чтобы не понимать происходящего. Но закончить затянувшийся роман сейчас же, видя состояние поэта, все же не решалась. Поэтому, кое-как успокоив Маяковского, поспешила удалиться. Однако не успела она дойти до парадной двери, как услышала выстрел. Полонская еще застала поэта живым. На его груди расплывалось кровавое пятно, а по лицу разлилась молочная бледность. Жизнь отсчитывала последние секунды, и ничего уже нельзя было поправить...

15 апреля, во вторник, из Лондона прилетели Брики, а в четверг состоялись пышные похороны «великого пролетарского поэта». На сей раз пришли все – и друзья, и недруги. Некоторые плакали. На поминках в Гендриковом пили традиционный чай, даже слышался смех – трагедию здесь восприняли буднично. Позднее Лиля Брик, дабы отвести от себя все подозрения, так охарактеризовала это самоубийство: «Да ведь это не первая попытка была, а третья: первая была в Петрограде, в 1915 году, тогда пистолет дал осечку. Почему застрелился? Потому что ненормальным был».

Как бы сложилась судьба пролетарского поэта, если бы ему не помешали встретиться с любимой Татьяной, сказать трудно. Как сложно себе представить, что произошло бы с ней самой, вернись она в Россию в качестве жены Маяковского. Скорее всего, учитывая связи и возможности «отставной музы» Лили Брик, рано или поздно она разделила бы участь большинства возвращенцев (патриотов), отправившихся в лагерь ГУЛАГа или сгинувших в застенках ОГПУ. Несомненно одно: данный «адюльтер» с бывшей соотечественницей сыграл в судьбе пролетарского поэта свою трагическую роль. Об этом совершенно ясно пишет ближайший друг, посвященный во все сердечные дела поэта, В. Каменский, Л. Орловой – матери Татьяны: «Простите, Любовь Наумовна, но писать о причинах смерти моего друга юности Володи Маяковского сейчас не могу, т.к. до сих пор не в силах отнестись к этому более спокойно...Одно ясно – Таня несомненно явилась одним из слагаемых общей суммы назревшей трагедии. Это мне было известно от Володи: он долго не хотел верить в ее замужество. Полонская особой роли не играла. За эту зиму (мы постоянно встречались) Володя был одинок как никогда и нигде не находил себе места. Нервничал до крайности, метался, пил. Он израс-

ходовал свои силы, сгорел на огне работы и жизни».

Перед тем, как нажать на курок, Маяковский оставил записку с предсмертными строками:

**Как говорят –
«инцидент исперчен»
любовная лодка
разбилась о быт.
Я с жизнью в расчете
и не к чему перечень
взаимных болей,
бед
и обид...**

Каждая из трех дам сердца поэта отнесла эти стихи на свой счет. Принято считать, что посвящены они незабвенной Лиле Брик. Однако, судя по всему, как раз ее эти строки касались менее всего. Их интимные отношения прервались еще в далеком 1925 году, она была не более, чем идеологическим соратником поэта, хорошим другом. И уж точно, не Веронике Полонской, с которой он сошелся от тоски и одиночества, следуя скорее «зову мужской плоти». Она утверждает в воспоминаниях, что Маяковский сам говорил, что «эти стихи – Норочке». Однако стихи были взяты поэтом из дневников, и датировались началом 1929 года, когда был в разгаре непростой, бурный роман с эмигранткой Татьяной Яковлевой.

«Любовная лодка» разбилась, как показалось Маяковскому, о быт, а на самом деле – об эгоизм окружающих его людей, о стену человеческой несвободы, которые добротой выложили коммунисты.

После смерти Маяковского Лиля Брик ринулась в атаку, вроде бы защищая доброе имя поэта от окололитературных деятелей. На самом деле прагматичная муза боялась одного – если низвергнут идола, уйдет в забвение и ее имя. Потому она пошла верным, проторенным путем – пишет обстоятельное письмо И. Сталину (сказывается удачный опыт сотрудничества с ОГПУ) с указанием фамилий обидчиков, чернивших имя «великого пролетарского поэта, которого знает и ценит весь трудовой мир». На данном письме Сталин ставит свой приговор «склочникам»: «Свяжитесь с ней (Брик), или вызовите ее в Москву, привлечите к делу Таль и Мехлиса и сделайте, пожалуйста, все, что упущено Вами. Если моя помощь понадобится, я готов. Привет! И.Сталин».

Так Лиля Брик взошла на советский пьедестал литературы вместе с Маяковским. И, разумеется, как его официальная муза и наследница, имеющая к тому же «полезные связи» на всех уровнях советской государственности, она постаралась уничтожить любые воспоминания о «самой чистой, безоглядной и настоящей» любви поэта – певца пролетарской революции Владимира Маяковского.

МАРАТ ШАФИЕВ

ГРОМКОЕ МОЛЧАНИЕ

**Покоя нет и воли нет,
а женщина о том не знает
и каблучками лед ломает,
в своих зрачках не тушит свет.**

**В водоворот вселенских бездн
нас ввергли, не спросив желанья,
но даже капля состраданья –
есть оправданье здешних бед.**

**Пусть ничего не изменить,
но нам хватило губ и хлеба...
И счастье катится по небу
и тянет солнечную нить.**

Быть или не быть

**«Oïm-olım...» – на тюркском прозвучала
великая Шекспирова строка,
и вот уже от общего начала
в две стороны расходится река.**

**Одна лишь буква – постаревший сразу,
ответственность за мир один неся,
толмач, подумав, выбирает праздник,
и солнце пробуждается, смеясь.**

**Между комичным или же космичным –
один прыжок. И у свинцовых вод
стоит Харон – космат, косноязычен, –
и вслушивается в страшный перевод.**

Диалектика

**Айвовое дерево
в старом дворе:
поливают нижние соседи,
плоды срывают – верхние...**

Непридуманный сон

Во сне я разделся, а ты не гнала
и мягкой рукою ласкала...
(Соседка по комнате здесь же спала –
ее это все не касалось).

А ты говорила:

«Мне легче вдвоем...»

Мы дергали дверь в душевую,
плескалась водица...

«Давай подождем
минутку – совсем небольшую...»

Мы жизнью заплатим за этот Сезам...

И воздух общаги сгущался,
и нас обступал настоящий бедлам,
где не было места для счастья.

Ни в яви, ни в сне я к тебе не прорвусь,
и сердце смертельно тоскует –
о, как бы тебя я читал наизусть,
по буковке каждой смакуя!..
О, лучше б тебя было вовсе не знать –
живут же довольные люди...
И их не тревожит проявленный знак,
и шорох за стенкой не будит.

Голос знакомый, а кто – не пойму:
то ли Ариша, то ли Аиша...

Двор, переход, черепичная крыша,
мир, отошедший в белесом дыму.

Не по уму мне теперь различать:
жизнь в неудачах своих – совершенство,
все принимать без изъянов – блаженство,
жизнь того стоила, чтоб прозвучать.

Голос звучащий извне – ты во мне!..
Будто и вправду, в тот день до-творенья
предощущение стихотворенья,
долго томившее, сбылось вполне.

Окаменевшим моллюском,
настоянный на крови,
храм –
позабытый и маленький,
громко молчит о любви...

Колдунья

На твоих ступенях «SALVE»
высечено – как в Баку...
Вильнюс твой хочу прославить,
дом, лежащий на боку.

«Только тайну поважнее
я доверю – это стих
из латинских наваждений,
лабиринтов крепостных».

«Нет, не мучай меня, злая,
я не так переведу:
я за Стикс дорогу знаю,
если хочешь –
 проведу».

Мне даже не надо с тобой говорить,
мне просто сидеть, прижимаясь плечами...
Печатью ожога нас жизнь помечает
и песнею крестит, ночной, горевой.

Не бойся ее, ведь счастливой любви
весна скоротечна, но накрепко с кровью
любовь породнилась искони с тоскою,
захочешь любви –
 их обоих зови...

Еще мы рядком, в ожиданье удара
судьбы неминучей... Мгновенье – не мало,
довольно понять, как бы нас ни кромсало,
что все в этом мире случилось –
 недаром.

Здесь женщина живет. Одна.
Ей в мегаполисе тревожно,
что можно не дожидаться дня,
где невозможное – возможно.

А на балконе реет флаг –
косынкой красной на прищепке,
как бы руки призывный взмах
и на ветру, и на припеке.

Не в девичью любовь,
не в горький омут чаши –
нет, я бросаюсь вновь
в водоворот кипящий.

Я отдал жизнь тебе –
чего еще ты хочешь?..
Поэзия в судьбе,
и не переиначишь.

А все лишь потому,
что той весной однажды
пересекла толпу
и мне кивнула важно.

Шутливое под Рождество

...Я уже дошел до ручки,
и мозоль от авторучки,
и диктуют черти мне,
что внутри и что вовне.

Я себе не дую в ус –
скорозапись без оглядки,
может, позже разберусь:
это шабаш или Святки.

Я научился хорошо писать стихи,
и это мне наградой за юность:
болтанку среди космических стихий,
где гонят отовсюду – если сунусь...

Ценою жизни выкупаю власть
на слово, на широкое дыханье;
пусть под конец –
но надышаться всласть,
на дне времен сыскав свое призванье.

Пред Господом предстану:
«Вот – души
две-три крупички... Если что-то значу,
прими в ладонь. И медленно сожми.
А если нет –
убей меня иначе».

АЗЕР ЭФЕНДИ

САКИТ

(Прощание с улицей Советской¹)

Летом было... Да, воздух раскалённый... Но вечер пришёл, небо чуть-чуть тёмное стало – уже жить можно... Тем более, Советская наверху идёт – быстрее остывает. Ушах-мушах² с вёдрами выскакивают, из кружки ворота, улицу поливают. Аксакалы с табуретками выползают – в нарды стучат, чай пьют. Машины мимо туда-сюда... ну, что делать? теперь так-да – ничего... А тогда – улицу закрыли, асфальт клали – тишина, покой! Нет, где кладут: шум есть. Но кладут как? кусок – кусок... Половину уже сделали, как раз тогда случилось... Асфальт как чёрная икра – банку откроешь! Дети на великах катаются – кайфуют! Взрослые посреди улицы ходят-гуляют – Первомай устроили!.. Только Гусейн, инвалид-сапожник, три дня в своей будке сидит – никуда не выходит... Понять можно: человек всю улицу – сколько лет! – в кулаке держал! Когда в тюрьму уходил – за него сыновья оставались. Как-никак между отсидками семь сыновей на свет пустил! Они тоже просто так дома не сидели: один из тюрьмы выйдет – другой пойдёт... Гусейн на воле порой скучал – говорил: «Тюрьма – мой дом родной». Вся улица по поняткам жила – честь знала! Раньше как было? На углах ребята – пять-шесть человек стоят, женщины мимо проходят – мать, сестра, ещё кто – ребята глаза опускают... А сейчас?! Уставятся и разглядывают, и в глаза дерзко смотрят, и слова ещё бросают: «конфёт, вафлы, сметанка...». Нет – раньше такого не было. А почему? А потому, что раньше все травку курили – чистый продукт, а теперь ширва всех испортила! А против ширвы Гусейн что сделает?! Он же не Мелик-Мамед! Ну и что, что семь сыновей – ширва сильнее! А потом у Гусейна своё горе есть: Сакит – восьмой сын... Он как рос? Всем братьям, отцу тапочки приносил, за сигаретами, водкой бегал, «Жигулёнка» всегда мыл (братья, когда не в тюрьме – шоферили), в школу ходил – правда, силы в учении у него не было – и всегда тихий был. Имя Сакит – и сам всегда тихий, как будто не Гусейна сын! Женился рано, и с женой тихо жил. Даже соседи иногда – шушушу: «А что – Сакит?!. Сакит вечно под юбкой Сугры сидит!..», но до Гусейна же это доходило – он страдал!.. Гусейн с сыновьями жил одним большим двором: одноэтажные, плоскокрышие домики с шушабендом лепились один к другому, ворота тёмно-бордовым суриком покрашены. А Сакиту (внутри места уже не было) пристроил рядом: две комнатки, забор, небольшой двор, ворота голубые, прямо на углу – откуда хочешь, заезжай!.. И вот теперь третий день ни с кем не разговаривал, в сапожную никого не пускал – ЖДАЛ!.. Гусейн не мальчик, понимал: улица всё знает, поэтому лица не мог показать. Иногда он видел, как соседи мимо окна проходят, глаза опускают – жалеют его! Лучше бы на куски порезали! Родственники пытались проползти, слюни пустить – не открыл! Дверь же ломать не будут! Они стучались – Гусейн молчал, терпел... только глаза наливались кровью и в башке гремело: «А!.. Прибежали?! Родственнички... волчьи пасти

¹ Советская – когда-то улица в Баку, куда не заглядывала милиция

² Ушах-мушах (азерб.) – ребятня.

– собачьи хвосты!.. Хотите видеть, как Гусейн дерьмо жрёт?!. Вот вам!.. – стоя на одной ноге, он резко колыхнул пах вперёд-назад. – Куда рвётесь?!. Одно кривое слово услышу – кровь пущу! Это хотите?!..», – и в подтверждение мысли взглядом точно выхватил остро наточенный сапожный нож, лежащий на низком столике... Сыновья, которые были на воле, тоже из дома старались не выходить – только жёны. А у жён соседи тихо спрашивали: «Ну, как?..». А что они могли сказать?! Ну, подсмотрели: утром рано Сакит открыл голубые ворота, вывел, как коня, свой белый «мерседес» и уехал... Куда уехал? Зачем? Сакит-да!.. Одна невестка не сдержалась: «Да эта Сугра мне ещё на свадьбе не понравилась. Хоть свадьба раздельная, мужская-женская была, но музыканты что – не мужчины?! А она – ай! – где твоя скромность, Сугра?! – так на них и пялилась!». Что ещё сказать?!. Да, натворила делов сучка – жена его! Ширва ширвой, но какие-то понятки на Советской ещё остались же! На всей улице теперь покоя нет! Мужчины мрачные ходят, нервные – ждут, чем дело кончится, дома жён чморят... а у женщин повод: во дворах собираются и трендят... В мастерской Гусейна было ещё окно, переделанное из двери, которая раньше вела в чужой двор, но когда Гусейн прикупил под мастерскую эту комнатку, он дверь заложил и оставил маленькое окошко для проветривания. Оно густо-густо было заплетено виноградником снаружи, а внутри под ним стояла раскладушка, на которой прилёг Гусейн. Ожидание душило его. Он уже начал сомневаться во всём. Он уже думал: «А мой ли это сын вообще?! Мой сын сразу бы всё решил!». И он прилёг и стал припоминать, как после последней отсидки он взял свою Гюльбадам... «Может быть, старый уже был – поэтому так?– скользнула горькая мысль. – Нет! Было от всей души, как в первый раз!..». Он прикрыл глаза, и как будто вместе с тем открылись его уши: ему вдруг стало слышно, как во дворе под виноградным навесом звенят блюда и стаканчики-армуды – кто-то расставляет их, потом глухой звук – поставили на стол сахарницу с колотым сахаром, запах душистого чая, как радуга, проник в окно, и голос – тихий, вкрадчивый...

– Мой отец, когда был маленький – это он мне сам рассказывал – слышал голоса. Однажды он лёг, но ещё не спал, и слышит, как чей-то знакомый голос зовёт его: «Рустам, Рустам, иди сюда...», – и он пошёл. А жили они тогда в районе, в Газахе. И вот он говорит: «...иду, иду и вдруг мне кажется – я слышу плеск воды, и я захотел посмотреть, и открыл глаза, и смотрю – я (ай, аллах!) действительно стою у реки... И тут появился отец, он разозлился на меня, закричал: «Ты зачем, негодяй, ночью убегаешь к реке?!»– и ударил его. А на берегу реки и у порога никогда нельзя же бить детей... это места, где ходят джинны... Ага... и когда он его ударил, то случайно задел балашку¹ джинна. И после этого каждую ночь бедный ребёнок начал задыхаться, как будто кто-то душит его!.. В семье он был тогда только один ребёнок, все растерялись, не знали, что делать – побежали, рассказали дедушке. А дедушка был такой – он много всего знал, он сказал: «Ничего. Не бойтесь. Я знаю, что делать». Достал Гуран, хадисы, ещё какие-то молитвы и стал читать... и потихоньку джиннов взял в кольцо, закрыл их именем Сулеймана... И они уже не могли ничего делать и стали плакать, просить его: «Отпусти нас, отпусти... если отпустишь, мы семь поколений твоего неслия² не будем трогать – близко не подойдём! Ну, что ж... дедушка (мой прадед) их отпустил... И правда, вот сколько живём – и я, и мои дети – Гурбан олум Аллахá!³ – никто нас не трогает...

¹ Балашка (азерб.) – малютка.

² Несиль (азерб.) – род.

³ Гурбан олум аллаха! (азерб.) – слава тебе, Господи!

Соседка согласно кивнула головой и сказала: «Да, у нас в роду тоже было... Мама рассказывала, что когда её дедушке было пять лет – они тоже тогда жили в районе – как-то ночью он проснулся – пить захотел... Они летом все вместе на крыше спали – там из досок был широкий топчан... Проснулся, только успел тихо позвать: «Мама, пить хочу... дай воды», и видит: на углу крыши сидит голая женщина, и только длинные золотые волосы закрывали её. Она сидела и расчёсывала их, но глаза у неё были стеклянные, как у мёртвых. Когда он увидел глаза эти, хотел закричать: бисмиллах¹ – от джиннов это слово спасает! – но у него получилось: пасмала (он всегда смеялся, когда вспоминал, и мы тоже всегда смеялись), и он потерял себя – упал!.. Утром встал – что потом было, говорит, не знаю.

– Да, – сказала первая со знанием дела, – это точно был джинн – тут ничего не скажешь.

– Да, – согласились все три.

– А у меня дедушка был известный музыкант, – сказала третья. – Ну, я рассказывала – его на все свадьбы приглашали – он на бубне играл и пел. Однажды приходят – зовут... Ну, он пошёл. На фэртоне привезли – смотрит: дом, как конюшня, длинный, ворота широко открыты, и внутри столы, столы... На столах – что хочешь, есть... Народу полно – папахи дорогие, каракулевые... Все радуются – зовут его петь... Ну, он и пришёл для этого – запел!.. Ах, пел так, что ещё чуть-чуть – у гостей сердце от удовольствия лопнет!.. Потом хозяин говорит: «Ай, спасибо тебе! Сколько на свете живу – такой шербет мои уши первый раз пьют! Теперь садись, отдохни, поешь... Что хочешь – к твоим услугам...». Ну, дедушка руки помыл, сел – он настоящий мусульманин был – так есть не будет, сначала слово молитвы сказать надо... Он руки для молитвы поднял, а хозяин к нему бросается, умоляет: «Не говори!.. Не говори это слово!..». А как – «не говори!», когда привычка!.. И дедушка, от себя независимо, сказал: «Бисмиллах!»... И тут все лампы керосиновые лопнули – дым, смрад пошёл... Темнота и вонь!.. Дедушка смотрит: окна разбиты, никого нет... а на столах – луна светит – где та еда?!.. Одни кашки собачьи валяются!.. Вот как!..

– Да, – сказали все три, – это точно: свадьба джиннов была...

«Да, – подумал Гусейн, – может быть...»

Он втянулся в эти рассказы и стал размышлять: «Ну, и что? что это женщины говорят – в жизни всё может быть...». Он вспомнил, как профессор-зек говорил ему в тюрьме: «Гусейн, посмотри – всё, что отцы наши древние в сказках придумали – сыновья открыли! Значит, сказка и жизнь – одно и то же!». Ему вспомнились столы, столы... когда его чествовали на зоне, когда с воли пришла весть о том, как его Тофиг, его пятнадцатилетний сын, постоял за честь улицы... Как-то вечером по Советской шли подвыпившие, четыре здоровенных амбала. Шли посреди улицы и нагло орали: «На этой улице мужиков нет! Ну, где вы?! Спрятались?! Дырки вы – не мужики!!!». Наглость была такой дерзкой и неожиданной, что мужчины, которые стояли и сидели по сторонам улицы, на какие-то мгновения растерялись!.. Но только не сын Гусейна!.. Мальчик забежал домой, схватил найденную на свалке рапиру, выскочил навстречу и первым же ударом отсек мизинец одному из жлобов – тот взвыл, как зверь. Тофик, не останавливаясь, махал рапирой из стороны в сторону, заставляя их пятиться и уворачиваться от ударов... а дальше уже улица сделала своё дело...

...И Гусейн заснул с улыбкой праведника на устах...

¹ Бисмиллах! (арабск.) – Во имя Бога!

Три дня назад, вечером, Сакит вернулся домой (из Германии хозяину машину перегонял).

Брат не дал зайти – сказал: разговор есть. Сакит по глазам видел: плохие дела... Он ещё с дороги, уставший был, и под дыхалкой у него заныло... Каждый раз из Германии не хотел возвращаться – люди живут: чистота-порядок, э!.. Брат конкретно: мол, так и так, что знал, без подробностей рассказал – сказал:

– Сакит, это тебе – не шутки... Ты должен как надо всё решить...

Сакит кивнул головой и ушёл... Ушёл к другу, ночному сторожу на автосто-янке...

А с подробностями уже третий день подряд рассказывали очевидцы: соседка Зарнигяр и её сын Эльхан – конечно, каждый в своём кругу. Пацан кайфовал – ему тринадцать, а его семнадцатилетки в сторону вели, руку на плечи клали – по-свойски, просили: «Братишка, ну давай, что было, расскажи...». Эльхан рассказывал, и каждый раз, когда он доходил до: «...bilirsüz necə?! ...onu elə də, belə də...»¹ В ответ раздавалось: «Ай-дааа! Ай-дааа!..», вырывался дикий, ишачий смех... и кто-то, уже не выдержав восторга, говорил: «Всё!.. Мән keyf elətməyə getdim...».²

А что было?.. Утром пацан залез в голубятню на крыше, воду голубям менять. Оттуда вдалеке море видно, а вблизи как раз Сакита двор. Чумазая девчонка трёх лет голышом по веранде туда-сюда: топ-топ-топ... Сугра огрызнулась: «Bəsti də!.. Vaşım ağrıyıq уже!..»³ и выскочила в ночной рубашке во двор. Повесила детские трусики, майку на верёвку, перед носом белого «мерседеса»... как – «мерседеса»? 530-ой Ешки-да... В зубах связку прищепок держала... Ворота скрипнули, щель слегка открылась, но никого не видно... потом стук: «Можно?!..»... В ворота протиснулся рабочий – долговязый, жилистый парень в синей майке, с жёсткими рыжими волосами... глаза голубые... Сугра подумала: «Наверное, лезгин»... она положила прищепки на капот «мерса»...

– Чего боишься? Заходи, в доме никого нет...

Парень вздрогнул, под ложечкой у него заныло – зачем сказала «в доме никого нет?!»...

– Хозяйка, я хотел воды попросить...– ночнушка Сугры в лучах восходящего солнца ничего не скрывала!..

– Зачем воды?! Иди, иди сюда... я тебе чаю дам...

Он подошёл. В глотке у него пересохло...

– Чай с чем дать?

– Что дашь – дашь-да...

Сугра смотрела на него в упор и видела, как у него на лбу выступила испарина, и синяя майка под мышками потемнела. От него исходил острый запах гудрона, асфальта, пота... Крылья носа Сугры дрогнули как у гончей, взявшей след, и она медленно стала задирать подол...

– А это?.. Скушаешь?!.

Парень рухнул на колени, сжал её плотные бёдра, и в образовавшуюся воронку погрузил лицо, как в мечту... В одну долю секунды он успел умереть и родиться заново, не веря, что это происходит с ним, и что так может быть вообще!..

¹ Bilirsüz necə?! ...onu elə də, belə də... (азерб.) – Знаете как?!.. её и туда, и сюда...

² Mən keyf elətməyə getdim. (азерб.) – Пойду, кайфану.

³ Bəsti də!.. Vaşım ağrıyıq уже. (азерб.) – Хватит-да! Уже башка трещит!

Зарнигяр пятнадцать минут назад посылала сына на ту сторону, тендирный чурек к завтраку купить. А его нет и нет... А что тут? – дорогу перейти!.. Соседи напротив к завтраку и к обеду чурек пекли... Зарнигяр вышла во двор: «Смотри!.. Запах горячего хлеба уже сюда пришёл, а этого негодяя всё нет, ай, сын своего отца – где ты, á?!», – она с досады шлёпнула себя по бедру и возвела глаза к небу!.. Ага!.. Эльхан как изваяние сидел в клетке, врезавшись лбом в сетку из стальной проволоки!.. Зарнигяр не стала кричать, она взяла охлов¹ и тихо поднялась наверх. Эльхан ничего не слышал. Она подкралась вплотную к сыну и, не говоря ни слова, вцепилась в ухо так, как будто хотела оторвать!.. Зарнигяр ожидала, что Эльхан завопит, и тут уже она отведёт на нём свою душу!.. Но, к её удивлению, он только тихо-тихо заскулил и головой ещё больше вжался в стальную сетку... Она случайно глянула вниз... *Vay dədəm vay!!!*² – и на капоте белого «мерседеса» увидела такое!!! О чём потом три дня подряд рассказывала всем без остановки, и две ночи уже не могла спать: это «кино» всё время доставало её, и этот муж – тоже ещё! – как назло уехал в район родственника хоронить!..

Ночным сторожем на стоянке работал Ага-Селим, Сакита дружбан с армейских лет. Он тоже был тихий, не любил шум, потому что его блестящие чёрные глаза в оправе жёлтых белков всегда были под шапкой.

– ...Ага-Селим, *bir şey var səndə...*³

– *Gəl*,⁴ – они пошли, петляя между машинами, в дальний конец стоянки.

Там стоял старый, разбитый ГАЗ-21. Машина стояла уже лет десять. На ней разбился один пацан, и его отец сказал: «Не буду чинить... Пусть сгниёт!..». Наказал...

Ага-Селим со скрипом открыл искорёженную переднюю дверцу на проржавевших петлях и из-под сиденья вытащил мешочек с «травой»... Они сели сзади, чтобы кривой руль не мешал... Закурили... Небольшой прожектор с той стороны частично освещал салон и клубы фиолетового дыма, который улетал в апшеронские небеса. Сакит провёл здесь два дня. В ночь на третий Ага-Селим сказал:

– Сакит, больше тянуть нельзя. Хочешь, пойду с тобой?..

– Нет.

– Я принёс кое-что, выбирай, – он стал разворачивать промасленную холщёвую тряпку – послышался противный лязг железа, – вот...

Там были: финка, сапожная заточка, стамеска, шило...

Сакит выбрал шило – у него была гладкая, круглая деревянная ручка – и Сакит выбрал шило. Он стал беспокойно искать на себе, куда бы его пристроить – уколось!.. «Зачем? зачем я вернулся, ишак!», – мелькнуло в мозгу... Не найдя решения, он на пока воткнул шило в спинку переднего сиденья.

– С утра пойду...

Ага-Селим молча кивнул...

– Надо было тебе?!.. её из села тащить!

– Я думал: из села – за домом будет смотреть, послушная будет...

– Послушная жёна, – Ага-Селим назидательно потряс указательным пальцем у виска, – бывает у тех, кто с утра вместо «доброго утра» *qaraz*⁵ раздаёт, – философски заключил он.

¹ Охлов (азерб.) – скалка.

² *Vay dədəm vay!* (азерб.) – вот это да!

³ *Bir şey var səndə?* (азерб.) – косячок найдётся?

⁴ *Gəl* (азерб.) – идём.

⁵ *Qaraz* (азерб.) – подзатыльник.

Сакит уже сделал несколько затяжек и, не слушая его, машинально кивал головой. Мысли его были в Германии с рыжеволосой Анной-Марией – костистой, выше него ростом, у которой он покупал пиво с солёными колечками, а потом, когда заканчивалась её смена, провожал домой... Она варила кофе, аккуратно разливала в маленькие чашечки, доставала из бара малюсенькие серебряные стопочки – наливала коньяк... говорила: «Und komm zu mir mein schwarzer tiger!»¹, и тянула его в ванную... Эх!.. чистота-порядок... люди живут!.. А что он?! слышал в отцовском доме всю жизнь: «Çəpiş, tez ol! тапочкá gətir!»...²

Утром, затемно, чтоб никому не попадаться на глаза, Сакит пришёл домой. Петух в курятнике дёрнулся, но кричать не стал. Сугра спала на веранде. Сакит тихо открыл дверь. На плече у него висела спортивная сумка. В темноте он нащупал замочек молнии, но пальцы дрожали, и он не сразу подцепил его... Сакит хотел бесшумно, без треска раскрыть молнию, и потому тянул замочек медленно-медленно, так медленно, что, несмотря на утреннюю прохладу, у него вспотели подмышки. «Дурак... темень – кто видит?!... надо было в руке нести, уже было бы: раз – и всё!..», – с досадой, подумал Сакит. Он клал шило сверху, это точно... но сейчас никак не мог нащупать его... «Может, выскочило?! – заволновался он, – ааа, нет... Allaha şükür ki!..³ здесь...», – он ощутил в ладони гладкую выпуклость деревянной рукоятки – и от души отлегло... В эту же секунду он сделал резкий шаг и, ударившись щиколоткой, сшиб маленькую скамеечку. Раздался такой бабáх-бáбáх-бáбáх, как будто звук лупил его по башке – и он зажмурился и втянул голову в плечи.

– Сакит, ты?.. Э!.. даже приехать не можешь как человек!

Сакит полностью растерялся...

– Подарки привёз?

– Куклу, шоколад...

– Э!..

Это ненавистное животное лежало перед ним в постели – в руке он сжимал рукоятку шила, но душа рассыпалась, как песок, и по всему телу разбежалась мелкая дрожь... Он же собирался воткнуть это шило и раз, и десять раз, как в тюфяк! Но – когда этот тюфяк заговорил!..

– Деньги привёз?

Сакит молчал.

Она открыла глаза – он спрятал шило за спину.

– Я сейчас уеду, – сам не понимая, что говорит, сказал Сакит.

Она с удивлением уставилась на слегка освещённый со стороны окон силуэт...

– ...уеду на несколько дней... – говорил он, ещё не зная, как сказать: куда и зачем?

Сугра встрепенулась:

– Деньги оставь. Sakit, bu gün mənə срочный укладкá lazımdır⁴ – всё!..

Сакит вышел во двор. Ему было холодно – его бил озноб. И в голове мозги пузырились, как Боржом, и он ни на чём не мог остановиться. Решения не было. Он, как сомнамбула, подошёл к машине, вышвырнул в кусты шило (оно мешало ему открыть дверцу), сел за руль... Вытащил из пачки сигарету – Ага-Селим дал ему готовые, на-

¹ Und komm zu mir mein schwarzer tiger! (нем.) – Ну, иди же ко мне, мой чёрный тигр!

² Çəpiş, tez ol!.. тапочкá gətir! (азерб.) – Козлик! А ну п-шёл за тапками!

³ Allaha şükür ki!.. (азерб.) – Слава Богу!

⁴ Sakit, bu gün mənə срочный укладкá lazımdır. (азерб.) – Сакит, сегодня мне срочно нужна укладка.

битые «травкой» – и закурил... Он становился тормознутым, когда шабил анашу. Сакит выпустил из ноздрей сладковатый дымок, небо впереди порозовело... выпустил ещё, небо стало светлеть – ещё и ещё... – небо сделалось лёгким, прозрачным... и, наконец, мягкий солнечный луч прошёл сквозь лобовое стекло, и салон, плотно набитый клубами дыма, засветился, как сиреневый кристалл. Сакит засмеялся – ему показалось, что это он помог солнцу залезть на небо. Сигарета была скурена до фильтра, но пепел не упал – стоял столбом. «Это очень хорошо! – на полном серьёзе подумал Сакит. – Это хороший знак!». Он вылез из машины и оглядел двор... такой окурочник выбросить он не мог – надо было сохранить... Рядом с дощатым, выбеленным извёсткой туалетом, на стене у ворот висела эмалированная раковина, и над ней была прибита полочка. «Да, вот туда...туда! Это – самый хорошо...»... Он поставил стоймя окурочник на полочку между розовым обмылком и кусочком разбитого зеркала – ветра не было... Всё получилось... С души как будто камень упал – дело сделано – и рука машинально потянулась к кармашку тенниски. Сакит вытащил из плотной пачки ещё одну сигарку, прикурил, заботливо прикрывая её рукой от ветра – хотя никакого ветра не было – и, всё оглядываясь на стоящий на полке окурочник, пошёл открывать ворота... (это был как раз тот момент, который подглядела жена брата). Сакит очень любил поутру открыть голубые ворота, как белого коня вывести свой любимый «мерседес» и неспеша проехать по Советской до высшей точки – откуда открывался вид на весь город и на сверкающий окоём Каспия... Но сейчас он от ворот напрямик пересёк Советскую, юркнул в узкую улочку и медленно покотился вниз. Асфальт был сладкий – весь в раздавленных тутовых ягодах. На лобовое стекло падала ажурная тень деревьев. В салоне воздух утренней свежести смешивался с ядовитой сладостью анаши. Рыжий кот, как молния, перебежал дорогу, и дорога как будто оборвалась в глазах Сакита... Он резко затормозил, откинулся на спинку кресла, усилием воли пытаясь воедино собрать крупницы сознания и профессиональный опыт перегонщика машин, как это бывало не раз на трассе ночью, когда его утягивало в сон. Он провёл пятернёй по лицу, встряхнул головой... «Надо выспаться...», – сработал спасительный механизм. Ну, понятно: уже третий день его доставал кошмар, с которого он не знал, как соскочить. Сакит дал задний ход и медленно попятился вверх, чтобы не пропустить въезд в тупичок. Совсем недавно там был снесён дом, и образовалась площадка из битых камней, гнилых деревяшек, обрывков обоев, и маленький дворик, в котором по центру оставались стоять инжирное дерево и кран с водой. Сакит, медленно маневрируя, стал под защиту дерева с теневой стороны. Ему захотелось пить, но выходить из машины не хотелось. Он порылся в сумке, вытащил оттуда недопитую бутылку, сделал несколько глотков... ветка инжира колыхнулась, на неё, как ниоткуда, слетел удод, по-хозяйски сложил свои крылья в полосочку и устоялся на Сакита в боковом окне, из которого ещё тянуло терпким дымком анаши... У Сакита в голове чей-то детский голос (может быть, и его) начал звонко чеканить считалочку:

Əkil-bəkil quş idi,
Divara qonmuş idi,
Getdim onu tutmağa,
O məni tutmuş idi...

[†] Птичка, птичка – невеличка!

Её много – меня мало...

Я пошёл её ловить,

Но она меня поймала!.. (азерб.) в переводе Ниджата Мамедова)

Сакит беззвучно рассмеялся и вырубился... рука с бутылкой сползла на колени, бутылка скатилась под ноги... это был шнапс...

Сакит проснулся оттого, что какая-то тревога вздрогнула у него под сердцем. Он открыл глаза – вокруг стояла темень, и он не мог понять, где находится. Сакит протёр глаза. Чтобы собраться, он крепко, как быка за рога, взял руль. Было тепло, но его лихорадило... Почувствовал: надо отлить... Он обошёл инжирный куст и прошёл к площадке, с которой был снесён дом.... Земля была ещё рыхлая – струя глухо плюхалась и уходила вглубь. Сакиту полегчало, и он начал припоминать... По ходу дошёл к крану, обмыл руки, сложил их ковшиком и несколько раз с удовольствием осушил его. Влажными руками пригладил волосы со всех сторон и открыл дверцу машины – вспыхнул свет... Теперь он почувствовал запах шнапса, вытащил из-под педали акселератора бутылку и, сморщив нос, выкинул её подальше, как дохлую крысу.

«Всё. Хватит. Я что, – начал размышлять Сакит, – не человек?! Я тоже нормально жить хочу!»... Память услужливо выкатила ему шары, которые он метал в кегельбане в компании немецких турок... а потом они пили пиво и слушали с айфона мугам, и с щемящим чувством вспоминали о родине... и он – Сакит – тоже (хотя прилетел в Германию пятнадцать дней назад), поддавшись общему настроению, вспоминал дом...

«Нет. Стоп. Если я сейчас не уеду – я пропал!!!».

Он повернул ключ зажигания – мотор мгновенно ожил и начал тихо дышать... «Yox, bu maşın deyil! – Canavar-ə!»,¹ – в приливе чувств, подумал Сакит и погладил приборную доску. Машина неслышно снялась с места. Сакит медленно выруливал её из тупичка, и в ночной тишине только изредка слышался хруст, когда широкие шины «мерса» накрывали кусочки битого стекла...

Сакит решил попрощаться с домом – и уносить ноги... Он поднялся по узкой улочке вверх и затормозил, не пересекая Советскую... Голубые ворота были прямо напротив... Но Сакит, как ни странно, зацепился взглядом за ворота чуть в стороне, выкрашенные тёмным суриком... Лампочка над воротами почему-то не горела, и сейчас, ночью, они казались густо-чёрными. Чернота напрягала и гипнотизировала Сакита, но он не решался даже мельком представить себе, что завтра будут говорить и делать братья. У ворот, вдоль стены была вбита старая лавочка. Сакиту вспомнилось, как они сидели там с матерью: он – у неё на коленях, зацепившись рукой за шею, а она отрывает от чурека хрустящую корочку и кладёт ему в рот – хлеб ещё горячий, и его кнопка-нос успевает почуять запах свежее испечённого чурека, смешанный с запахом хны, которой покрыты мамины кончики пальцев...

У Сакита в глотке встал ком – горячая слеза обожгла щёку. Он начал ладонями вытирать глаза, и ему почудилось, что створка ворот напротив слегка приоткрылась. Но створка действительно слегка сдвинулась, и из щели высунулась и исчезла, как змеиная головка, голова Сугры.

«Интересно! Что она делает?!» – изумился Сакит. И тут же получил ответ: в щель со двора стал протискиваться долговязый парень в чёрной майке, и вслед опять высунулась голова Сугры. Сакит всем нутром почувствовал: «Adə, adə... Надо ловить! Потом скажет: ничего не было!.. Ай, биля!..» В панике он врубил фары и до упора – ногой в педаль!.. Свет ударил по воротам, как залп!!!

¹ Yox, bu maşın deyil! – Canavar-ə! (азерб.) – Нет, это не машина! – Волчара-э!

Утром – какой асфальт?! Какая работа?!. Народ туда-сюда ходит... У голубых ворот – basabás!¹ Везде слышно:

– ...Что было?!

– ...Как?.. как было?!

– Передок – всмятку!.. Этого – пополам!..

– ...А Сугра?..

– Уже увезли: тело отдельно – голова отдельно!..

– Не может быть!..

– Что? Не может быть?!. Сам видел!.. Передок – всмятку! Шея между ворот попалась!.. Голова – тарáп!.. на земле нашли!..

– ...А машина... машина где?..

– Áаа!.. Какая машина – мусор!.. Пока к Ага-Селиму на стоянку свезли...

Гусейн вышел из будки – народ притих и расступился... И хотя он шёл, опираясь на костыль, но шёл так плавно, как будто у него выросла вторая нога. Улицу пересекал настоящий король! Все эти люди, по бокам, были ему до фени!.. Он шёл – седовласый, но помолодевший на пятьдесят лет! Гусейн улыбался и, глядя в бездонное синее небо, улетал душой: «...Ай Аллах! Больше – мне ничего не нужно! Я – самый счастливый человек!.. Ну, что?!. Теперь узнали?!. Вот что такое: **мóй** сын – **моя** кровь!!!»...

¹ Basabas (азерб.) – толкотня.

ВЕРА ВЕЛИХАНОВА

(Первая публикация)

«Я ПО ТЕБЕ СТЫНУ...»

* * *

Я по тебе стыну...
Знаешь, такое бывает нечасто –
Как будто бы крылья царапают спину,
И метроном начинает стучать ежечасно.

Я все время хочу к тебе.
Нет, не к тебе, а – в тебя.
Ключицами, смехом, порой даже болью,
С разбега, бездумно, теряя себя...
А может, это и зовется любовью?!..

Лица прохожих равнодушно-похожи,
И ветер отчаянья тугие листает страницы
Книги слепо-немомго пророчества,
Нелепого, словно пугливые птицы.
А я задыхаюсь от *твоего* одиночества!..

Силюсь понять –
где во мне начинаешься ты?
А ты струишься как вечность,
мои огибая ресницы,
По древнему руслу,
по оголенному нерву судьбы,
Как вещие сны, которым назначено сбыться.

* * *

Неслышной поступью вошла – и села.
Сложила туго два крыла – несмело.
Мой силуэт свеча двоит – по стенам,
А время каплями бежит – по венам.

Сегодня Ангелом была – и быть посмела.
И снова хрупкая душа боролась с телом,
И что-то древнее в груди рвалось и пело,
Под куполá, звеня струной, к звезде летело.

Как обрести покой душа опять хотела!..
Но крылья спрятать от тебя я не успела.
Благодарю, что в сто свечей любовь горела,
Прости меня,
что невзначай крылом – задела.

Цыганский романс

Степная кровь – вино хмельное!..
Мне снова снятся тополя,
Цыган разгулье удалое
И цокот рыжего коня...

А в жилах – страсти роковые,
Туманы, уханье совы...
И ночи темно-грозовые
С зеленым придыхом травы.

В ней спрятаны изгибы тела,
И вздохи страсти вплетены –
Степным, куражным наважденьем,
С рассветным привкусом вины.

Разговор

Мне сегодня Весна сказала,
Что тебя, может, нет на свете.
По всем кассам ночных вокзалов
Я искала плацкартный билетик.

В пограничье б успеть – до Леты,
Не пускать, отменить расставание!..
А потом наступило лето,
И места у Харона – заняты.

Лето мне прокричало весело,
Что гуляешь ты – вспомнить некогда,
Встречных баб развлекаешь песнями,
И удача тебе – полным неводом!..

Обошла все притоны и улочки,
Душу жгла фонарями и хохотом.
А душа – напоказ!.. – в драной юбочке,
Предрассветным окутана холодом.

Осень мне прошептала приветливо:
«Ищет встречи с тобой, тоже мается.
Только тропки его – неприметные,
Оттого он тебе не встречается».

Я бродяжкой шаталась – надеялась.
Увидала: седой и заброшенный.
Отогрею, спасу – сердцу верилось,
Ничего, что зима, да с порошею...

Мне Зима сегодня сказала:
«Весь он твой, болен тяжелой страстью».
Я ему теплый свитер связала,
Плотней, чтоб грелся в ненастье.

Он на палец надел мне колечко
С обещаньем венчаться весной.
Только стала я странно-беспечной,
Заболевши нездешней любовью.

А его словно нет на свете...
И Зима множит в нас расстояния.
Я колечко запрячу под снегом,
Стать женой не сдержав обещания.

* * *

Я учусь без тебя жить.
Оказалось, что это – жуть:
В напряженье душевных жил
Пульса рваный гасить шум.

Раствориться в пустых вещах,
Бить тарелки, встречать гостей...
Ты все реже в моих снах,
Стали праздники – без затей.

Я учусь без тебя – быть.
Улыбаться и не скучать.
Погружаться, как в омут, в быт,
Изживать из себя печаль.

Укорачивать дней длину,
Мерно стряхивать с полок пыль,
Воздух вдохом в себя втянуть
И на выдохе – все забыть.

Только стали пусты слова,
Да и музыка – не звучит.
Каждый день без тебя – провал,
Запропавший огонь свечи.

Я хочу разучиться ждать
В отраженьях ночных зеркал,
Не плутать по твоим следам,
Унимая мигрень в висках.

Пусть под ласкою чьих-то рук
Рассосется души ушиб...
Повторю я весь этот круг,
Без тебя научившись жить.

ЭМИЛЬ АГАЕВ

СВОБОДА ОБМЕНА ИЛИ СВОБОДА ОБМАНА?

(Опыт рефлексии)

*Не успеешь найти смысл жизни,
как его уже поменяли.*

Джордж Карлин

*Хорошего правителя
уподобляют кучеру*

Козьма Прутков

Сколько раз нас обманывало государство, и тем не менее... тем не менее, как я уже писал, мы ему верим.

Почему? Да сами же и виноваты, обманываемся легко...

Но обман-самообман – за этим стоит нечто большее. Невероятная сложность и запутанность сегодняшней жизни, плавающая в воздухе повсеместно неопределенность, неуверенность во всем...

I

Менять – не менять

Буквально за неделю до обвала маната председатель Центробанка Эльман Рустамов в интервью АзТВ упор делал на что? На то, что граждане могут свободно перевести свои вклады в доллары или евро, мол, дано соответствующее указание банкам, тут же, отвечая на вопрос – выстоит ли манат, успокоительно заявил – не надо беспокоиться, все произойдет поэтапно, постепенно...

И, буквально через пару дней – обвал национальной валюты, вслед за национальными валютами России, Молдовы, Грузии, Казахстана. Да на целых 34 процента (!); народ, потерял треть своих сбережений!

Так что же все это – свобода обмена (валюты) или свобода обмана (вкладчиков)?

...Был на днях в одном банке. Пока сидел со своим номерком, ожидая своей очереди, только и слышал вокруг – и у вас остались на счету манаты? и у меня...и что делаете делать?

– Да пусть так и останутся манаты! – советовал кто-то не очень уверенно; чувствовалось – советует (пробует советовать) самому себе.

– А ну, как манат снова упадет?! – вздыхал другой. – Может, взять и перевести счет в доллары?

– Зачем, доллар-то уже стал дороже, поезд ушел! – возражал третий.

– Да и страховку-то объявили, – поддержал кто-то, – до 12 процентов!

– Подняли не для нас, чтобы люди не снимали свои вклады...

– Так, может, на самом деле – взять да снять?! Эксперты вот говорили – Центробанк, обвалив манат, обанкротил банки!

– Да что эксперты! Один говорит одно, другой другое...

Попробовал я как-то вмешаться в разговор, напомнив спорщикам старую еврейскую мудрость – мол, когда еврей теряет деньги, он говорит так: «Спасибо, Господи, что взял деньгами!». Или еще одна шутка – какого-то писателя: если мы доверяем банку свои деньги, то почему банк не доверяет нам свои ручки (их, как известно, всегда при-вязывают за веревочку!).

Но никто даже не улыбнулся. Шутка не прошла.

Мнение

...А, впрочем, что эксперты? Что тут можно сказать? что спрогнозировать? В подобных ситуациях лучше промолчать или высказываться, сглаживая острые углы, в общем смысле, как чаще всего и делают! По схеме дипломатов и царедворцев (откуда знать, как все повернется, что у царя в голове!) – с одной стороны, с другой стороны...

...Когда-то, еще в студенческие годы, мой друг Изя (он был старше по возрасту) наставлял меня так: «Если ты не хочешь, – говорил он, – выглядеть круглым дураком, не выставляй свою точку зрения. Ее тут же раздолбают, приведя кучу аргументов, или просто осмеют. Или загонят в угол, все время повторяя, что бы ты не говорил, одно и то же – «НУ И ЧТО?!» (есть такой старый, испытанный прием!).

Конечно, можно говорить и не договаривая, намеками, держа в кармане запасную реплику – «вы не так меня поняли». Но едва ли кто станет ломать себе голову над сказанным вами, скорее всего, плюнет и побежит – по своим делам!

Вот так. Точка зрения или обман зрения...Мнения...обмен или обман?

А не лучше ли так – мНение! Ничего не утверждая, а все только отрицая – «НЕ».

«Нет, это не то!»

Еще одно воспоминание молодости.

Вместе с другим моим другом мы вознамерились написать сценарий фильма про Каспий. В то время только появилось у нас понятие «экология», и мы всерьез заболели этим.

Сходили в только что созданное тогда телеобъединение «Экран», подали заявку. Заявку приняли. Сели писать.

Бились мы, бились над названием. Что я не предлагаю, друг с порога отклоняет: «Нет, не то!». Говорю – ну, а что именно? Твой вариант? «Надо подумать!» – морщит лоб друг.

Сидим час, сидим два. «А давай начнем писать текст, – говорю я, – название само придет!». «Давай!» – это был единственный раз, когда друг согласился со мной.

Стали писать, спотыкаясь на каждой фразе. «Нет, так не годится. Надо бы...» – и друг очередной раз замолкал. «Как же?», – спрашиваю. Ответ – «Надо подумать!».

В результате долгих мук что-то родилось. Сценарий приняли, фильм был снят и даже получил приз на фестивале телевизионных фильмов в Клайпеде.

(Благодаря, конечно, не нашему вымученному сценарию, а снявшему фильм прекрасному режиссеру Октаю Бабазаде!).

После этого случая, я больше никогда ничего в соавторстве не писал.

Информационный шок

Этому фильму дали название «Человек спасает Каспий» (хотя точнее было бы его назвать «Человек губит Каспий!»). Мы согласились с этим не сразу, и – только потому, что, как нам сказали, ТАК БЫЛО НАДО (кому? понятно кому – «где-то ТАМ»!).

Точка зрения? Позиция? Эти понятия были тогда совершенно размыты. В советское время нас отучали от собственного Я, отучали предлагать что-то свое, отличное от положенного, общепринятого (разве что на производстве – рацпредложение).

Но мир-то меняется, уже изменился! Советского Союза больше нет.

И сейчас – пожалуйста, говори обо всем, что хочешь! Говори всему миру, вот он – перед тобой. И с аргументами не надо мучиться. Вот они перед тобой, в готовом виде – без политических лозунгов и идеологий, только открой поисковик интернета. Сейчас все, вроде, легче и проще.

Но, увы...

Есть такое понятие – INFORMATION SHOCK.

Читаю в интернете: «Как справиться с обилием инфы, поступающей в мозг через форум, френд-ленту, сообщества? Каждый понедельник у меня шок – френдлента лопается, chto_chitat завален новыми рецензиями, у каждой по 50-80 комментариев...Как справиться с информационным стрессом? Я знаю, что не должна все это читать, но во мне сидит что-то, что не хочет *отставать от времени*».

Своего рода крик отчаяния!

Точка зрения? Где уж тут! Тут скорей МНОГОТОЧИЕ – мнение одно, мнение другое, третье...Какое верно? Впору заблудиться!

Знание и вера

Кажется, Караулов сказал: «Я журналист, и потому у меня нет позиции». Согласен. Журналист должен давать мнения специалистов, не сообщая и, тем более, не навязывая при этом своего.

Но вот – чем не анекдот, услышанная мною реплика одного из комментаторов, обращенная к коллеге: «Нет, вы не правы! Вы абсолютно правы!».

Это было еще в советское время, на советском телеэкране. Но ведь и сейчас – разве эксперты-комментаторы не уходят при случае от простого, понятного для всех взгляда на тот или иной предмет, прибегая к оговорке «это только мое личное мнение, я могу ошибаться», запутывая тем самым еще больше читателя-зрителя.

...Говорят, при недостатке знания на первый план выходит ВЕРА. Логично. Но вот ведь, выходит, то же самое происходит...и при ПЕРЕИЗБЫТКЕ ЗНАНИЯ!

И не случайно религия, переживающая упадок, пытается использовать нынешний мировоззренческий вакуум, подобный невесомости, в которой плавают космонавты.

Читаю на одном из религиозных сайтов: «Как здоровый организм реагирует на боль, дурной запах и другие факторы, так церковь обязана реагировать на любые явления и новшества в мире. Здоровая церковь, являющая собой столп и утверждение истины, просто обязана заявить свою позицию. Она – единственный отвес в мире смещенных симметрий и кривых зеркал».

Выбор, но чей?

Не хочу выглядеть ретроградом. Что говорить – информация, разные точки зрения – это хорошо, это прекрасно. Это помогает – должно помочь! – разобраться во всем, избегать наскучившей по прошлым временам однозначности. Это современно, демократично.

Спору нет – В ПРИНЦИПЕ так оно и есть, это общеизвестно, даже банально.

Но, с другой стороны, это только кажется, что споры, дебаты-прения все проясняют. Происходит это ведь не всегда. О какой ясности можно говорить, если дебаты-прения ведутся не между авторитетными политиками или экспертами, умеющими убежденно и четко излагать свою точку зрения, а между полу-политиками, полу-экспертами, за спорами-столкновениями которых нетрудно уловить «мейнстрим» – партийный или личный интерес... О какой ясности тут можно говорить?

(Вспомним опять же, как и депутаты Милли меджлиса, те же эксперты растолковывали нам – мол, манат если и подорожает, то на копейки. Вот вам!!).

А так каждый из нас, простых смертных, живет, все меньше вникая в то, что ему твердят политики, эксперты, комментаторы, те же «беспристрастные» журналисты, которые ведь и сводят на экране этих политиков-экспертов, зачастую исходя из СВОЕГО ВЫБОРА (своей негласной позиции, да – позиции, господин Караулов!).

Скажем так. Не так давно мы жили в мире, в котором все было ОЧЕВИДНО, не требовало от нас никакой инициативы, личных усилий. Это плохо – какой при этом прогресс, какое развитие?! Не случайно, этот мир пал.

Но спрошу. А не живем ли мы и сейчас в таком же – в принципе таком же! – мире?

Да, свобода, рынок, конкуренция – это хорошо. Но демократия – это палка о двух концах. На нее можно опереться, но ею же можно и ударить. А свобода информации разве не превращается или, точнее, разве не превратилась уже в свободу дезинформации...

(Знаю это по себе: профессионально я должен следить за событиями, за СМИ, и сколько раз обжигался – брехня!).

Ну, какой тут рынок, конкуренция и пр., если раньше у нас не только не знали, что такое собственность – критиковали «частно-собственнические настроения», если деньги считали от полочки до полочки, и даже мы, кавказцы, умеющие, вроде, деньги считать и слывающие предприимчивыми, знали рынок только как базар, как купи-продай – не более того!

Ну, как тут выстоять? Как быть? Этого я не знаю. Зачастую я и сам плаваю, пытаясь выплыть куда-то...

II

Надо не свергать власть – улучшать! Эта мысль принадлежит не мне – одному другу с единственным уточнением – друг сказал «не свергать», а более корректно – «ПОДВИГАТЬ». Подвигать к реформам, подвигать к лучшему...

Вакуум

А ведь было время, когда этот друг (да и я сам!) были настроены к власти куда более критически и даже непримиримо. Сначала – власти Москвы, затем – власти Баку, подвластной той же Москве.

Тогда, перед развалом, а особенно после развала СССР, как ни странно, все было куда хуже, чем сейчас, но и в то же время – лучше. В смысле – ОПРЕДЕЛЕННЕЕ.

Мы знали, что НЕ НАДО, и, в общих, очень размазанных контурах, даже и ЧТО НАДО...

Это потом, когда вслед за митингами и битьем себя в грудь (вот, мол, какие мы крутые!), наступил ВАКУУМ ВЛАСТИ, в котором мы оказались, потеряв почву под ногами и плавая, подобно космонавтам, в невесомости, и в этом вакууме стали всплывать наверх, как это бывает внутри космического аппарата, какие-то вещи, какая-нибудь выпавшая из рук и зависшая перед космонавтом капсула от еды... – когда стали всплывать случайные, совершенно не пригодные к власти люди, только тогда мы почувствовали всю трудность обретения, взамен старого, чего-то нового...

Вот тогда-то многое пришлось пересматривать, постигать заново.

Однако, есть и УПЕРТЫЕ. Те, для кого мир как бы застыл в недвижности. Кто относится к тем, кто смотрит на вещи сейчас иначе, чем вчера, как к вероотступникам, продавшимся за десять сребренников... (Новый уровень осознания вещей, новый взгляд не укладывается в голове у таких «материалистов» – везде мани-мани...).

И корни этого не только в советском прошлом. Просто это такой тип людей, которые за благо считают умение держаться своей «линии жизни», от рождения до смерти, не меняя ее несмотря ни на что, даже если жизнь круто меняется! Хоть умри, хоть тресни – держись своего...(Любопытно, что, как правило, за этим стоит не личное, не свое, а как раз ЧУЖОЕ, вбитое в мозги извне раз и навсегда!).

«Просвещенная диктатура»

Так случилось, что, просматривая свой архив, я наткнулся сразу:

а) на книгу про историю свержения российских царей силами национальной гвардии, которую автор уподоблял янычарам в Турции, занимавшихся в свое время тем же самым – устранением негодных для них султанов;

б) на мнение писателя Михаила Веллера, которую ведущий передачи радио «Эхо Москвы» представил так: «России необходимо пройти через период достаточно жесткой власти, власти честной, некоррупцированной, и затем уже переходить, может, и к демократии. Но нужна ЧЕСТНАЯ, ПРОСВЕЩЕННАЯ ДИКТАТУРА».

И в том, и в другом случае – насилие. В первом случае – сверху, во втором – снизу.

А что, может, временный, переходный период и на самом деле требует просвещенной диктатуры или просвещенной монархии, если вспомнить генерала Франко, который не просто спас Испанию в годы второй мировой войны от разрушений – по сути, единственную страну в Европе, но и сохранил, выпестовал также и испанского монарха, который в результате оказался на троне? – спрашиваю у друга.

Однако, отдавая должное историческим параллелям, друг высказался против унификации.

– Нельзя сравнивать европейские страны с их историей парламентаризма или огромную по территории, трудно управляемую Россию с небольшим Азербайджаном, – сказал он. – Для России, может, это и выход – диктатура, временная или еще там какая.

Но Азербайджан...мне было бы жалко, если это произошло бы у нас...Да и не произойдет!

И вправду нельзя унифицировать какие-то события, а тем более – МАСШТАБЫ.

Наша сила...в слабости

Да, позволю себе такой парадокс. Наша сила знаете в чем? В слабости. А наше величие в чем? В малости!

Сильному и большому всегда трудней...

Наглядный пример – Украина. Этот большой и сильный лайнер никак не отойдет от причала, хотя команда уже отдала концы. Лайнер виляет то в одну, то в другую сторону. А почему? Да потому что на палубе этой большой, очень большой, посудины расположились одновременно ВСЕ ГРАЖДАНЕ. А между ними и командой, или, точнее, капитаном, идут нешуточные споры, переходящие временами в кулачный бой, – куда плыть? На запад или на восток?

Все ополчились на капитана – мол, не тот ты, такой-растакой, взял курс! А тому слушаться ВСЕХ, вроде, хочется (должен!), но – боязно: а ну как полетят генеральские погоны!

А что у нас с вами сейчас?

Читаю прессу, тема одна – падение маната, повышение цен. И это понятно...

Но у нас ополчились...нет, не на капитана, который взял как раз в данном случае, в принципе, верный курс. Не на капитана, а на свою судьбу. Друг на друга. Все пошли чуть ли не с кулаками...на свой народ (то есть – на самих себя!).

Общий лейтмотив такой. Нас обманули, и поделом – так нам и надо!

«Пока мы спим, будем биты»

Вот только несколько цитат из интернета (причем, с указанием авторами своего имени: если ругать не кого-то конкретно, вообще свой народ – никакого риска!):

«Умри, народ, умри. Сытый голодного не разумеет...Этот народ жалок своим большим терпением».

«Там, где тени маленьких людей выглядят большими, там солнце садится. Вот и сейчас такой момент!».

«До тех пор, пока мы спим, мы будем биты!»

«Реакция (наша) – это ворчание сквозь зубы да еще два-три дня легкой обиды» и т.д. и т.п.

И, тем не менее, из всех этих самоуничижительных откликов только один – в духе бывшего нашего Майдана, нынешнего Майдана независимости, а именно: «Долго это продолжаться не может, у каждого народа своя «касса терпения»...Однажды случится настоящий взрыв!»...

Нам это надо?!

Проскочат ли наши «пирог» через таРИФы?

Если вернуться к сегодняшней конкретике, то следует признать – власти делают все возможное, дабы предотвратить рост цен. Действуя, правда, административно – в противоречии с тем, что только что произошло: отпустили манат в свободное плавание – рынок, а теперь вот – не повышай цены, ни-ни!

Встретил на днях знакомого владельца супермаркета. Привет-привет. Как дела?

Да вот, говорит он, иду с совещания, на котором нам насторого приказали держать, заморозить цены, в ином случае проверят – накажут!

На что расчет? Да на все то же. Повозмущаются-повозмущаются, покричат-покричат, как это было с трехкратным повышением цен на электроэнергию, цен на бензин, и примирятся-успокоятся. Ну и еще и на негласные, случайные доходы населения.

Учители-врачи мало получают? Так ведь есть подарки от родителей, репетиторство, деньги от пациентов врачам. И то же самое везде и всюду. Каждый крутится, как может.

Вот потому и сверху, и снизу, и сбоку – отовсюду смотрят на нас и говорят: НАРОД СТЕРПИТ. Имея в виду не народ в целом, а – каждого из нас по отдельности.

Не так как граждане-пассажиры ОБЩЕГО большого лайнера под названием «Украина», а – каждый на своей безымянной лодчонке-пирогe (каждый – сам по себе!).

...Вот и сейчас. Одолеем-минуем, не разобьемся ли на своей одинокой, как лермонтовский парус среди бушующих волн, ладье и об эти нависшие над нами новые, очередные на нашем пути к зрелой демократии и цивилизованному рынку ТАРИФЫ?

Надо договариваться!

Спрашиваю у друга, который ко всему еще и экономический обозреватель: но как быть? что делать?!

Ответ последовал незамедлительно и, мне показалось, убедительный. Надо, сказал друг, не менять власть, не менять ее сразу и коренным образом, а самым терпеливым образом, расчетливо и умело корректировать ее ИЗНУТРИ!

– Надо договариваться! – уточнил он. – Скажем, прекрасно известно – кто во власти на что способен, а главное – КТО ЧТО ИМЕЕТ, то есть, сколько он чего «нагреб»! Вот и надо сказать каждому из них – будь любезен, положи на стол, то бишь, в государственную казну, энную сумму денег. Ну, а вот это...оставшуюся часть мы разрешаем ЛЕГАЛИЗИРОВАТЬ. Открывай – или продолжай, если он у тебя уже есть, свой бизнес...Теперь уже публично, смело огласив свое состояние.

Что ж, представление доходов (и расходов, что принципиально важно!) всеми чиновниками, всеми государственными мужами, о чем столько написано и что, увы, мертво застряло, станет, наконец, реальностью? Да, это так.

Правда, легко сказать – вывести из тени черный капитал. Насколько я знаю, такие попытки делали и Киргизия, и Грузия, а Казахстан даже раза три. И, тем не менее, в Казахстане – не знаю, как в других случаях, дело пошло. Легализация идет!

И тут мой друг, экономический эксперт, добавляет:

– А вообще-то я могу понять обиду президента на своих оппонентов. Ведь, если брать состояние экономики Азербайджана, то рост налицо. Несмотря на нынешние трудности...В республике на самом деле немало делается! И по части инфраструктуры, и по части открытия новых, зачастую очень даже приличных предприятий и пр. Рост налицо!

Примиренчество? Нет, здравомыслие!

Да, инерция радикальных взглядов после падения СССР – БЕЙ-КРУШИ, эта инерция спала, но еще проглядывает.

Хотя на памяти негативный опыт практических всех цветных революций...К счастью, нас минула чаша сия и в сознании людей преобладают другие настроения.

Примиренчество? Можно это назвать и так (как это и называет упертая часть оп-

позиции). Но есть здесь и другое, на мой взгляд, более точное определение – ЗДРАВОВОМЫСЛИЕ.

Надо договариваться, только так!

Это трудно, спорно, далеко не всегда выполнимо. Ведь сколько копий сломано (и ломается!) в борьбе с чиновничьим самовластием, казнокрадством, коррупцией и т.д. и т.п.

Однако цель народовластия или, по современному, демократии – меньше государства, больше общества, цель не только буржуазная, но и социалистическая (вспомним Ленина с его «отмиранием государства»), с опорой, правда, на совершенно разные вещи – материальное, бытие в первом случае и духовное, сознание во втором – эта цель на долгом пути к ней требует не только жертв, потрясений, но и здравого ума, простоту терпения...

Знаменитый призыв Линкольна, по завершении войны севера и юга, к национальному согласию, отказу от мести сейчас актуален не менее, чем это было в далеком 1865-ом – и в отношении нынешнего расплывшегося в мире сепаратизма, и в отношении цветных и всех прочих революций...

Что ж, мы жили когда-то в мире, в котором все было ОЧЕВИДНО, предельно ясно, не требовало нашего личного, внутри себя, напряжения. Это плохо. Но вопрос – а не живем ли мы и сейчас в таком же – в принципе – мире? Только, наоборот, в мире перепутанных, смещенных понятий, в мире НЕОЧЕВИДНОСТИ?

Живем как бы по другую сторону зеркала. Мы как бы отвернули зеркало от себя, и теперь, с задней его стороны, как не смотрим, ничего не видно! Но зеркало-то одно, как его не верти. А нам по-прежнему, как в былые времена, хочется смотреться в него, и все видеть-понимать.

Да, выйдя на волю, мы снова попали в переплет, потеряли себя. Заблудились в трех соснах, кричим: «Ауууу!». Кому кричим? Да все тому же ГОСУДАРСТВУ. С надеждой, на то, что оно придет и, взяв нас за руку, выведет из леса.

Так ведь – уже! – не выведет. Само по себе, без нас!

«Ауууу! Где я?!» – надо бы нам кричать с акцентом не на первом слове, а на втором – «Я». В поисках...САМИХ СЕБЯ.

НОННА МУЗАФФАРОВА

С Т И Х И

* * *

У каждого свой Будда,
свой Тибет,
свой храм
и свой обет молчанья.
Своя горит свеча,
свой путь,
и поиск своего предназначенья.

* * *

Лучше Баха – тишина.
И лучше изможденного листа –
молчанье непечатое
размером в А4...

* * *

Сквозь промежутки половиц скрипучих
и дверей скрипучих,
через зазоры занавесей-штор,
насквозь через стекло, окно и окна-зеркала,
тепло проникло в дом – весна проникла.
Забилось сердце...
Забилось сердце.

* * *

Отчего-то, не знаю,
в разворот этих плеч,
в уходящую статью
я влюбляюсь опять.

Но не ты, а –
прохожий,
новый,
кто-то другой,
кто-то, только похожий...
Близорукое сердце промахнулось опять.

* * *

Ты, кто похож на Петербург –
я о тебе молчу.
Я о тебе – ни слова.
Но ты – мотив для каждого стиха.
Ты в том, что трудно объяснимо...

Но это «что-то»
неоспоримо называется «весна».

* * *

Не прошла, а проскользнула тень –
ни слов, ни запаха, ни отзвука шагов...
Не человек – рисунок, выполненный тушью.
Не жизни перестук,
а диссонанс сердечного удушья.

* * *

Чтобы в пространстве непчатого листа
росли впамят нечаянные строки,
благословенны будут Ночь и Тишина,
что извиняют все пороки.

* * *

Земля имеет форму круга –
в ней все концы сопряжены.
Для обретения друг друга
большие расстояния нужны,

безмолвный путь, отвага пилигрима
и толкователь неслучайных снов....
Земля вращается неумолимо,
освобождая смелых из оков.

* * *

А нам лишь остается
водить рукою по бумаге –
и на полях ее выращивать цветы.
Нет – не из зла,
а из семян беззвучной боли
слагаются стихи.

РАССКАЗЫ

В тени высоких сосен

Мы теперь сюда приходим каждый день, кроме выходных. *Оксигеновые прогулки*. Их прописал нам доктор... Во время обеденных перерывов мы выбираемся с ней в ближайший сквер и не торопимся обратно – начальство в эти дни к ней снисходительно.

В это время суток день ещё удерживает в себе свежесть недавнего утра. И частый в этом городе (где мне предстоит ещё появиться на Свет) ветер разгоняет запах газона, подстриженного накануне. Пройдясь, как велел доктор, по аллее, она, радуясь чувству выполненного долга, выбирает прохладную скамейку в тени высоких сосен. С трудом перенося обузу молчания, она, выбирая место, выбирает на глаз и собеседницу, предвкушая праздную болтовню. Они – няни, мамы с малолетними детьми – охотно разделяют с ней свой полутрудовой досуг.

Рассказы женщин о беспрецедентности их беременности, об исключительности их малышей и об отменности их блюд, неиссякаемы. Я уже сейчас не перестаю удивляться тому, как все они не упускают ни малейшей подробности в описании рецептов приготовления блюд, биография которых и без того исчисляется не десятками, а сотнями лет. Но, несмотря на это, у каждой из них находится, пусть незамысловатая, но всё же *своя*, действенная алхимия. Щепотка редких трав – для обоняния, шафран – для зрения, корица – для запаха, особенное умение – для... А особенное умение рождает дополнительное чувство, которому *они* – жители Света – не могут подобрать определения. В подобных случаях бессилия они, недолго думая, достают из запасов собственного лексикона слово «*талант*»...

Ну, вот – опять я отвлекся... Да, я – это *он*. А не *она*, как думают будущие мои родители и как убеждал близорукий узист. Даже вещи (вот умора!) стали прикупать сплошь розового цвета... (И где это я нахватался таких слов? Это потом, с появлением на Свет, под давлением желаний любящих родителей, я растеряю все свои изначальные знания. И буду их затем на протяжении всей жизни по новой подбирать... А сейчас я самодостаточен, как никогда. Каким никогда, увы, больше не буду.)

На чём же я остановился?.. Поговорив, в общем, о том о сём, нахватавшись советов, она обычно, взглянув на часы, встаёт, и мы возвращаемся обратно в полусонный офис... Так каждый день, кроме выходных.

Но сегодня в сквере почти никого – лето в самом разгаре. В городе из-за жары остались разве что бедняки, отчаянные трудоголики, да, может, парочка ещё чудачков. Сидящая на самой тенистой скамейке сквера девушка относится, скорее всего, к последнему типу. Неподходящий для нас вариант, но все остальные скамейки изнывают под солнцем.

Вариант не то, чтобы неподходящий – почти безнадежный: девушка – с книгой в руках. Да к тому же она, судя по сосредоточенному взгляду, читает. «Ну, и ладно... Не сидеть же одной. А тут хоть не так жарко...» – живо отыскав себе оправдание, решила женщина, усаживаясь на скамью.

Здесь, в тени, город не кажется таким назойливо шумным. Прохожие, пересекая сквер, отдаляются в марево, исходящее от нагретой лучами солнца земли...

– Почему, интересно, не работают фонтаны? – нарочито невзначай бросает женщина.

Серёжка – единственное украшение в крошечных ушах девушки – дрогнула. И утекло достаточное количество секунд, прежде чем, борясь с противоречивой смесью, состоящей из нежелания поддерживать незапланированный диалог – не дать развиваться возможности нарушить её безупречное одиночество с долгожданной книгой – и элементарной вежливости, призывающей к тому, чтобы хоть как-то ответить на вопрос, она, наконец, произнесла:

– А в это время дня их и не включают.

– Ааа..., – как будто удивлённо протянула женщина, не отступаясь от подкравшегося к ней (быть может, оттого, что впереди целый день наскучившей за лето работы) желания во что бы то ни стало привлечь к беседе эту не проявившую к ней интереса особу.

«...Романы – вторые жизни. Сродни сновидениям французского поэта Жерара де Нерваля¹, романы также отражают всю красочность и сложность нашего существования, и они испещрены не чуждым нам восприятием людей, лиц, предметов. И при чтении романа, как если бы мы видели сон, необычайность вещей, с которыми мы сталкиваемся, порой охватывает нас настолько, что мы забываем о том, где находимся...»²

– Интересная?

Оторвавшись от книги, девушка подняла голову, попутно заметив и округлый живот женщины.

– Что?

– Книга, которую вы читаете?

Разрозненные мысли и только что вычитанные соображения ещё не собрались в единый клубок – девушка смогла только выронить:

– Как сказать... Я ещё только взялась за...

– И о чём она?

Удивившись про себя беззастенчивости, с которой незнакомая женщина вдруг стала осыпать её вопросами, девушка всё же ответила (удивляясь и собственной словоохотливости, почти не свойственной ей в общении с малознакомыми людьми):

– Она... об опыте писателя. Он делится своим опытом романиста... И приводит примеры из романов других...

– Кто автор книги?

– Памук. Орхан Памук, – ответила девушка, кажется, уже свыкшаяся с нетерпением беременной женщины.

– Гм... Я когда-то читала этого... поэта, – небрежно произнесла она.

Странно, но эта бесхитростная осечка³, не вызвала в девушке неприязни. Напротив. В ней, наконец, забрезжило любопытство. Эта маленькая ложь показалась ей очаровательной деталью, придавшей этой женщине... *«...своеобразие. Да, пожалуй, своеобразие – лучшее определение. Точнее «индивидуальности...», – подумала про*

¹ Жерар де Нерваль – (1808-1855) французский поэт-романтик. (перевод с турецкого Н. Музаффаровой. Здесь и далее примечания автора.)

² Цитируется отрывок из произведения Орхана Памука “Наивный и сентиментальный романист”. (Перевод с турецкого автора.)

³ О. Памук широко известен как прозаик, преимущественно, романист.

себя она и указательным пальцем правой руки заложила недочитанную страницу.

Молчание женщины было недолгим.

– У вас есть дети?

– Нет.

– Не хотите завести?

– Ну, знаете ли, – ухмыльнулась девушка, вынимая из потрепанной сумки пластиковую бутылку с водой. – Заводят обычно собак или кошек...

– А вы тоже писатель, да?

– С чего вы взяли? – чуть не поперхнувшись водой, выронила девушка.

– Потому как придираетесь к словам.

Послышалось, как ветер неравномерно отдаётся шелестом в кронах сосен.

– Вы так решили, потому что Союз писателей находится через дорогу от нас...

Так?

Словно не услышав этого вопроса, женщина продолжила:

– Вы – писатели, художники – с таким... (тут женщина замялась, словно ей было необходимо подобрать подходящее – не ранящее слово), пренебрежением относитесь ко всему, что... К людям, что вас окружают, к происходящему вокруг... Думаете, что ваше богатое воображение заведёт вас дальше... Гораздо дальше реальности.

Громко зашумел фонтан. Женщины молчаливо переглянулись. Брызги воды временами добирались и до них.

Не совсем понимая, что могло стать причиной неожиданной обиды, прозвучавшей в тоне незнакомой женщины, девушка произнесла:

– Это касается не только писателей. Воображение часто кажется убедительнее самой жизни... И неважно, что...

Плод в чреве сделал кувырок. Девушка, заметившая выступивший на животе женщины жест ребёнка, невольно спросила:

– Мальчик?

– Нет, девочка. – Женщина буднично дотронулась до своего живота. – Восьмой уже месяц...

– А имя подобрали?

– *Нур*, – утвердительно кивнув, ответила женщина.

– *Нур*... – повторила вслед за ней девушка. – Впервые слышу такое имя. Это ведь Свет⁴... Так?

– Да. Имя выбирал муж. Очень хотел дочку.

– И мальчика можно назвать также... – словно убеждая в этом саму себя, откликнулась девушка, укладывая книгу в сумку.

– Да... Но будет девочка, – произнесла в ответ женщина, бросив взгляд на часы.

Город, ещё недавно казавшийся бесшумным, вновь отчего-то, казалось, засуетился.

– А у меня тут встреча поблизости. Я пришла раньше времени... – И, словно желая подчеркнуть возникшее доверие к этой женщине с ясными, слегка усталыми глазами, девушка, снимая с себя солнечные очки, добавила: – Никак не могу справиться со временем – я или опаздываю постоянно или прихожу раньше назначенного времени.

– Ну, ничего страшного в этом нет, – услышала она в ответ.

Женщина встала со скамьи, поправила подол свободного в талии платья. И

⁴ В переводе с азербайджанского языка *nur* переводится, как свет, благодать.

утекло достаточное количество секунд, прежде чем она, улыбнувшись, произнесла:

– Время-то не остановишь. За ним всё время приходится поспевать.

– ...

Попрощавшись, девушка стала отдаляться от нас всё дальше... Совсем скоро мы вернулись в офис оформлять и продавать авиабилеты в разные далёкие страны.

* * *

Мы ещё ходили с мамой в сквер (мамин доктор считал, что прогулки под соснами наполняют нас лёгкие кислородом). Но ни разу больше не встречали там ту девушку, у которой от непривычки ходить без тёмных очков на солнце щурились глаза...

И – да, чуть не забыл! Через пару недель на Свет появился я.

Ночное такси

– День рождения у вас? – улыбаясь, спрашивает таксист, заметив на заднем сидении машины букеты цветов.

Он изучает своего клиента незаметно – лишь время от времени поглядывая в зеркало. Девушка отвечает ему не сразу. И, как будто только что расслышав вопрос, она, спустя лишь некоторое время, наконец, произносит:

– Нет.

Улыбка водителя требует продолжения ответа. Но застывает на лице, а вскоре и вовсе исчезает, так и не дождавшись желаемого объяснения.

– Нет, – еле слышно повторяет девушка. И, откашлявшись, добавляет:

– Сегодня была премьера моего фильма.

– Да вы что! Так вы, значит...

– ...режиссёр, – утвердительно кивнув, дополняет она его фразу. Она лишь изредка смотрит в сторону водителя – всё больше в окно, за которым проносится ночной город.

Улыбка возвращается к водителю. Он улыбается, словно старому приятелю, с которым не виделся давно. Мужчина тянется к пачке сигарет. Но всё же не достаёт сигарету. Уж слишком неприветлив облик девушки, это невольно его останавливает.

– Курите, курите, – не глядя на него, бросает она.

Мужчина чуть дольше обычного задерживает свой взгляд в зеркале; закулив, открывает окно.

– А ведь я тоже... актёр.

В ответ раздаётся накануне прозвучавшее «Да вы что!», с той только разницей, что в интонации девушки нет ни удивления, ни любопытства. Реакция: из чувства приличия, не более того.

– Дааа, – протягивает мужчина. Так, словно пытаюсь убедить в этом самого себя. – Я и на сцене играл...

– Гамлета? – без тени иронии в голосе спрашивает девушка.

– Яго, – поправляет мужчина, ничуть, кажется, не обидевшись.

– И сейчас играете?

– Что?

– И сейчас, говорю, играете? На сцене т.е.?

– Ааа! Нет... Что вы, – смеясь, отвечает он. – Я давно уже бросил...

Глядя перед собой на дорогу, часто освещаемую фарами машин, мужчина продолжает:

– Я ведь актёрский окончил. Дааа, – растягивая гласные, произносит он, заметив слегка заинтересованный взгляд девушки. – Может, видели спектакль «Листопад»? Нет? Его раньше часто крутили по телевизору... Я вот играл там. Роль небольшая, правда. – И уже увереннее добавляет: – Но всё-таки это была роль, а не... массовка, понимаете? Но я давно бросил, – повторяет мужчина. – Очень давно, ещё в середине девяностых.

– Тяжёлое было время, – как бы вскользь замечает девушка, отвлекшись, тем не менее, от рассеянного созерцания дороги.

Машина приближается к автозаправке, что ярко светила ещё издали.

– Вы не против, если я заправлюсь? Я быстро.

От движения захлопнувшейся двери подвесной оберег, прикрепленный к лобовому стеклу машины, мерно покачивается из стороны в сторону...

Работник автозаправки в оранжевой униформе, пытаясь согреться, мерит площадь автозаправки короткими шагами, что-то при этом напевая...

– Извините, ради Бога... Застрял бы ещё по дороге. – Мужчина садится в машину и, включив мотор, трогается с места.

Слегка потёртая кожаная куртка. Нестриженный затылок. Курчавые волосы, но поредевшие давно. То тут, то там из общей массы седины пробиваются чёрные волосы. Девушка старательно-незаметно украдкой разглядывает водителя такси.

– А не жалеете? – пытаясь «прозвучать» равнодушно, спрашивает она.

Мужчина бросает короткий взгляд в зеркало, но не переспрашивает тут же: «О чём?», а лишь спустя некоторое время задаёт ответный вопрос:

– Что актёрство бросил?

– Ну да...

Он отвечает не сразу. Барабанит по рулю...

– Я часто думаю об этом. Особенно в такое вот время – ночью, когда один за рулём... Мысли всякие лезут в голову, знаете. Даже говорить начинаю сам с собой, – ухмыльнувшись, добавляет он. – Я и сейчас об этом думаю. Хотя пора бы уже перестать – столько времени прошло.

Девушка не задаёт больше вопросов, но мужчина чувствует её выжидательный взгляд.

– Иногда думаю, правильно поступил – актёр бы из меня вышел никудышный... Но иной раз думаю, что сдался просто и всё. Нашёл себе оправдание, что, мол – семья, обстоятельства... Чтоб успокоить совесть, понимаете? Начинаю думать всякое... Что если б работал больше над собой, понимаете? Не обращая внимания ни на что, то тогда... Не знаю, в общем.

Мужчина смотрит перед собой – не поглядывает, как прежде, в зеркало и не видит, что в глазах девушки вглядывающейся в окно, застыли слёзы.

За окном тянется ночь, охваченная сполохами горящих фонарей.

– Но, знаете, актёрское обаяние в вас сохранилось, – донеслось как будто издалека – возможно, из плотного молчания ночи. Слышно, как произнося эту фразу, девушка попыталась улыбнуться. Слышно, как в ответ смущённо засмеялся мужчина.

Цветные фотографии августа

Эссе

Я заметила давно – ему не к лицу прозрачная охра загорелого вечера... Ему к лицу графика, контрасты: распростёртые на солнце плоские крыши и безмолвие промозглых дворов, окольцованных полумраком плотно вставших друг к другу домов... Но всё же в тот воскресный, только что вступивший вечер я взяла фотоаппарат и направились в Ичери Шехер¹.

Мне нравится его дружелюбная надменность. Допустим, что начинается она с его бесщётных кошек. Чьих-то и ничейных заодно. Кошки не боятся чужих. Ведь каждый чужой – всего лишь гость, турист, кто в считанные минуты, заблудившись в улочках Города, забудется. И даже многовековая брусчатка не сохранит его следы.

Допустим, что она продолжается в том единственном книжном, где даже при большом скоплении людей – почти тишина. Где даже в условиях рыночной экономики его хозяин не сравнял стоимость книг с господствующими ценами в городе. Не сменил он и своего лица – так и остался в очках из роговой оправы.

Книжной лавке так много лет, что на стенах её можно засвидетельствовать перемену эпох – советской и той, что последовала после. Что же до его хозяина, то изменения его коснулись тоже, но слегка. Разве что его походка, всегда и прежде неторопливая, сейчас и вовсе отдалилась от суеты.

Допустим, она продолжается и в стойкости башни – в её Девичьей гордой осанке²... И, наконец, представим, что неявная надменность Старого города не завершается, а плавно подступает к финальной коде, что в полумраке тесного двора раздаётся каплями воды, стекающими из неисправного ржавеющего крана. А контрапунктом же звучит перестук шашек «крепостных» мужчин – их нескончаемой партии в чёрно-белые нарды.

По-разному жители Города реагируют на человека, желающего их поснимать. Кто-то юркнет в потёмки всегда незапертой двери своего или соседского дома. Кто-то нетрезвый пойдёт туда, куда, как известно, никто ещё не добирался. Кто-то, не смущаясь, улыбнётся. Кто-то, как Эльчин, замрёт перед объективом фотоаппарата, заметно при этом краснея.

– Давно не видно вас... Как дела ваши, нормально? Проходите-да в магазин, проходите! Чай вам налить?

У Эльчина в Крепости свой магазин – лавка всяких древностей. Кажется, что все эти значки, ордена, виниловые пластинки, книги с крошащимися уголками жухлых страниц, фарфоровые чайники с побитыми носами – никому не нужный товар. Но глядя на морщины, появляющиеся в уголках глаз лукаво улыбающегося Эльчина, убеждаешься в обратном. Как часто выражается сам Эльчин, «толкает» он и коммерчески выгодный товар. Ковры, сувениры, серебряную посуду... Но в Старом городе и за его пределами Эльчин известен не только как купец. Он – филокартист. Человек, коллекционирующий открытки. И открытки у Эльчина – особенные! Не помню, какое количество насчитывает его коллекция, но перед глазами следуют монохромные и подкрашенные, затёртые, застарелые и моложавые – разные открытки дореволюционного Баку. «Шлю горячий привет!», «Обнимаю, Муся», «Скучаю»... пытаюсь

¹ Ичери Шехер – Крепость, историческая, наиболее древняя часть Баку.

² Девичья башня – древнее сооружение в Ичери Шехер на берегу Каспийского моря.

разобрать я чей-то почерк на обратной стороне прямоугольной плоскости плотной бумаги.

– Налью-да вам чай, – растягивая глаголы, настаивает Эльчин. Но я спешу в надежде что-то поснимать ещё до окончательного заката солнца.

От Девичьей башни вниз, по отлогой брусчатой дороге, по которой недавно коротко прошёлся дождь и в лунках между глянцевиными камнями оставил россыпь отражений – с десятков зеркальных следов, я спустилась к бульвару.

Показалось, что людей не так много, как обычно случается в воскресные дни... Ветер слегка тревожил море. Солнце почти уже скрылось за высокими соснами, но жара не спадала. У края воды, там, где волна, тут же сменяясь другой – новой, набегала на набережную, сидели ребята. Наигрывая на гитарах, они напевали. Временами, пытаясь превозмочь свою застенчивость, они пели громче, увереннее. А после того, как кто-то из музыкантов, случайно обернувшись, заметил мой фотоаппарат, в их песнях появилось столько куража! С каждым очередным звуком щёлкающего затвора, они всё больше становились артистами. Восходящими стремительно звёздами... И всё-таки без солнца – верного и создающего, очарованного Землёй и каждый раз меня очаровывающего – я фотографировала нехотя.

Чуть в стороне сидела девушка, не пытавшаяся спрятать в обтягивающую боксёрку розовые бретельки бюстгалтера и несколько лишних килограммов. Надетые вопреки сорокоградусной жаре полуботинки с десятисантиметровой высотой каблучков, сулившие, наверняка, внимание молодых людей (коих на бульваре всегда в избытке), стояли теперь в стороне от их хозяйки, чьи голые ступни, свисая с бордюра, болтались в воздухе над теплым морем.

Девушка была настолько поглощена своим телефоном, что и не услышала, как совсем рядом щёлкнул фотоаппарат...

– А нас вы не сфотографируете? – послышалось за спиной.

Обернувшись, я увидела пару – мужчину лет шестидесяти или чуть старше и женщину, равную ему возрастом.

– Нас сможете сфотографировать? – переспросил мужчина. То ли от долгого сидения на солнце, то ли от выпитого накануне пива лицо его было неприятно красным. Но глаза не выдавали в нём хама...

Пока я думала, что бы ответить на эту его просьбу, женщина, до сих пор только молча улыбавшаяся, спросила:

– А вы кто по профессии?

Лицо её засияло, когда в ответ она услышала:

– Режиссёр.

– Я тебе говорила, – слегка толкнув локтем мужчину, прошептала женщина. – Я сразу догадалась, что вы – человек творческий, – добавила она уже громче.

– И как вы это определили? – превозмогая собственную интровертность, спросила я.

– Людей искусства видно сразу.

Получив такой исчерпывающий ответ, я принялась их фотографировать.

Голубая отутуженная сорочка была под цвет глаз мужчины. Когда-то он был русоволос, но сейчас голову только частично опоясывал седой покров. Нос пересекал глубокий шрам, начинавшийся на лбу и замыкавшийся на левой ноздре. Гладко выбритое лицо, трудовые руки...

– Снимайте его, – улыбаясь, произнесла женщина, пальцем указывая на муж-

чину. Одна из фотографий сохранила этот её жест. В этом жесте было лишь игривое подтрунивание, а не привычная издёвка жены над причудами мужа.

– Мы люди старые – интернетом не пользуемся. Вы дайте нам номер, наши дети вам позвонят.

Мой неразборчивый обычно почерк был старателен и ясен, когда в крошечном блокноте женщины я записывала номер своего телефона... Попрощавшись с ними, я направилась дальше.

Уже зажглись все фонари и люди шли под стройной цепью горящих маяков. Под ногами буднично шумело море, и люди шли по дощатой эстакаде. Мимо пронеслись их отдельные слова, иногда – целые фразы, и было очевидно, что за каждой из них скрывается жизнь, своя особенная драма.

Когда я возвращалась с эстакады, знакомая пара шла мне навстречу.

– Не забудьте позвонить!

– Позвоним обязательно, – улыбнувшись, произнесла женщина.

Новенький прогулочный катер медленно рассекал почти гладкую поверхность моря, в котором уже отражалась луна.

* * *

Их дети мне не позвонили. Они не позвонят, я знаю. Потому что этой фотографии с размытым жестом женщины, с улыбкой слегка захмелевшего мужчины суждено стать историей, а не очередным снимком из семейного альбома. Ей суждено стать памятью, где прошлое всегда вытекает из массы прожитых микронов настоящего.

Со временем прямоугольная плоскость этой фотографии приобретёт свой – особенный цвет. Как обрели его монохромные и подкрашенные, затёртые, застарелые и моложавые открытки дореволюционного Баку из коллекции лукаво улыбающегося Эльчина. Фотография эта обретёт свой облик и будет казаться старомодной нашим самонадеянным потомкам.

ИЗ ИСТОРИИ РАССЕЛЕНИЯ АРМЯН НА КAVКАЗЕ

Прошло около четверти века с тех пор, как армяне развязали войну на территории Азербайджана, с целью аннексировать Нагорный Гарабах. Распад Советского Союза повлек за собой конфликты во многих регионах постсоветского пространства, в том числе в Азербайджане. В результате террора, учиненного армянскими бандформированиями против азербайджанцев, погибло много людей, наши соотечественники были изгнаны со своих земель и стали беженцами на своей же родине. В данной статье мы на основании исторических свидетельств, содержащихся в российских источниках, проследим историю появления и расселения армян на территории Азербайджана, необоснованность их притязаний на наши территории, абсурдность их намерений, заключенных в стремлении сфальсифицировать исторические факты в глазах мирового сообщества и причины вековых антагонизма армян к туркам: османским туркам и азербайджанцам.

В XX веке Азербайджан не раз сталкивался с агрессивным армянским сепаратизмом, выражающимся в территориальных притязаниях, захвате чужих земель, геноцидом, террором, депортацией азербайджанцев с исторически-родных земель. Армяне, установившие в 1978 году в Нагорном Гарабахе памятник по случаю 150-летия их переселения из Ирана на территории Азербайджана, в течение последних двух столетий, вдохновленные идеей создания «Великой Армении», с помощью зарубежных пособников последовательно осуществляли в отношении Азербайджана захватническую политику. Из года в год, раздувая и пропагандируя «геноцид» 1915 года, армянские историки стремятся предать забвению в сознании мировой общественности массовое истребление азербайджанцев, которое планомерно осуществляется с начала XX века. Фальсификации армянской истории возводятся в ранг государственной политики с целью создания почвы для воспитания армянской молодежи в духе шовинизма, бессовестно оправдывая геноцид, совершенный против азербайджанцев и считая тех, кто совершил его, национальными героями.

Исторические факты свидетельствуют о том, что армянские националисты непрерывно совершали агрессивные посяательства против соседних народов, прежде всего, против Турции и Азербайджана. Стремясь воплотить в жизнь свои замыслы, не гнушаясь средствами, попирая права других народов, выживая их с исконных земель, не останавливаясь перед террором и физическим истреблением, шаг за шагом они отхватывали чужие территории. С большим сожалением приходится признать, что оккупационная, террористическая политика Армении в отношении Азербайджана на начальных этапах приписываемая дашнакам, сегодня стала государственной политикой Еревана и уже обернулась гибелью ни в чем не повинных людей.

Этот процесс приобрел особую интенсивность в последние годы, когда армяне, готовясь к 100-летней годовщине выдуманного ими геноцида, во многих проармянских СМИ разных государств и интернетных сайтах развернули кампанию не только против Турции и Азербайджана, но и всего тюркского мира по признанию «факта» геноцида армян.

Армянские историки бессовестно искажают и фальсифицируют исторические факты, выдвигают версии фантастического (иллюзионного) характера о принадлежности Гарабаха Армении. На деле же, истина о пришлоści армян на землях Азербайджана в достаточной мере находит свое отражение в исторических источниках, научных исследованиях, а также в археологических материалах разного периода. Немало русских авторов подтверждают этот факт в своих произведениях. Ставший объектом больших споров и конфликтов Гарабах, будучи ханством Азербайджана, 14 мая 1805-го года, согласно Кюрекчайскому мирному договору, за-

ключенному между ханом Гарабаха Ибрагимом и главнокомандующим войск Российской Империи генералом Цициановым, был присоединен к России. Во втором пункте Кюрекчайского мирного договора дается императорская гарантия сохранения целостности Гарабахского ханства, Ибрагим-хана и его наследников (Акты, собранные Кавказской Археографической Комиссией, т. II, под ред. А. Берже. Тифлис, 1868, документ 1436, с. 702-705). Но, спустя некоторое время, в 1822-м году царское правительство, нарушив этот пункт договора, упразднило Гарабахское ханство как политическую единицу и превратило его в обычную провинцию империи.

Несмотря на это, царское правительство, давшее «императорскую гарантию о сохранении целостности государства», с точки зрения государственного управления и как исключительно мусульманскую (*азербайджанскую – Г.А.*) провинцию не отделило Гарабахское ханство от остального Азербайджана. Даже помогающее армянам царское правительство вынуждено было считаться с тем неопровержимым фактом, что Гарабах является исключительно мусульманской (*азербайджанской*) провинцией, так как в 1805-м году, когда ханство было завоевано Россией и вошло в состав империи, армяне составляли только 20% всего населения ханства.

В начале XIX века в центре колониальной политики царизма стоял вопрос переселения армян с территорий Турции и Ирана, на Кавказ и первую очередь в Западный Азербайджан и Гарабах. В результате массового переселения армян из Ирана и Южного Азербайджана на Южный Кавказ, в частности в Гарабах, в 1804-1813-х и 1826-1828-х годах во время и после русско-иранской войны, количество населяющих эти области армян стало расти из года в год. Например, «в 1826–1828-х годах в ходе русско-иранской войны из Ирана и Южного Азербайджана на вышеуказанные территории было переселено 18 тысяч армянских семей» (МИЭБГК, т. VII, ч. I, с. 393).

Другой русский автор В. Григорьев, побывавший в Нахчыване в 1828-1830 годах, подробно описывая размещение армян-переселенцев, заботу властей о них, приводит первоначальную статистику о переселенцах (*армянах – Г.А.*) из Персии: «...происходило первоначальное водворение в Нахичеванской провинции 2551 семейства пришедших из Персии армян; из них 416 семейств поселены в городе, 1869 в селениях Нахичеванского округа и 226 в округе Ордубадском. В прилагаемой при этом ведомости под литерой «В» показано, в каких именно селениях они (*армяне – Г.А.*) жили в марте и апреле месяцах прошлого года, при обозрении мною Нахичеванской провинции. В мае предполагалось сделать им новое перемещение; но в каком виде оно кончилось, мне неизвестно» (В. Григорьев «Статистическое описание Нахичеванской провинции». Санкт-Петербург: СПб, 1833, с. 39-40). Заметим, что данный процесс переселения армян происходил согласно договору между Россией и Ираном (1828 г.)

По условиям Туркменчайского мирного договора, заключенного после завершения вышеуказанных войн, было разрешено беспрепятственное переселение населения, желающего дальше проживать на той или иной стороне реки Араз. Этот договор создавал широкие возможности для массового переселения армян из Ирана на Южный Кавказ, в том числе в Гарабах. В связи с основной целью, преследуемой царским правительством в вопросе переселения армян на Южный Кавказ, включая Гарабах, и в связи с влиянием, оказанным этим переселением на демографическую ситуацию на Кавказе, Н. Шавров пишет: «Мы начали проводить имперскую политику в Закавказье не с переселения русского населения, а с расселения иных народов... С 1828-го до 1830-го года мы переселили более 40 тысяч армян из Ирана и более 84 тысяч из Турции и расселили их на лучших казенных территориях Елизаветпольской и Иряванской губерний, где армянское население составляло меньшинство. Для поселения им выделено более 200 тысяч десятин казенных земель, а также для них были куплены земли у мусульман-землевладельцев на сумму более 2 млн. манат. Нагорная часть Елизаветпольской губернии (*имеется в виду Нагорная часть Гарабаха – Г.А.*) и берег озера Гейче (*в дальнейшем армянами переименовано в Севан – Г.А.*) были заселены переселенными армянами... Общее число переселенных и тех, кто переселился неофициально, превысило 200 тысяч». «В результате этих переселений в начале XX столетия из 1,3 миллиона армян, проживающих в Закавказье, более миллиона не являлись «коренным населением региона», а были переселены нами». (Н. Шавров. Новая угроза русскому делу в Закавказье. СПб, 1911, с. 59-61).

Русский ученый-историк В. Величко писал: «Паскевич был послан в Иран к полковнику

Лазареву с тем, чтобы пригласить около 40 тысяч армян в Закавказье. В этом участвовал также патриарх Эчмиадзина. Так, он дал указание о переселении армянских священников из Ирана. Согласно, Адрианопольскому соглашению, более 100 тысяч армян было переселено из Турции. Архиепископ из Эрзерума по имени Карапет привел около 70 тысяч армян. После этого переселение армян из мусульманских стран в Россию приняло непрерывный характер и в последние годы приобрело даже массовый характер» (В.Л.Величко. Кавказ. Русское дело и междуплеменные вопросы, «Элм», 1990) .

Другой русский ученый С.Глинка писал о переселении армян: «9-го марта 1828 года последняя русская армия покинула Тебриз... По Туркменчайскому договору армяне из различных деревень стали двигаться в сторону Карабаха... Лазарев, задерживающий князя Аргутински-Долгорукого в Тебризе для переселения армян, в сопровождении нескольких чиновников отправился к армянам, ждущим его в нетерпении в Мараге» (С.Глинка. Описание переселения армян Азербайджанских в пределы России. Баку «Элм». 1990, с.81).

В то же самое время автор идеи переселения армян А.Грибоедов писал по этому поводу: «Проблема преодоления страха, возникшего среди мусульман, из-за боязни, что армяне станут вечными хозяевами территорий, на которые они однажды (*впервые – Г.А.*) были допущены и проблема их заверения в недолговечности тяжелой ситуации, в которой они оказались, была нами... многократно взвешена» (А.Грибоедов. Записка о переселении армян из Персии в наши области, т.2. Москва, 1971).

Таким образом, по Туркменчайскому договору в результате переселения армянского населения из Ирана и Турции на территорию Иреванского ханства, Гарабаха и другие провинции Азербайджана, демографическая ситуация претерпела большие изменения. На территории бывшего Иреванского ханства в созданной «Армянской провинции, если в 1828 году удельный вес азербайджанских тюрков составлял 73.8%, то в 1834-1835 гг. эта цифра опустилась до 46.2%» (Грузия МДТА, Ф.2. сп.1, дело 3859, стр.314, л.20).

Согласно камеральным подсчетам 1832-го года, в Гарабахской провинции было зарегистрировано 32.4 тысячи (64.8%) азербайджанцев и 17.4 тысячи армян (38.8%). Так, армянское население по сравнению с 8.4% в 1823 году увеличилось за достаточно короткое время более чем в четыре раза. Согласно следующим подсчетам, в уезде Шуша в конце 80-х годов удельный вес азербайджанцев снизился до 41.5%, а удельный вес армян возрос до 58.2%. По Всероссийскому подсчету 1897-го года те же показатели составляли соответственно 53% и 45%. (Кавказский календарь Российской империи 1897 г., LXIII – Елизаветпольская губерния. СПб, 1904, с.3).

В конце 80-х годов XIX века в результате массовых переселений в Шушинском уезде, который включал нынешнюю территорию Нагорного Гарабаха, численность армян уже составляла 58% всего населения. (Кавказский календарь на 1896 г., V отд. с.48-61). Даже после продолжающихся потом массовых переселений армяне составляли только 79% населения Нагорно-Гарабахской Автономной Области (События вокруг НКАО в кривом зеркале фальсификаторов (сборник материалов), Баку, 1989, с.6-7).

Несмотря на демографические изменения, постепенно происходящие в Гарабахе по указанным причинам, до 1840-го года территория бывшего ханства официально называлась «Гарабахская область», рассматривалась как мусульманская провинция и вместе с другими территориями Азербайджана управлялась со стороны начальника военного округа «Закавказские мусульманские страны». Резиденция этого начальника также располагалась в Гарабахе, в городе Шуша. Поэтому и в четырехтомнике «Обозрение Российских владений за Кавказом», составленном и изданном четырьмя основными министерствами Российской империи: военным, иностранных дел, внутренних дел и министерством финансов, Гарабах был включен в раздел мусульманских провинций. Потому что Гарабахское ханство присоединилось к России не как армянская провинция, а именно как ханство, являющееся азербайджанским государством.

После реформы 1840-го года на территории «Гарабахской провинции» был создан «Шушинский уезд». Но и эта административная территория не вошла ни в Грузинско-Имеретскую губернию, ни в Иреванскую губернию, созданную несколько позже, а вошла в состав области

«Каспи», объединяющей территорию Северного Азербайджана. С 1868-го года уезд Шуша был передан Елизаветпольской (*Гянджинской – Г.А.*) губернии, которая наряду с Бакинской губернией объединяла в себе территории Северного Азербайджана. В 1917-м году, в период временного правительства, Шушинский уезд вошел в состав Елизаветпольской губернии, подчиняющейся Специальному Закавказскому Комитету, а в 1918–1920-х годах в составе Азербайджанской Демократической Республики был включен в Гянджинскую губернию (Источники по Азербайджанской истории. Баку, 1989. с.276). Как свидетельствуют многочисленные исторические документы, в 1905-1907, 1914-1915, 1918-1920, 1948-1953 годах сотни тысяч азербайджанцев подвергались этнической чистке, массовому истреблению и геноциду.

В результате развязанной армянами Нагорно-Гарабахской войны более миллиона азербайджанцев превратились в беженцев и вынужденных переселенцев, примерно 20 тысяч человек погибли, 50 тысяч человек были ранены или стали инвалидами, 5 тысяч человек пропали без вести. Кроме того, уже больше двадцати лет пятая часть азербайджанских земель, в том числе не относящиеся к Нагорно-Гарабахскому административно-территориальному региону семь районов, в которых до 1990-х годов жили только азербайджанцы, находятся под оккупацией Армении. За этот период армяне совершили сотни нападений и терактов против азербайджанцев. Так, в ночь с 25-го на 26-го февраля 1992-го года армянские бандформирования при поддержке и участии 366-го полка Советской Армии ворвались в город Ходжалы и перебили мирное население. Тот факт, что в городе жило исключительно азербайджанское население, является достаточным доказательством того, что был совершен именно геноцид, армянские боевики убивали мирных жителей исключительно по национальному признаку. До сих пор Ходжалинская трагедия недостаточно изучена правоведами, историками, социологами, политологами и политиками. Хотя по горячим следам этого русско-армянского вандализма русский литератор Ю.Помпеев в мае 1992 года выпустил очерковую книгу «Кровавый омут Гарабаха», который представляет собой попытку непредвзято проследить развитие Гарабахского конфликта с момента его зарождения до трагедии Ходжалы включительно. Излагая развитие навязанного русско-армянским союзом Гарабахского конфликта, очеркист утверждает: «Последней же каплей, переполнившей четырехлетний кровавый омут Гарабаха, стала звериная расправа над жителями города Ходжалы в ночь с 25 на 26 февраля 1992 года» (Ю.Помпеев. «Кровавый омут Гарабаха» «Литературный Азербайджан», 1992, № 5 с. 5-19). Ю.Помпеев концентрирует внимание читателей на том, как глава государства М.Горбачев был бессилён предотвратить военную агрессию армян против азербайджанцев и не скрывает стыда русских за поступки руководителя страны.

Политическую оценку преступным действиям армянских сепаратистов против азербайджанского народа на государственном уровне впервые дал общенациональный лидер Азербайджана Гейдар Алиев, издав Указ от 26 марта 1998 года «О геноциде азербайджанцев». Еще один Указ главы государства от 18 декабря 1997 года «О массовой депортации азербайджанцев с историко-этнических земель на территории Армянской ССР в 1948-1953 годах» имеет особое значение с точки зрения всестороннего исследования депортации азербайджанцев, дачи данному преступлению политико-правовой оценки.

Таким образом, даже переселение армян и другие факторы, проводимые в жизнь имперской политикой царизма, не могут опровергнуть тот факт, что Гарабах является территорией Азербайджана. Но, несмотря на это, армяне, переселенные на азербайджанские территории, всегда старались стать хозяевами этих территорий и в различные периоды создавали серьезные проблемы для азербайджанского народа: убивали ни в чем не повинных людей, опустошали города и села. Однако остается непонятным, почему на основе общепризнанных норм и принципов международного права мировой общественностью не предпринимаются попытки по установлению справедливого и объективного мира, безоговорочно обеспечивающего территориальную целостность Азербайджана и вынуждению армян к выводу своих бандформирований с захваченных ими наших территорий. Также непонятно, почему парламентарии ряда стран, с пренебрежением относясь к историческим истинам, до сих пор закрывают глаза на захватнические действия армян, более того, находятся и такие страны, которые выражают солидарность с армянами в вопросе геноцида.

Хочется также подробно остановиться на вопросе об истории переселения армян в Гарабах. Однозначно можно утверждать, что создание армянского государства под покровительством России, а также переселение армян из Ирана и Турции на оккупированные Россией территории не были случайностью, это было закономерным результатом армяно-русских отношений. Основой этих отношений, как и пропагандировала русская и армянская историческая литература, являлось враждебное отношение к мусульманским странам Востока, в особенности к Турции, а с XVIII века и к Азербайджану. История свидетельствует о том, что русско-армянские отношения расширились после оккупаций Казани (1552) и Астрахани (1556), а также войн с Турцией (1635-1639, 1711, 1768-1774, 1787-1791 и др). С попытками колонизировать прикаспийские территории эти отношения еще больше укрепились. В ходе этих событий начинается переселение армян на территорию России и создание там армянских колоний. В этом деле большую роль сыграл Указ Петра I армянскому народу (10 октября 1724-го года). Этим указом давалось согласие на переселение армян на оккупированные Россией территории и выделение мест для их проживания. Эта политическая линия Петра I в последующий век была продолжена его наследниками.

Победа России в русско-персидской войне 1804-1813-х годов и разделивший Азербайджан «Туркменчайский договор» дали новый мощный толчок переселению и объединению армян. Этот план начал осуществляться после захвата российскими войсками Иревана. Армянский католикос Нерсес Аштаракетси подготовил проект о переселении, а А.С.Грибоедов сыграл большую роль в подготовке и осуществлении этого проекта. В ноябре 1827-го года Нерсес писал приглашенному из Петербурга для руководства переселением армян и находящемуся в Тебризе Егиазару Лазарьяну: «Я попросил верного защитника армянской нации господина А.С.Грибоедова не забывать мою просьбу касательно пленных христиан и принятия их везде, где бы ни находились под могущественным флагом русского подданства... Я также просил его высочество за всех армян, находящихся в Иране, и сейчас ему пишу с просьбой: склоните Ивана Федоровича Паскевича, дабы не забыл он добавить в мирное соглашение пункта, в котором всем армянам на территории Ирана давалось бы право под покровительством России свободно вернуться на свою родину – Армению».

XV пункт «Туркменчайского договора», подписанного 10 февраля 1828-го года, подразумевал переселение армян: «Его высочество Шах... дарует совершенное и полное прощение всем жителям и чиновникам области, именуемой Азербайджаном... Сверх того, будет предоставлен тем чиновникам и жителям годичный срок, считая от сего числа, для свободного перехода со своими семействами из персидских областей в российские, для вывоза и продажи движимого имущества, без всякого со стороны правительства и местных начальств препятствия и не подвергая продаваемые или вывозимые сими лицами имущества и вещи какой-либо пошлине или налогу. Относительно же имущества недвижимого определяется пятилетний срок для продажи оного или учинения произвольных об оном распоряжений». Для организации переселения армян в Ирване и Нахчыване были учреждены комитеты по переселению. Переселенцы получили широкие льготы: они на 6 лет освобождались от налогов и обязанностей, получали средства в счет компенсации из Ирана. После осуществления некоторых подготовительных мероприятий началось переселение. Количество переселенных из Ирана армян достигало до 40-50 тысяч.

В ходе русско-турецкой войны 1828-1829-х годов и после её завершения из Турции сюда было переселено еще 90,000 армян. Переселение армян из Ирана, Турции и других областей продолжалось в течение всего последующего периода. Главным направлением переселения было Закавказье. В 1911-м году Н.И.Шавров писал: «Из 1,300,000 армян, населявших Кавказ в 1908-м году, более 1,000,000 не являются коренными и были переселены сюда нами». Особое внимание уделялось местам размещения армян после переселения. А.С.Грибоедов писал: «... С территорий, занимаемых русской армией – Тебриз, Хой, следует переселить всех армян в Нахичеванскую, Иреванскую и Гарабахскую области...» Эта рекомендация Грибоедова была выполнена. Подтверждением того может служить свидетельство Н.Шаврова, который писал: «Мы расселили армян на лучших казенных территориях Елизаветпольской и Иреванской губерний, где армянское население составляло абсолютное меньшинство... Нагорная часть Ели-

заветпольской губернии (Нагорная часть Гарабаха) и берег озера Гёйче были заселены переселенными армянами...». Таким образом, с переселения армян началось изменение этнического состава вышеназванных территорий. Согласно материалам 1823-го года из 20,000 семей населявших Гарабах только 1,500 были армянскими, что составило 7,5 %.

После переселения этнический состав резко изменился. В 1932-м году азербайджанцы составляли 64,8% всего населения Гарабаха, армяне – 34,8%. Эта политика продолжилась в целенаправленной форме. В 80-х годах XIX века 58,2% всего населения Шушинского уезда составляли армяне, а азербайджанцы только 41,5%. Согласно переписи населения в России за 1897-й год эти цифры выглядели следующим образом: азербайджанцы – 45%, армяне 53%, в 1917-м году – 40,2% и 52,3% соответственно. Уничтожение азербайджанцев армянами в 1918–1920-х годах охватывало и Гарабах. В 1923-м году при учреждении Нагорно-Гарабахской Автономной Республики была допущена историческая несправедливость, Низменная и Нагорная части Гарабаха были искусственным способом отделены друг от друга, были созданы выгодные условия для консолидации армянского населения, демографические позиции Азербайджана претерпели сильный удар. Согласно проведенным в 1926, 1959, 1970 и 1979-х годах переписям населения, азербайджанское и армянское население НКАО имело следующее соотношение – 10,1 и 89,1%, 13,8 и 84,4%, 18,1 и 80,5%, 23,0 и 75,9% соответственно.

Как было отмечено выше, в 1978-м году армяне Нагорного Гарабаха отмечали 150-летие своего переселения. В честь юбилея они поставили памятник на территории села Марагашен-Ленинаван Мардакертского-Агдаринского района, который был разрушен ими в 1988 году, как материальное доказательство их прищлости.

Политика вытеснения азербайджанцев с их исторических земель продолжалась и в советское время, однако коммунистическому режиму удавалось удерживать сферу межнациональных отношений под своим контролем. Горбачевская перестройка активизировала националистические процессы. В феврале 1988 года начались первые митинги армян, требующих присоединения Нагорного Гарабаха к Армении. В 1988-1989 годах более 250 тысяч азербайджанцев, живших на своих историко-этнических землях в бывшего Иреванского ханства, все до единого человека были депортированы. Это стало прелюдией Нагорно-Гарабахского конфликта. Начатая армянами в 1988 году борьба по отторжению Нагорного-Гарабаха привела к разрушению сел и поселков, убийству десятков тысяч невинных людей, изгнанию сотен тысяч азербайджанцев со своих исторических земель. Только с 1988 по 1994 годы армянами было совершено 373 террористических акта, направленных против мирного населения.

Азербайджан продолжает борьбу за восстановление исторической справедливости, разоблачение преступников и предание их суду мировой общественности и возвращение своих захваченных территорий.

Чтоб тебя позабыть...

Все тропинки, дороги в стране забытья
Исходить должен я, чтоб тебя позабыть.
Дни с тобой от безрадостных дней без тебя
Отделить должен я, чтоб тебя позабыть.

Океаны разлук, миги радостных встреч...
Тем, кто горя не знал, счастья ввек не сберечь.
Память всю – за страницей страница – стереть
Должен начисто я, чтоб тебя позабыть.

Кровь сочится из ран моей бедной души...
Ай, жестокая, маски менять не спеши!..
Я, от жизни устав, должен новую жизнь
Обрести, чтоб навеки тебя позабыть.

С раем ад, с ядом мёд ты сумела смешать.
В этом крохотном мире куда мне бежать?..
И много пути мне вовек не сыскать –
Умереть должен я, чтоб тебя позабыть.

Без названия

Ни кают и ни трапа – где выход, где вход?..
Как попасть нам вот этого судна на борт?
Этот странный корабль – планета Земля,
Ну, а мы, пассажиры, стремимся вперед.

Каждый занят своим, в суете и в делах.
День и ночь тот корабль океан бороздит.
Рулевой наш – не жадный, он все повидал,
Не берет за проезд и не требует мзды.

И ему все равно, кто твой сват, а кто брат,
Не ругает, не хвалит он нас ни за что.
Все попасть на корабль добровольно спешат,
Но сходить добровольно не хочет никто.

Снова в ребра стучатся, грохочут сердца,
Пот стираем со лба, отдышавшись едва.
Ну, а стрелки часов, что острее серпа,
Наши с корнем срезают и дни, и года...

А Земля как корабль во Вселенной кружит,
Но откуда-то нас окликает судьба:
Этот странный корабль – ваша странная жизнь,
Где входящий смеется,
и плачет, сходя.

Старый соловей

Опять, приветствуя восход,
Ты в чаще запоёшь лесной.
В тисках тоски, в плену забот
Как поседели мы с тобой!..

А в сердце – новые стихи...
Пусть старость нам грозит зимой,
Но снова первой ждем любви
Седой бьюль-бюль,
товарищ мой.

Мир пахнет кровью...

Пирамиды оружия к нам вопиют,
Тянет мир заунывный предсмертный напев,
И фиалки в весенних полях не цветут...
Мир наш кровью пропах, ожиданием бед.

Горы вокруг нас теснят, жмёмся к камню в ночи,
Вызвать память из тьмы не могу – душит страх.
Брат на брата безудержный меч наточил...
Боже мой, вправду мир этот кровью пропах!..

В этом омуте сгинуть навек – не хочу,
И смотреть с бережкá на него – не хочу.
Тяжела для людей, многим не по плечу,
Стала эта вот, кровью пропахшая жизнь.

Мы устали от тьмы и терпеть нету сил.
Темной кровью людские зрачки налились,
Дьявол мир наш кровавою лавой залил...
Воин Света, скорее нам, бедным, явись!..

Пусть с приходом твоим расцветет этот мир,
Вкус добра нам верни, ароматы любви...
Боже мой, нам остался всего только миг –
Мы почти захлебнулись вот в этой крови...

Перевод Алины ТАЛЫБОВОЙ

ЕЛИЗАВЕТА КАСУМОВА

ДОН КИХОТ? А КТО ЭТО?

(Полемические заметки)

...Нынешний год объявлен в России годом литературы. Как сказано в соответствующем указе Президента РФ, целью этой масштабной акции является привлечение «внимания общества к литературе и чтению», возрождение у граждан интереса к классической и современной литературе. В течение года планируется провести Международный писательский форум «Литература Евразии» (думается, что и азербайджанские литераторы примут в нем участие), осуществить проекты «Библионочь-2015», «Книги – в больницы», «Лето с книгой», реализовать пилотный проект «Всемирный день книги» и еще много чего интересного и полезного. Так, будут широко отмечены юбилеи классиков русской литературы:

- 220 лет со дня рождения Александра Грибоедова,
- 150 лет со дня рождения Антона Чехова,
- 140 лет со дня рождения Ивана Бунина,
- 125 лет со дня рождения Бориса Пастернака,
- 110 лет со дня рождения Михаила Шолохова.

И что представляется особенно интересной задумкой – будут отмечены юбилеи книг: 400-летие романа Сервантеса «Хитроумный идальго Дон Кихот Ламанчский», 175-летие со дня выхода в свет «Героя нашего времени» Михаила Лермонтова и романов «20 лет спустя» и «Королева Марго» Александра Дюма, 170-летие романа «Бедные люди» Федора Достоевского, 160-летие «Песни о Гайавате» Г. Лонгфелло, 150-летие «Алисы в стране чудес» Л. Кэрролла, 140-летие «Таинственного острова» Жюль Верна и т.д.

Замечательные планы, прекрасные инициативы. Думаю, многие согласятся с тем, что необходимость подобных акций назрела уже давно. Однако, наверное, только их недостаточно. Такая работа требует постоянного и более обширного подхода. Потому что ситуация с литературой – аховая...

Когда-то советский народ, из которого вышли мы все, был самой читающей нацией на планете. И, как следствие, скажу без преувеличения, – самой образованной. А вот сейчас литература перестала быть востребованной. Книжные шкафы или хотя бы книжные полки перестали занимать в квартирах свое достойное место. Более того, мебельная промышленность их просто не производит: как мне сказали в одном из бакинских мебельных магазинов – за ненадобностью, отсутствия на них покупательского спроса. Старшее поколение еще не научилось обходиться без книжных стеллажей, в квартирах же более молодых граждан они напросто отсутствуют – как и сами книги! Их место заняли телевизоры на 400 программ, компьютеры, айфоны, смартфоны и прочие источники информации. Вновь на передний край человеческих потребностей выдвинулся древний лозунг «Хлеба и зрелищ!». Духовность никому не нужна. Она мешает зарабатывать и кайфовать – предел стремлений поколений, живущих в современном обществе.

Не стану спорить – время изменилось, и подаренные этим временем технические новшества во многом облегчают нам жизнь. Но жить только ими и с ними – верно ли?

Да, приоритеты изменились, на смену познанию, постижению, пониманию и, значит, сопереживанию, то есть участию в познании – души, что способствует развитию духовности, пришла простая информированность – категория чисто техническая: здесь нет места духовности, сердце отменяется, да здравствует голый разум!

Возможно, это оправдано временем. Но не приближает ли это нас к биороботам, не становимся ли мы отчасти ими? Сейчас не стыдно не знать, кто такие Шекспир или Сервантес, кем написаны романы «Преступление и наказание» и «Воскресение», стыдно не иметь «тачки», айфона, навороченного ноутбука...

Ни в коей мере не преуменьшая значения всех этих благ, дарованных техническим прогрессом и несущих нам комфорт и удобство, хочу все же сказать, что неплохо бы и Шекспира иногда перечитывать (или хотя бы раз его прочесть), и не с экрана компьютера (Шекспир с монитора, на мой взгляд, нонсенс), а старым дедовским методом – со страниц книги, над которой можно поразмышлять, прочувствовать, а не просто ознакомиться с фабулой, главное ведь – не сюжет, а то, чем он наполнен...

* * *

...Говорю своей подруге, у которой я в гостях:

– Представляешь, у Дон Кихота в этом году юбилей – круглая и очень весома́я дата.

Ее 27-летняя дочь, обладательница диплома о высшем экономическом образовании, интересуется:

– У Дон Кихота? А кто это?..

* * *

...На одном из общественно-культурных мероприятий разговорилась о литературе с весьма представительной дамой.

Она:

– Читали ли вы роман писателя N. «Тайна влюбленного монстра»?

– Даже не слыхала о таком, – откровенно признаюсь я.

– Ну, как же, это же бестселлер, его все читают! – восклицает дама. – Или вот роман писателя N.N. «Миллион за поцелуй скорпиона» – тоже замечательная вещь. Читали?

Я отрицательно качаю головой.

– Что же это вы, – разочарованно тянет дама, – совсем книг не читаете?

«Читаю, – хочется ответить мне. – Только немного другие книги». Однако вместо этого спрашиваю:

– А где можно эти книги достать?

– Ничего не надо доставать, – снисходительно улыбается дама, – не советское время. Скачайте из интернета. И прочтите обязательно, – наставительно завершает она разговор.

– Непременно, – вру я и отхожу от дамы. Как-то по-разному мы с ней смотрим на литературу...

* * *

...Небритый пожилой таксист в поношенном пиджаке, услугами которого я иногда

пользуюсь, по дороге любит поговорить о литературе и литераторах, его «конек» – Александр Сергеевич Пушкин, творчество и подробности жизни которого он неплохо знает. Иногда он сообщает мне факты из пушкинской биографии, которые неизвестны даже мне, хотя я работаю в литературно-художественном журнале, то есть имею несколько больше отношения к литературе, чем он (приводимые им факты – не выдуманные, я потом проверяла). Иногда он с заметным акцентом (человек он, скорее, азербайджаноязычный) наизусть читает мне и кое-что из пушкинских стихотворений...

– Откуда вы все это знаете? – удивляюсь я.

– Ну, как же, – в свою очередь удивляется он, – это все знают.

«Не все, к сожалению, теперь уже – далеко не все», – хочется возразить мне, но я молчу...

Ну да, люди нашего поколения, может, и знают. А остальные...

* * *

...Да, книг сегодня не читают. Почти. Не таких, как «Миллион за поцелуй скорпиона», а – Книг. Читатели, как класс, вымирают. Читать – не модно. Зато модно писать. Ведь сколько развелось сейчас всевозможных писак. И каждый именуется – писателем. Сегодня в литераторы не подается только ленивый. Каждый считает своим долгом написать книгу и поскорее ее издать – не для того, чтобы ее прочитали (да их никто и не читает), а чтобы был повод указывать, где надо и не надо, что такой-то, дескать, является автором столько-то книг (никем не прочитанных, но зато изданных же, написанных!). Подобная бумажная продукция на непременно устраиваемых презентациях (куда же без них!) раздается и раздаривается (обязательно – с автографами автора) всем, кому придется, с тем, чтобы после быть выброшенной на мусорную свалку, куда ей, собственно, и дорога...

Зато «галочка» – остается: дескать, такой-то – автор некоей книги...

* * *

...Вообще печатной продукции сейчас более, чем достаточно. Но только по большей части это – не литература, а – чтиво. Газеты и журналы – посмотреть и выбросить. Книжки – проглядеть и забыть. И я сейчас уже не про тех авторов, которые издают сами себя и сами же себя читают (так называемый «самиздат», или, как говорит один мой знакомый, большой знаток не только литературы, но и компьютерных технологий – редкое сочетание качеств – спамиздат). Нет, я о книжках, выходящих по воле издателей, книжках на потребу дня, тех, что можно обозначить просто как товар – то, что продается. Это как раз книжки вроде «Тайны влюбленного монстра» и «Миллиона за поцелуй скорпиона». Книжки, прочтение которых не требует никаких душевных затрат, что вызывают не чувства, а – ощущения, желательны – острые. Именно такие книжки сегодня покупаются...

Помните, кто-то сказал: «Душа обязана трудиться»... Сегодня души трудиться не желают. Народ развращен легкоусвояемой литературкой, обилием и доступностью восприятия которой испорчен вкус современного читателя... То же самое сейчас, кстати, происходит и с музыкой... И – с моралью, которая во многом формируется литературой. Какая обществом потребляется литература – такова и его мораль...

* * *

...Правда, пока еще остаются (издаются!) литературно-художественные журналы – островки серьезной литературы, едва просматриваемые в океане читыва. Журналы, которые стараются предлагать читателю что-то более близкое к настоящей литературе – по возможности, конечно, но все же стараются. Именно в них сегодня еще можно прочесть что-то из того, что противостоит понятию «читиво». Один из таких журналов – «Литературный Азербайджан»...

* * *

...Диалог с сомневающимся гражданином:

– А нужен ли ваш журнал кому-то? Кто его сегодня читает?

– Вы знаете, нужен. Читатели ждут журнал, волнуются, если его выход задерживается, звонят в редакцию, чтобы поделиться впечатлениями о прочитанном, что-то хвалят, что-то критикуют – значит, журнал читают.

– Кто там его читает? Горстка оставшейся старой интеллигенции!

– Неправда! Среди читателей – люди разных возрастов, есть и молодежь. Молодые, кстати, нередко приносят в журнал и свои литературные опыты, среди них встречаются достаточно талантливые...

– Ну, все равно, тираж журнала – всего 400 экземпляров, даже если все раскупят, в чем я сомневаюсь, его прочтет всего 400 человек – это же капля в море!

– Журнал раскупается, расходуется по подписке, и я точно знаю, что его зачастую прочитывают все взрослые члены семьи и потом передают почитать знакомым... И еще – журнал имеет свою электронную версию, и хотя я уверена: по-настоящему его следует читать в бумажном варианте, но пусть будет хотя бы с монитора... И читают его не только в Азербайджане, но и в других странах, в том числе – западных, и оттуда, кстати, мы тоже получаем отклики.

– Ну, не знаю, я ваш журнал не читаю, и читать не собираюсь, тем более – в бумажном варианте.

– Ну, что ж, каждому свое... Прочтите тогда с монитора «Миллион за поцелуй скорпиона»...

* * *

...К сожалению, надо признать, что таких «читателей», являющихся своего рода продуктом современных, не лучших в духовном плане реалий, немало, пожалуй, их гораздо больше, чем тех, чьи души все еще готовы трудиться...

Грустно все это... Хорошо, хоть на правительственном уровне иногда вспоминают, что неплохо бы напомнить народу: есть такая штука, как настоящая, хорошая литература. И, может быть, когда-то печальные тенденции, сложившиеся в обществе в отношении настоящей литературы и хороших, умных книг, удастся переломить...
